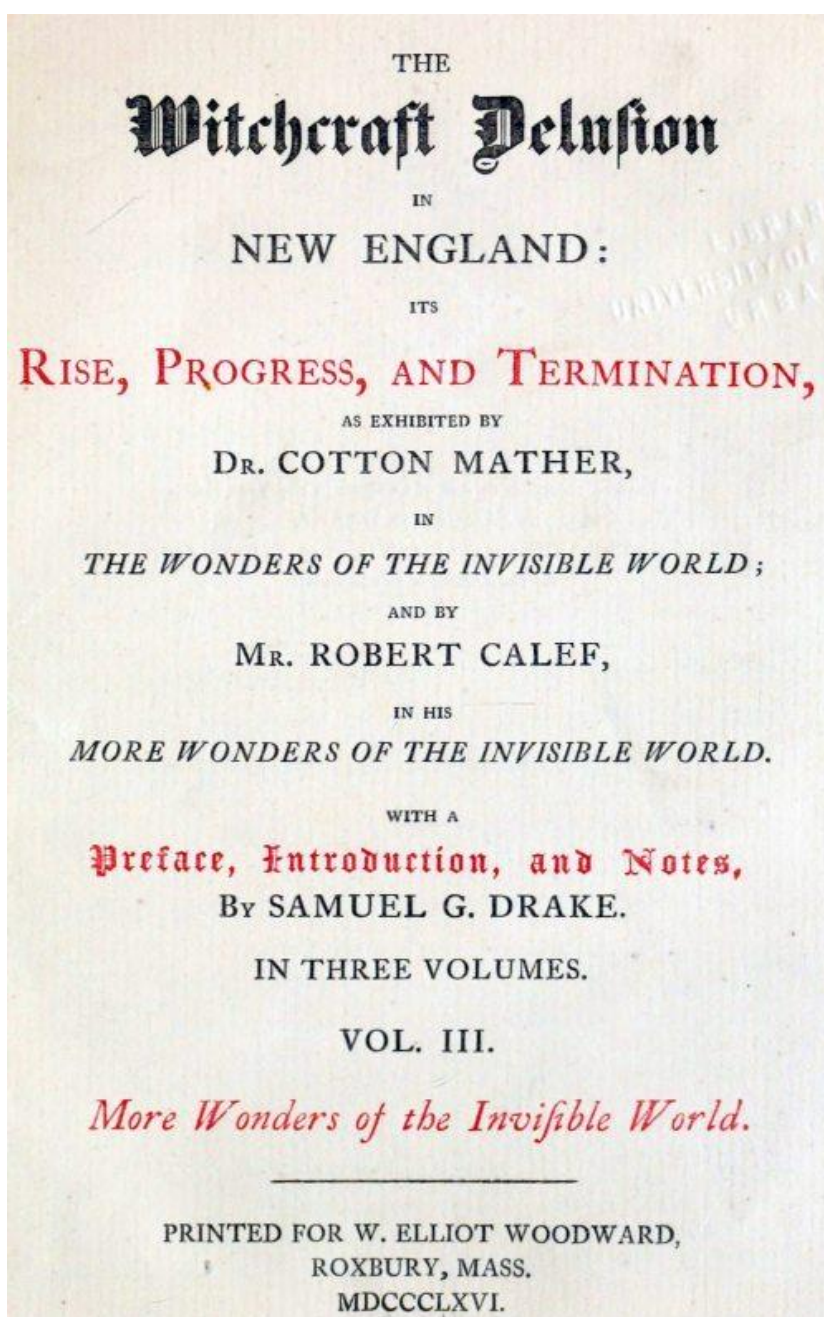

Наваждение колдовства в Новой Англии. Его возникновение, развитие и исчезновение (том 3 из 3)

Коттон Мазер
Роберт Калеф

Электронная книга проекта Гутенберга «Мания колдовства в Новой Англии: ее возникновение, развитие и исчезновение» (том 3 из 3)

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Наваждение колдовства в Новой Англии: его возникновение, развитие и исчезновение» (том 3 из 3)

Редактор: Сэмюэл Г. Дрейк

Автор: Роберт Калеф

Коттон Мазер

Дата выпуска: 30 октября 2016 г. [электронная книга № 53412]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Дианой Адаир, Луизой Дэвис, Элени Кристофаки и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан с использованием сканов произведений, находящихся в общественном достоянии, из цифровых библиотек Мичиганского университета).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «БРЕД О ВЕДЬМАРСТВЕ В НОВОЙ АНГЛИИ: ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И КОНЕЦ (ТОМ 3 ИЗ 3) ***

Примечание транскрибатора.

[Список](#) внесенных изменений можно найти в конце книги.

Мания охоты на ведьм в Новой Англии, том III

Историческая серия Вудворда.

№ VII.

Бред о колдовстве в Новой Англии: его возникновение, развитие и конец, как показано доктором Коттоном Матером в книге «Чудеса невидимого мира» и г-ном Робертом Калефом в книге «Еще больше чудес невидимого мира». С предисловием, введением и примечаниями

Сэмюэля Г. Дрейка. В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ III.

Еще больше чудес невидимого мира.

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ В. ЭЛЛИОТА ВУДВАРДА, РОКСБЕРИ, МАССАЧУСЕТС. MDCCCLXVI.

№ _____

Зарегистрировано в соответствии с Законом Конгресса от 1865 года СЭМЮЭЛОМ Г. ДРЕЙКОМ в канцелярии окружного суда Соединенных Штатов по округу Массачусетс.

Тираж в этом формате 280 экземпляров.

Манселл, печатник.

[90] ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЧУДЕС НЕВИДИМОГО МИРА.

ЧАСТЬ V.

Беспристрастный отчет о самых запоминающихся фактах, касающихся предполагаемого колдовства в Новой Англии.

Факты.

Мистер *Пэррис*^[1] несколько лет был священником в деревне *Салем*, когда эта печальная беда (подобная потопу) обрушилась на них, распространившись далеко и широко. Он был джентльменом с либеральным образованием и, не встретив большого поощрения или преимуществ в торговле, которой он некоторое время занимался, посвятил себя служению в церкви; поскольку в то время в деревне не было священника, он встретил такое поощрение, что остался там в этой должности.

Прожив там около двух лет, он получил от части города грант, согласно которому дом и земля, которые он занимал и которые были выделены всем народом для министерства, должны были остаться в его собственности в качестве его личного имущества в безусловном владении. Это вызвало большие разногласия как между самими жителями, так

и между значительной частью из них и их министром, которые были лишь началом или *прелюдией* к тому, что последовало сразу же за этим.

Это было в конце *февраля* 1691 года,[2] когда несколько молодых людей из семьи мистера *Пэрриса* и один или несколько из соседей начали [91] вести себя странным и необычным образом, а именно: забираться в дыры, ползать под стульями и табуретами, принимать различные странные позы и делать странные жесты, произносить глупые, смешные речи, которые ни они сами, ни кто-либо другой не мог понять; вызванные врачи[3] не могли объяснить причину этого; но, похоже, один из них, прибегнув к старой уловке, сказал им, что боится, что они заколдованы; после таких предположений заинтересованные лица приступили к посту и молитвам, которые проводились не только в их собственных семьях, но и с привлечением помощи других.

11 марта. Мистер *Пэррис* пригласил нескольких соседних священников присоединиться к нему в проведении торжественного дня молитвы в его собственном доме; во время молитвы эти люди в основном молчали, но после окончания каждой молитвы они начинали вести себя и говорить странно и нелепо, хотя были хорошо образованными и хорошо себя вели. Одна девочка 11 или 12 лет иногда казалась в *судорожном* припадке, ее конечности скручивались в разные стороны и становились очень жесткими, но вскоре припадок проходил.

За несколько дней до этого торжественного дня молитвы *индейский* мужчина и женщина мистера *Пэрриса* испекли пирог из ржаной муки с добавлением детской воды и запекли его в пепле, а затем, как говорят, отдали его собаке; это было сделано с целью обнаружить колдовство; вскоре после этого те больные, которые были поражены или страдали, назвали нескольких человек, которых, по их словам, они видели, когда были в припадке, мучающих их.

[4]Первой, на кого пожаловались, была упомянутая индианка по имени *Тутуба*. Она призналась, что *дьявол* подтолкнул ее подписать книгу, которую он ей представил, а также причинять вред детям и т. д. Впоследствии она была заключена в тюрьму и пробыла там до тех пор, пока не была продана за свои сборы. По ее словам, ее хозяин избивал ее и иным образом жестоко обращался с ней, чтобы заставить ее признаться и обвинить (как он называл) своих сестер-ведьм, и все, что она сказала в качестве признания или обвинения других, было результатом такого обращения; ее хозяин отказался платить ей гонорар, если она не будет стоять на своем.

Дети также жаловались на двух других женщин, которые, *по их словам*, были виновны в их страданиях, а именно на *Сару Гуд*, которую давно считали *меланхоличной* или *невменяемой* женщиной, и на одну *Осберн*, старую *прикованную к постели* женщину. Обе эти женщины были настолько плохой репутацией, что обвинению поверили без колебаний, и после допроса перед двумя *салемскими* магистратами они были заключены в тюрьму. [5]19 марта туда прибыл мистер *Лоусон* (который ранее был проповедником в упомянутой деревне) и впоследствии опубликовал отчет о том, что тогда произошло. По его словам, в то время они жаловались на миссис *Кори* и миссис *Нерс*, членов церквей в деревне и в *Салеме*, а также на многих других, которые к тому времени были обвинены.

21 марта, миссис *Кори*[6] была допрошена перед магистратами *Салема* в собрании деревни, где собралась толпа зрителей, чтобы увидеть эту новизну. Г-н *Нойес*, [7], один из священников *Салема*, начал с молитвы, после чего заключенная была вызвана, чтобы ответить на обвинения [92], выдвинутые против нее. Она попросила разрешения

помолиться, но магистраты ответили, что они пришли не для того, чтобы слушать ее молитву, а для того, чтобы допросить ее.

Число пострадавших в то время составляло около десяти человек, а именно миссис Поуп, миссис Путман, миссис Биббер, миссис Уортон ([8]) и миссис Гудолл (*Goodwife Goodall*), *Мэри Уолкотт (Mary Wolcott)*, *Мерси Льюис (Mercy Lewes)* (у Томаса Путмана) и служанка доктора Грегга, а также три девушки, а именно: *Элизабет Пэррис (Elizabeth Parris)*, дочь министра, его племянница *Эбигейл Уильямс (Abigail Williams)* и *Энн Путман (Ann Putman)*, которые не только были инициаторами, но и главными фигурами в этих обвинениях. [9] Эти десять человек были большинство из них присутствовали на допросе и яростно обвиняли ее в том, что она мучила их, кусая, щипая, душа и т. д. И они сказали, что в своих припадках видели ее подобие, приходящее к ним и приносящее им книгу для подписи; Мистер Хаторн, магистрат Салема, спросил ее, почему она причиняла страдания этим детям? Она ответила, что не причиняла им страданий. Он спросил ее, кто же тогда это делал? Она ответила, что не знает, откуда ей знать? Она сказала, что они были бедными, обезумевшими существами, и не стоило обращать внимания на то, что они говорили; Мистер Хаторн и мистер Нойес ответили, что все присутствующие считают, что они были околдованы, и только она (обвиняемая) сказала, что они были обезумевшими. Они обвинили ее в том, что *черный человек* шептал ей на ухо сейчас (пока она находилась на допросе) и что у нее была желтая птица, которая сосала между ее пальцами, и что эта птица сосала сейчас в собрании; после того, как было дано распоряжение осмотреть это место, чтобы увидеть, есть ли там какие-либо следы, девушка, которая притворялась, что видит это, сказала, что теперь уже слишком поздно, потому что она убрала булавку и положила ее на голову, и при обыске было обнаружено, что там торчала булавка. Когда обвиняемые делали какие-либо движения телом, руками или ртом, обвинители кричали, например, когда она кусала губу, они кричали, что она их укусила, если она хватала одну руку другой, они кричали, что она их ущипнула, и показывали следы, то же самое происходило с другими движениями ее тела, например, они жаловались, что она их давит, когда она наклонялась к сиденью рядом с ней, если она шевелила ногами, они топали и кричали от боли. После слушания дела упомянутая *Кори* была заключена в тюрьму Салема, и тогда их крики о ней утихли.

24 марта миссис Нерс была приведена перед мистером Хаторном и мистером Кервином (магистратами) в доме собраний, мистер Хейл, министр из Беверли, начал с молитвы, после чего она, будучи обвинена в тех же преступлениях, дала такие же ответы, с убежденностью утверждая свою невиновность. Обвинители были в основном те же, жена То Путмана и др., которые жаловались. Ужасающие крики, исходившие от нее и других, были очень поразительными и слышны на большом расстоянии; она также была заключена в тюрьму. [10]

Ребенок *Сары Гудс*, которому было от 4 до 5 лет, также был арестован. Обвинители заявили, что этот ребенок укусил их, и показали следы, похожие на следы от маленьких зубов, на своих руках. Многие из тех, кто был поражен болезнью, на которых ребенок бросил свой взгляд, жаловались, что испытывают мучения. Этого ребенка они также передали в суд.

Что касается тех, кто до сих пор был допрошен и заключен под стражу, то, среди прочего, г-н Лоусон (в печати [11]) отмечает, что обвинители обвинили их в принадлежности к группе, которая собиралась с оружием, и сообщили, что они соблюдали дни поста, Дня благодарения и таинств; и что страдающие (или обвинители) в собрании исцеляли друг друга, даже прикосновением руки, когда их душили и иным образом пытали, и стремились добраться до страдающих, чтобы облегчить их страдания (поскольку до сих пор они не использовали эксперимент, при котором обвиняемые прикасались к страдающим, чтобы

исцелить их), и могли предсказывать друг другу приближающиеся приступы и говорили: «Посмотри на эту, у нее сейчас будет приступ», и так и происходило, и что в то же время, когда обвиняемая была присутствовала, страдающие говорили, что видели ее *призрак* или подобие в других местах молельни, сосущее [кормящее] их фамильяров.

Когда упомянутый мистер Лоусон собирался проповедовать в деревне, после того как был пропет псалом, Эбигейл Уильямс сказала: «Теперь встаньте и назовите свой текст»; после того как он был прочитан, она сказала: «Это длинный текст». Миссис Поуп в начале проповеди сказала ему: «Теперь этого достаточно» (). Во время проповеди он сослался на свою доктрину, и Эбигейл Уильямс сказала ему: «Я не знаю никакой доктрины, которую вы имели, если вы называли какую-то, я ее забыла». Энн Путман, страдающая девушка, сказала: «На его шляпе, висевшей на булавке на кафедре, сидела желтая птица».[12]

31 марта 1692 года был объявлен днем торжественного покаяния в Салеме в связи с этим делом, в который день Эбигейл Уильямс сказала, что она видела большое количество людей в деревне, совершающих пародию на таинство, где они ели хлеб, похожий на сырое мясо, и пили красный напиток.[13]

1 апреля. Мерси Льюис подтвердила, что она видела человека в белом, с которым она пошла в славное место, а именно в своих припадках, где не было ни солнечного света, ни свечей, но было полно света и яркости, с большим множеством людей в белых сверкающих одеждах, которые пели песню из Откровения 5:9 и 110 и 119. Псалмах; и ей было дано, чтобы она больше не задерживалась в этом месте. Говорят, что этот человек в белом несколько раз появлялся перед другими из них и общался им, сколько времени пройдет, прежде чем у них будет очередной приступ.[14]

3 апреля. В день причастия в деревне Сара Клойс, сестра Гудвиф Нерс, член одной из церквей (), была (хотя, по-видимому, с трудом) присутствовала; но, войдя в помещение, и когда мистер Пэррис назвал свой текст, Иоанн 6:70. Разве не Я избрал вас двенадцатью, а один из вас дьявол (по какой причине, остается под вопросом: из-за того, что ее сестры были заключены, или из-за выбора этого текста), она встала и вышла, ветер с силой захлопнул дверь, что дало повод некоторым предположить, что она вышла в гневе, и могло вызвать подозрение в отношении нее; однако вскоре после этого на нее пожаловались, допросили и заключили.[15]

11 апреля. К этому времени число обвиняемых и обвинителей значительно увеличилось, и в Салеме было проведено публичное расследование, на котором присутствовали шесть магистратов и несколько священников. Несколько человек выступили с жалобами на других, сопровождая их громкими криками и воплями. Туда привели миссис Проктор ([16]), которая была обвинена () или на которую кричали; ее муж [94] пришел, чтобы сопровождать и помогать ей, если понадобится, но обвинители кричали и на него, причем с такой силой, что его заключили вместе с женой. Примерно в это же время, помимо эксперимента с падением страдающих при виде *и т. д.*, они заставили обвиняемую произнести молитву «Отче наш», которую одна из них произнесла, за исключением той просьбы [Избавь нас от лукавого], которую она произнесла так (Избавь нас от всякого зла), что было расценено как молитва против того, под чем она сейчас справедливо находилась, и, когда ее заставили повторить эти слова [Да святится имя Твое], она произнесла [Да будет имя Твое пусто], что было сочтено искажением слов, означающим аннулирование, и, таким образом, скорее проклятием, чем молитвой, в целом было решено, что она также не может произнести ее *и т. д.* Продолжая эту работу по допросам и заключению под стражу, многие были отправлены в тюрьму. В качестве примера см. следующий Mittimus:

К тюремщику Их Величеств в Салеме.

Вы, от имени Их Величеств, настоящим обязаны взять под свою опеку и надежное содержание под стражей тела Уильяма Хобса и его жены Деборы, Мэри Исти, жены Исаака Исти, и Сары Уайлд, жены Джона Уайлда, все из Топсфилда; а также Эдварда Бишопа из Сейлем-Виллидж; Хубандмана и его жену Сару, а также Мэри Блэк, негритянку лейтенанта Натаниэля Путманса из Сейлем-Виллидж; а также Мэри Инглиш, жену Филипа Инглиша,^[17] торговца из Салема; которые обвиняются в серьезных подозрениях в различных актах колдовства, «», совершенных или совершаемых ими в последнее время над телами Энн Путман, Мэри Льюис и Абигайл Уильямс из Салем-Виллидж; в результате чего, согласно жалобе Томаса Путнэма и Джона Бакстона из Салем-Виллидж, представленной на рассмотрение, телам указанных лиц был нанесен большой вред и ущерб. Сейлем, 21 апреля 1692 г., появляются, которых вы должны обеспечить для их дальнейшего допроса. Не подведите.

Джон Хаторн, Помощники.

Джона Курвин,

Дата: Салем, 22 апреля 1692 г.

Маршаллу Джорджу Херрику
из Салема, Эссекс.

Вы, от имени Их Величеств, настоящим обязаны доставить вышеуказанного в тюрьму в Салеме. Не пропустите.

Джон Хаторн, помощники,

Джона Курвин,

Дата: Салем, 22 апреля 1692 г.

Причиной криков на епископа стало то, что он находился на допросе в Салеме, когда в гостинице один страдающий *индеец* вел себя очень буйно, но епископ взял его на себя и так справился с ним, что тот стал очень послушным, после чего, когда епископ ехал домой в компании с ним и другими обвинителями, *индеец* впал в приступ и, вцепившись зубами в спину ехавшего впереди него человека, удержал себя на лошади (), но сказал, что епископ ударил его палкой, *индеец* быстро пришел в себя и пообещал, что больше так не будет; на что епископ ответил, что он [95] не сомневается, что может вылечить их всех, и сказал еще кое-что в том же духе; сразу после того, как он расстался с ними, его выгнали с криками и т. д.

14 мая 1692 года. Сэр Уильям Фипс прибыл с поручением от их величеств стать губернатором в соответствии с новой хартией, которую он теперь привез с собой; старая хартия была аннулирована королем Карлом и королем Джеймсом (по которой они имели право не только принимать свои собственные законы, но и выбирать своего губернатора и должностных лиц); и страна в течение нескольких лет находилась под абсолютной комиссионной властью, пока не произошла революция, когда более двух третей народа выступили за восстановление старого правительства, (к чему их подтолкнула прокламация тогдашнего Его Королевского Высочества), некоторые, которые могли бы быть лучше заняты^[18] (на другой должности), сделали своим делом (печатавая, а также выступая) все возможное, чтобы отвлечь их от такого решения; и настолько преуспели, что в течение примерно семи недель после революции

здесь не было даже намека на какое-либо правительство; за исключением нескольких человек, которые по собственному назначению назывались Комитетом безопасности; но в конце концов Ассамблея убедила тех, кто входил в состав правительства, пообещать, что они возобновят свою деятельность; и соответственно была составлена прокламация, но перед ее публикацией было оговорено, что они не хотят, чтобы было понятно, что они возобновляют хартийное правительство; так что между правительством и отсутствием правительства эта страна оставалась до прибытия сэра Уильяма: В это время в Англии были уполномочены агенты, которые, без сомнения, не все действовали в соответствии с мнениями или интересами тех, кто их уполномочил, что проявляется в том, что они не действовали совместно в том, что было сделано; так что это место, пожалуй, является единственным примером (даже в лучшие времена правления) неустановления хартии после столь счастливой революции.[19]

Это урегулирование сэром Уильямом Филсом, который прибыл в качестве губернатора, положило конец всем спорам по этим вопросам,[20] и, прибыв и прочитав свою комиссию, первое, в чем он проявил свою власть, как говорят, было то, что он отдал приказ надеть кандалы на тех, кто находился в тюрьме; ибо хотя в течение некоторого времени после их заключения обвинители перестали кричать о них, но теперь крики против них возобновились, что и послужило поводом для такого приказа; и хотя при его исполнении проявилась пристрастность (некоторые сняли кандалы почти сразу же после того, как их надели), тем не менее крики этих обвинителей против таких лиц после этого приказа прекратились.[21]

24 мая. Миссис Кэри из Чарлстауна была допрошена и заключена под стражу. Ее муж, мистер Натаниэль Кэри, рассказал об этом, а также о ее побеге, следующим образом:

Я услышал несколько дней назад, что моя жена обвиняется в колдовстве, и, будучи очень встревожен этим, по совету мы отправились в Сейлем-Виллидж, чтобы посмотреть, знают ли ее пострадавшие; мы прибыли туда 24 мая, и это был день, назначенный для допроса; соответственно, вскоре после нашего прибытия г-н Хаторн и г-н Кервин и др. отправились в дом собраний, который был назначен для этой работы. Священник начал с молитвы, и, позаботившись о том, чтобы найти удобное место, я заметил, что пострадавшими были две девочки около десяти лет и еще две или три девочки около восемнадцати лет. Одна из девочек говорила больше всех и могла различать больше, чем остальные. Заключенных вызывали по одному, и когда они входили, их выкрикивали и т. д. Заключенного помещали на расстоянии около 7 или 8 футов от судей, а обвинителей — между судьями и ними; заключенному приказали стоять прямо перед судьями, а офицеры держали его за руки, чтобы он не мог причинить им вреда, и заключенный должен был постоянно смотреть на судей, потому что, если бы он посмотрел на пострадавших, они либо впали бы в приступ, либо закричали бы, что он причинил им боль; после допроса заключенных, кто причинил вред этим девочкам и т. д. их заставили произнести молитву «Отче наш», чтобы проверить их вину; после того как пострадавшие, казалось, вышли из приступа, они пристально смотрели на кого-то одного и часто не говорили; тогда судьи сказали, что они онемели, и через некоторое время они снова заговорили; тогда судьи сказали обвинителям: кто из вас пойдет и прикоснется к заключенной, стоящей перед судом? Тогда самые смелые решались на это, но, не сделав и трех шагов, обычно падали, как в припадке; судьи приказывали поднять их и отнести к заключенной, чтобы она могла прикоснуться к ним; и как только обвиняемая прикасалась к ним, судьи говорили, что они здоровы, прежде чем я мог заметить какое-либо изменение; по этому я понял, что судьи понимали, в чем дело. До этого момента я был лишь зрителем, моя жена

тоже была там часть времени, но пострадавшие не обращали на нее внимания, за исключением одного-двух случаев, когда они подошли к ней и спросили ее имя.

Но у меня была возможность поговорить с мистером Хейлом (с которым я был знаком ранее), и я спросил его совета, что мне лучше сделать, и попросил его дать мне возможность поговорить с той, кто обвинил мою жену; он обещал, что это будет сделано, и я сказал ему, что доверяю ему.

Соответственно, после окончания допроса он подошел ко мне и сказал, что у меня теперь есть возможность поговорить с упомянутой обвиняющей, а именно с Абигайл Уильямс, девочкой 11 или 12 лет, но что мы не сможем поговорить наедине в доме мистера Пэрриса, как он мне обещал; поэтому мы пошли в пивную, где нас обслуживал индеец, который, по-видимому, был одним из пострадавших: мы дали ему немного сидра, он показал несколько шрамов, которые, казалось, были там уже давно, и сказал, что они были нанесены колдовством, и сообщил нам, что его жена, которая также была рабыней, была заключена в тюрьму за колдовство.^[22] И теперь вместо одного обвинителя вошли все, которые начали падать, как свиньи, и тогда были вызваны три женщины, чтобы ухаживать за ними. Мы все в комнате стояли и ждали, кого они назовут, но вскоре они закричали [97]: «Кэри!» И сразу же судьи отправили ордер, чтобы привести мою жену к ним, которые сидели в соседней комнате и ждали этого.

Когда ее привели к судьям, ее главными обвинителями были две девушки: моя жена заявила судьям, что до этого дня она никогда не знала их; ее заставили стоять с вытянутыми руками. Я попросил разрешения поддержать ее за руку, но мне отказали; тогда она попросила меня вытереть слезы с ее глаз и пот с лица, что я и сделал; затем она попросила разрешения опереться на меня, сказав, что сейчас потеряет сознание.

Судья Хаторн ответил, что у нее хватило сил мучить этих людей, значит, у нее хватит сил и стоять. Когда я высказал свое недовольство их жестоким поведением, они приказали мне замолчать, иначе меня выгонят из комнаты. Упомянутый выше индеец также был приведен в качестве одного из ее обвинителей: войдя, он (находясь перед судьями) упал и завалился, как свинья, но ничего не сказал. Судьи спросили девушек, кто измучил индейца? Они ответили, что она (имея в виду мою жену), и теперь лежала на нем; судьи приказали ей прикоснуться к нему, чтобы исцелить его, но ее голова должна была быть повернута в другую сторону, чтобы она не усугубила его состояние, глядя на него, а ее рука была направлена, чтобы взять его за руку; но индеец схватил ее руку и варварски повалил ее на пол; затем его руку убрали, а ее руку положили на его, и исцеление произошло быстро. Я был крайне возмущен их бесчеловечным поведением и произнес поспешную речь [о том, что Бог отомстит им, и просил Бога избавить нас от рук безжалостных людей]. Затем был написан ее ордер на арест; с трудом и за большую плату я получил комнату, но в ней не было кроватей; если бы они были, я мог бы немного отдохнуть в ту ночь, но она была помещена в тюрьму Бостона; однако я получил хабеас корпус, чтобы перевести ее в тюрьму Кембриджа, которая находится в нашем округе Мидлсекс. Проведя там одну ночь, на следующее утро тюремщик^[23] надел на ее ноги кандалы (получив такое распоряжение), вес которых составлял около восьми фунтов; вместе с другими ее страданиями это вскоре привело ее к судорожным припадкам, так что я подумал, что она умрет в ту ночь, и послал просьбу снять с нее кандалы, но все просьбы были тщетны, даже если бы это спасло ей жизнь, так что в таком состоянии она должна была оставаться. Начались судебные процессы в Салеме, и я отправился туда, чтобы посмотреть, как обстоят дела; и обнаружив, что там принимались призрачные свидетельства, а также пустые, если не злонамеренные, истории,

направленные против жизни людей, я легко понял, к чему это приведет; ведь те же самые свидетельства, которые служили для одного, служили для всех остальных; Я сообщил ей о ее опасности и о том, что, если ее отправят в Сейлем для суда, я боюсь, что она никогда не вернется. Я сделал все возможное, чтобы ее суд проходил в нашем округе, я вместе с несколькими другими людьми подал прошение судье об этом, и нам дали надежду на это; [98] но вскоре я понял, что это не было в их намерениях, и это заставило меня искать способы ее спасения; по милости Божьей это удалось, и она добралась до Род-Айленда, но вскоре поняла, что и там она не в безопасности, поскольку ее преследовали; оттуда она отправилась в Нью-Йорк вместе с несколькими другими, которые также спаслись от их жестоких рук; там мы встретили его превосходительство Бенджамина Флетчера, губернатора, который был очень любезен с нами. После этого часть моего имущества была конфискована у друзей, у которых я его оставил, а меня самого шериф посадил в тюрьму и продержал под стражей полдня, а затем отпустил; но говорить об их обращении с заключенными и о бесчеловечности, проявленной по отношению к ним во время казни, не может ни один здравомыслящий христианин; они также подвергались жестоким издевательствам, что тем более возмутительно, учитывая, каким религиозным народом, я имею в виду исповедующим религию, мы были; многие из тех, кто пострадал, были членами церкви, и большинство из них были непорочны в своем поведении, пока их противник, дьявол, не прибег к этому методу, чтобы обвинить их.

Джонатан Кэри.[24]

31 мая. Капитан Джон Олдин был допрошен в Салеме и заключен в тюрьму Бостона. Тюремщик, увидев, что заключили такого человека, которого он очень уважал, после этого стал более сострадательным к тем, кто находился в тюрьме по аналогичной причине, и воздержался от жестокого обращения с заключенными, как он делал раньше. Сам мистер Олдин рассказал о своем допросе следующими словами.

Рассказ о том, как с Джоном Олдином-старшим ([25]) поступили в Сейлем-Виллидж.

ДЖОН Олдин-старший из Бостона, графство Саффолк, моряк, 28 мая 1692 года был вызван магистратами Сейлема, графство Эссекс, по обвинению группы бедных, обезумевших или одержимых существ, или ведьм; и, будучи отправлен г-ном Стоутоном, прибыл туда 31 мая и явился в Сейлем-Виллидж перед г-ном Гидни, г-ном Хаторном и г-ном Кервином.

В присутствии этих девиц, которые показывали свои фокусы, падали, кричали и смотрели людям в лицо, магистраты несколько раз спрашивали их, кто из всех людей в комнате причинил им вред? Одна из этих обвиняющих несколько раз указала на капитана Хилла,[26] , присутствовавшего там, но ничего не сказала; у этой же обвиняющей за спиной стоял мужчина, который поддерживал ее; он наклонился к ее уху, и она закричала, что это Олдин, Олдин причинил ей боль; один из магистратов спросил ее, видела ли она когда-нибудь Олдина, она ответила, что нет, он спросил, откуда она знает, что это был Олдин? Она сказала, что мужчина ей так сказал.

Затем всем приказали спуститься на улицу, где образовался круг; и тот же обвинитель воскликнул: «Вот стоит Олдин, дерзкий парень в шляпе перед судьями, он продает порох и дробь индейцам и французам, [99] спит с индейскими женщинами и имеет индейских детей». Затем Олдин был передан под стражу маршалу, и у него отобрали меч, потому

что, как они сказали, он причинял им боль своим мечом. Через несколько часов Олдина вызвали в собрание в деревне перед магистратами, которые потребовали, чтобы Олдин встал на стул, чтобы все люди могли его видеть.

Обвинители кричали, что Олдин щипал их, и тогда, когда он стоял на стуле на глазах у всех людей, на значительном расстоянии от них, один из магистратов велел маршалу держать руки Олдина раскрытыми, чтобы он не мог щипать этих существ. Олдин спросил их, почему они думают, что он приехал в эту деревню, чтобы причинять боль людям, которых он никогда раньше не знал и не видел? Мистер Гидни приказал Олдину признаться и воздать хвалу Богу. Олдин сказал, что надеется воздать хвалу Богу и надеется, что никогда не будет угождать дьяволу, но обратился ко всем, кто его знал, с вопросом, подозревали ли они его когда-либо в этом, и вызвал любого, кто мог бы привести какие-либо факты из собственного опыта, которые могли бы вызвать подозрение в том, что он такой человек. Мистер Гидни сказал, что знает Олдина много лет, плавал с ним по морю и всегда считал его честным человеком, но теперь видит причину изменить свое мнение. Олдин ответил, что ему жаль, но он надеется, что Бог очистит его невиновность, что он отзовет свое суждение, и добавил, что надеется, что, как Иов, он сохранит свою честность до самой смерти. Они предложили Олдину посмотреть на обвинителей, что он и сделал, и тогда они упали. Олдин спросил г-на Gidney, какую причину можно привести, почему взгляд Олдин на него не поразил его так же? Но я не услышал никакой причины. Но обвинителей привели к Олдину, чтобы он прикоснулся к ним, и они сказали, что это прикосновение исцелило их. Олдин начал говорить о провидении Божьем, позволяющем этим существам обвинять невинных людей; мистер Нойес спросил Олдина, почему он предлагает говорить о провидении Божьем, ведь Бог своим провидением (сказал мистер Нойес) управляет миром и поддерживает в нем мир; и так продолжал разговор, заставив Олдина замолчать на эту тему. Олдин сказал мистеру Гидни, что он может заверить его, что в них обитает лживый дух (), ибо я могу заверить вас, что ни слова правды нет во всем, что они говорят обо мне. Но Олдин был снова передан маршалу, и был составлен его ордер на арест, который гласил следующее.

Г-ну Джону Арнольду, начальнику тюрьмы в Бостоне, графство Саффолк.[27]

УЧИТЫВАЯ, что капитан Джон Олдин из Бостона, моряк, и Сара Райс, жена Николаса Райса из Рединга, земледелец, были сегодня доставлены к нам, Джону Хаторну и Джонатану Кервину, эсквайрам, по обвинению и подозрению в совершении различных актов колдовства, противоречащих положениям закона, принятого и предусмотренного в данном случае: Поэтому мы, от имени их величеств короля Уильяма и королевы Мэри, приказываем и требуем от вас взять под стражу тела упомянутых Джона Олдина и Сары Райс и содержать их под стражей до тех пор, пока они не будут освобождены в соответствии с законом; в противном случае вы будете отвечать за это под свою ответственность; и это будет достаточным ордером для вас. Подписано нами в Сейлеме-Виллидж, 31 мая, в четвертый год правления наших суверенов, Уильяма и Мэри, ныне короля и королевы Англии, &c, Anno Dom. 1692.

Джон Хаторн, Помощники.

Джонатан Кервин,

В Бостон Олдин был доставлен констеблем, залог за него не был взят; он был передан тюремщику, где пробыл пятнадцать недель; затем, наблюдая за ходом судебных разбирательств и собираемыми доказательствами, он в конце концов решил бежать, но был возвращен и обязан явиться в Верховный суд Бостона в последний вторник апреля

1693 года. Там он был оправдан провозглашением, поскольку никто не выступил против него.

Подпись: Джон Олдин.

Во время допроса и в других случаях обвинители обычно говорили о черном человеке или призраке, который в тот момент находился на столе и т. д. Окружающие люди били мечами или палками по этим местам. Один судья сломал свою трость во время этого упражнения, и иногда обвинители говорили, что они ударили призрак, и сообщается, что несколько обвиняемых были ранены и получили травмы в результате этого, хотя в то же время они были дома.

Судьи продолжали эти допросы и заключения под стражу до конца мая, и к тому времени по этой причине было заключено около ста человек.[28]

2 июня. Была создана специальная комиссия *Oyer and Terminer*, в состав которой вошли г-н Стоутон, новый лейтенант-губернатор, майор Солтонстолл, майор Ричардс, майор Гидни, г-н Уэйт Уинтроп, г-н Уильям Уильямс (), капитан Сьюолл (*Captain Sewall*) и г-н Сержант (*Mr. Sergeant*).[29] Эти лица (кворум из них) собрались сегодня в Салеме, где главным событием этой недели стало судебное разбирательство над неким Бишопом, он же Оливер, из Салема, который долгое время считался ведьмой по обвинению, выдвинутому в неким Сэмюэлем Греем. около 20 лет назад он обвинил ее в таких преступлениях, и хотя на смертном одре он выразил сожаление и раскаяние за такие обвинения, как совершенно беспочвенные, тем не менее, благодаря его усилиям, слухи продолжали распространяться, и она была обвинена страдающими, и после обыска у нее был найден так называемый «Tet», и присяжные признали ее виновной; она [101] была приговорена к смертной казни и казнена 10 июня, но не сделала ни малейшего признания в чем-либо, связанном с колдовством.[30]

15 июня. Несколько священников в Бостоне и его окрестностях, с которыми Его Превосходительство проконсультировался по этому поводу, выразили свое мнение, а именно

что они были тронуты плачевным состоянием пострадавших; что они были благодарны правителям за их усердную заботу о выявлении отвратительных колдовств, которые были совершены в стране, и молились о полном их раскрытии. Но они посоветовали действовать осторожно, чтобы не навлечь много зла и т. д. И что следует проявлять чувствительность по отношению к обвиняемым, касательно предположительных и обвинительных обстоятельств, а также соблюдать конфиденциальность при допросах и проконсультироваться с г-ном Перкинсом и г-ном Бернардом, какие испытания использовать при дознании: что предположения и обвинения должны иметь более веские основания, чем утверждения обвинителей о том, что они видят призраков, мучающих этих людей; и что дьявол может мучить людей в образе добрых людей; и что падение при виде обвиняемого и подъем при прикосновении к нему не являются безошибочным доказательством вины; Поскольку сила дьявола заключается в таких обвинениях, наше неверие в них может стать средством положить конец ужасным бедствиям; тем не менее, они смиренно рекомендуют правительству быстрое и энергичное преследование тех, кто сделал себя ненавистным, в соответствии с указаниями, данными в Законах Божьих и полезных статутах английской нации, для выявления колдовства.[31]

Это кратко изложено в книге «Случаи совести» (*Cases of Conscience, ult.*), где можно найти более подробную информацию. Один из них, повторив часть этого совета в книге «Чудеса невидимого мира» (*Wonders of the Invisible World*, стр. 83), заявляет (несмотря на

недовольство других), что если его книга будет способствовать проявлению благодарности Богу за такие казни, он будет радоваться *и т. д.*

30 июня суд вновь собрался в соответствии с перерывом; были судимы еще пять человек, а именно: Сара Гуд и Ребекка Нерс из Сейлем-Виллидж; Сюзанна Мартин из Амсбери; Элизабет Хоу из Ипсвича; и Сара Уайлдс из Топсфилда: все они были осуждены на этих заседаниях и казнены 19 июля.^[32]

На суде над Сарой Гуд одна из пострадавших впала в приступ, а когда пришла в себя, она закричала, что подсудимая ударила ее ножом в грудь и что она сломала нож, ударив ее, и действительно, около нее был найден кусок лезвия ножа. Сразу же об этом было сообщено суду, и был вызван молодой человек, который предъявил рукоятку и часть лезвия, которые суд осмотрел и сравнил и признал идентичными. И после допроса молодой человек подтвердил, что вчера он случайно сломал этот нож и выбросил верхнюю часть, причем эта пострадавшая была тогда ^[102] присутствующей, молодой человек был отпущен, а ей суд велел не лгать;^[33] и она была улучшена (после того, как она была раньше), чтобы дать показания против заключенных.

Во время казни мистер Нойес призвал Сару Гуд признаться и сказал ей, что она ведьма и знает, что она ведьма, на что она ответила: «Вы лжец; я не больше ведьма, чем вы волшебник, и если вы лишите меня жизни, Бог заставит вас пить кровь».

На суде над Ребеккой Нерс было примечательно, что присяжные вынесли вердикт «не виновна», и сразу же все обвинители в суде, а вскоре после этого и все пострадавшие за пределами суда, подняли ужасный крик, что вызвало удивление не только у зрителей, но и у суда, который также казался странно удивленным: один из судей, Эдвард Уильямс (), выразил свое недовольство, а другой, уходя с места заседания, сказал, что они будут требовать нового судебного разбирательства. Главный судья сказал, что не будет давить на присяжных, но намекнул, как будто они не учли одно высказывание подсудимой во время суда, а именно: когда некая Хоббс, признавшаяся в том, что она ведьма, была приведена в суд, чтобы свидетельствовать против нее, подсудимая, повернувшись к ней, сказала: «*Что, вы привели ее? она одна из нас*»] или что-то в этом роде, это вместе с криками обвинителей побудило присяжных снова удалиться после вынесения вердикта «не виновна». Но, не придя к согласию, они вернулись в суд, и когда она стояла перед судом, ей повторили ее слова, чтобы она дала им объяснение, но она не ответила на них, и они вынесли вердикт и признали ее виновной; эти слова послужили поводом для этого, как указал в письменной форме старшина присяжных, как следует ниже.

4 июля 1692 года. Я, Томас Фиск,^[34] подписавшийся ниже, будучи одним из присяжных на прошлой неделе в суде Салема по делу Ребекки Нерс и др., по просьбе некоторых родственников объяснить, почему присяжные признали ее виновной после вынесения вердикта «не виновна», привожу свои доводы, а именно.

Когда был вынесен вердикт «не виновна», уважаемый суд счел нужным возразить против него, сказав им, что, по их мнению, они упустили слова, которые подсудимая произнесла против себя в ответ на слова миссис Хоббс и ее дочери, которые, как они ранее признались, совершили ошибку, подписав «Книгу дьявола». Эти слова были: «Что эти люди теперь приводят в качестве доказательства против меня, они приходили к нам». После того как уважаемый суд выразил свое недовольство вердиктом, несколько присяжных заявили о своем желании снова удалиться, и уважаемый суд дал им на это разрешение; но когда мы приступили к рассмотрению дела, я не знал, как истолковать ее слова в качестве доказательства против нее, пока у нее не появилась дополнительная возможность

высказать свое мнение по поводу этих слов, если она захочет это сделать; и тогда, войдя в суд, я упомянул вышеупомянутые слова, которые, по утверждению одного из [103] членов суда, были произнесены ею, когда она стояла у бара, но не ответила и не дала им никакого толкования; после чего эти слова стали для меня главным доказательством против нее.

Томас Фиск.

Когда миссис Нерс сообщили, как были использованы эти слова, она представила суду следующее заявление.

Настоящим смиренно заявляю уважаемому суду и присяжным, что я была проинформирована о том, что присяжные признали меня виновной за то, что я сказала, что жена Хоббс и ее дочь были из нашей компании; но я не имела в виду ничего другого, кроме того, что они были заключенными вместе с нами, и поэтому тогда и сейчас считаю, что это не является законным доказательством против их сокамерников. А поскольку я плохо слышу и пребываю в глубокой скорби, никто не сообщил мне, как суд воспринял мои слова, и поэтому у меня не было возможности объяснить, что я имела в виду, когда сказала, что они были из нашей компании.

Ребекка Нерс.

После вынесения приговора она была отлучена от церкви одним из священников Салема; однако губернатор счел целесообразным предоставить ей отсрочку, и когда об этом стало известно (а некоторые говорят, что сразу же после предоставления отсрочки), обвинители возобновили свои мрачные вопли против нее, в результате чего губернатор под давлением некоторых джентльменов из Салема был вынужден отозвать отсрочку, и она была казнена вместе с остальными.

Свидетельства ее христианского поведения, как в течение ее жизни, так и при ее смерти, а также ее необычайная забота о воспитании своих детей и подавании им хорошего примера и т. д. под руководством стольких людей, настолько многочисленны, что для краткости они здесь опущены.[35]

Именно во время суда над ними одна из обвиняющих публично воскликнула, что мистер Уиллард, священник из Бостона, причиняет ей страдания, и ее вывели из зала суда, сказав, что она ошиблась в лице.

5 августа. Суд вновь собрался, и еще шесть человек были судимы по тому же делу, а именно: мистер Джордж Берроуз, бывший священник из Уэллса, Джон Проктер и его жена Элизабет Проктер, Джон Уиллард из Сейлем-Виллидж, Джордж Джейкобс-старший из Сейлема и Марта Кэрриер из Андовера; все они были признаны виновными и осуждены; все они были казнены 19 августа, за исключением жены Проктера, которая сослалась на беременность.[36]

Г-н Берроуз был отвезен на телеге вместе с другими по улицам Салема к месту казни; когда он стоял на лестнице, он произнес речь, в которой утверждал свою невиновность, с такой торжественностью и серьезностью, что все присутствующие были в восторге; его молитва (которую он закончил повторением молитвы «Отче наш») была так хорошо сформулирована и произнесена с таким спокойствием и такой (по крайней мере, кажущейся) горячностью [104] духа, что была очень трогательной и вызвала слезы у многих (так что некоторым показалось, что зрители помешают казни), обвинители сказали, что черный человек стоял и диктовал ему; как только его повесили, мистер Коттон Мазер, сидя на лошади, обратился к народу,

отчасти чтобы заявить, что он не был рукоположенным священником, а отчасти чтобы убедить народ в его виновности; сказав, что дьявол часто превращался в ангела Light;^[37] и это несколько успокоило народ, и казни продолжились; когда его сняли с виселицы, его потащили за веревку к яме или могиле между скалами, глубиной около двух футов, сняли с него рубашку и бриджи и надели на его нижнюю часть старые брюки одного из казненных, и так его и положили туда, вместе с Уиллардом и Кэрриером, оставив открытыми одну из его рук, подбородок и ногу одного из них.

Джон Уиллард был нанят, чтобы привести нескольких обвиняемых, но, недовольный тем, что его послали за людьми, о которых он имел лучшее мнение, он отказался от этой работы, и вскоре после этого сам был обвинен в том же преступлении, причем с такой яростью, что за ним послали, чтобы арестовать его; он бежал в Нашаваг,^[38] примерно в 40 милях от Салема; однако говорят, что обвинители сразу же сообщили точное время, сказав: «Теперь Уиллард арестован».

Джон Проктер и его жена находились в тюрьме, а шериф пришел в его дом и конфисковал все имущество, провизию и скот, которые смог найти, продал часть скота за полцены, а остальных убил и отправил в Вест-Индию; вылил пиво из бочки и унес бочку; опустошил горшок с кашей, забрал горшок и не оставил в доме ничего для пропитания детей. Ни одна часть упомянутого имущества, насколько известно, не была возвращена. Проктер горячо просил мистера Нойеса помолиться с ним и за него, но ему было полностью отказано, потому что он не хотел признать себя ведьмой.

Во время своего заключения он отправил следующее письмо от своего имени и от имени других.

Тюрьма Салема, 23 июля 1692 года.

- Г-н Мэзер, г-н Аллен,
- господин Муди, господин Уиллард и
- г-н Бейли.^[39]

Преподобные господа.

Невиновность нашего дела, враждебность наших обвинителей, судей и присяжных, которым ничто, кроме нашей невинной крови, не послужит их целям, уже осудивших нас до начала судебного разбирательства, будучи столь разгневанными и настроенными против нас дьяволом, заставляет нас смело просить и умолять Ваше ^[105] благосклонной помощи в этой нашей скромной просьбе к его превосходительству, чтобы, если это возможно, наша невинная кровь была пощажена, которая, без сомнения, будет пролита, если Господь не вмешается по милости своей. Магистраты, священники, евреи и все люди в целом, будучи так разгневаны и возмущены против нас обманом дьявола, который мы не можем назвать иначе, поскольку мы знаем в своей совести, что все мы невинны. Здесь есть пять человек, которые недавно признались в том, что они ведьмы, и обвиняют некоторых из нас в том, что мы были вместе с ними на причастии, с тех пор как нас заключили в тюрьму, что, как мы знаем, является ложью. Двое из пяти — это (сыновья Кэрриера) Молодые люди, которые не признавались ни в чем, пока их не связали за шею и пятки, пока кровь не стала течь из их носов, и есть веские основания полагать и сообщается, что это было причиной их признания, которого они никогда не делали, поскольку они сказали, что один был ведьмой в течение месяца, а другой — в течение пяти недель, и что их мать сделала их такими, которая находится здесь в заключении уже девять недель. Мой сын Уильям Проктер, когда его допрашивали,

потому что он не хотел признаться в своей вине, хотя был невиновен, его связали за шею и пятки, пока кровь не хлынула из его носа, и они бы продержали его так 24 часа, если бы один из них, более милосердный, чем остальные, не сжалился над ним и не велел его развязать. Эти действия очень похожи на жестокость католиков.^[40] Они уже лишили нас наших поместий, и этого им недостаточно, они хотят пролить нашу невинную кровь. Если невозможно добиться, чтобы наши судебные процессы проходили в Бостоне, мы смиренно просим вас постараться заменить этих магистратов другими, а также просим и умоляем вас быть здесь, если не все, то хотя бы некоторые из вас, на наших судебных процессах, в надежде, что таким образом вы сможете спасти нас от пролития нашей невинной крови, прося вас молиться Господу за нас, мы остаемся вашими бедными страдающими слугами,

Джон Проктер и др.

Он очень настойчиво просил о небольшой отсрочке казни, говоря, что он не готов умереть, но его просьба не была удовлетворена.

Когда старый Джейкобс был осужден, шериф и офицеры пришли и конфисковали все, что у него было, у его жены отобрали обручальное кольцо, но с большим трудом она смогла его вернуть. Ее заставили покупать у шерифа провизию, которую он у нее отобрал, для своего пропитания, но этого было недостаточно, и соседи из милосердия помогали ей.

Маргарет Джейкобс была одной из тех, кто признал свою вину и дал показания против своего деда Джейкобса, мистера Берроуза и Джона Уилларда. За день до казни она пришла к мистеру Берроузу, призналась, что обвинила их ложно, и попросила у мистера Берроуза прощения, который не только простил ее, но и помолился с ней и за нее. Она написала следующее письмо своему отцу.

Из подземелья тюрьмы в Салеме,

20 августа 1692 года.

Уважаемый отец,

После того, как я с почтением вспомнила о Вас, надеясь на Господа о Вашем добром здоровье, как благословенна я, хотя и пребываю в обилии страданий, будучи заключенной здесь, в отвратительной темнице, Господь смотрит на меня с милосердием, не зная, как скоро я буду казнена по вине страдающих людей; мой дед уже пострадал, и все его имущество было конфисковано для короля. Причина моего заключения такова: под угрозами магистратов и из-за моего собственного низкого и несчастного ^[106] сердца я признался в нескольких вещах, противоречащих моей совести и знанию, хотя и ранящих мою душу, Господь простит меня за это; но о, кто может вынести ужасы раненой совести! Но благословен Господь, он не позволил мне продолжать грешить, но, надеюсь, по милости Его моя душа не позволит мне больше это скрывать, но я был вынужден признаться во всем перед судьями (), которые не поверили мне, но им угодно было посадить меня сюда, и Бог знает, как скоро я буду казнен. Дорогие отцы, позвольте мне просить вас молиться за меня Господу и послать нам радостную и счастливую встречу на небесах. Моя бедная мать очень сумасшедшая и помнит свою добрую любовь к вам и к дяде, а именно к Д. А.^[41] Оставляя вас под защитой Господа, я остаюсь вашей покорной дочерью,

Маргарет Джейкобс.

В назначенный для суда день у нее на голове образовался нарыв, который и спас ее.

9 сентября. Еще шестеро были судимы и получили смертный приговор, а именно: *Марта Кори* из Сейлем-Виллидж, *Мэри Исти* из Топсфилда, *Элис Паркер* и *Энн Пудитер* из Сейлема, *Доркас Хоар* из Беверли и *Мэри Брэдберри* из Солсбери. 16 сентября *Джайлс Кори* был казнен.[42]

17 сентября. Еще девять человек были приговорены к смертной казни, а именно: *Маргарет Скот* из Роули, *Гудвиф Редд* () из Марблхеда, *Сэмюэл Уордвелл* (*Samuel Wardwell*) и *Мэри Паркер* из Андовера, а также *Эбигейл Фолкнер* (*Abigail Falkner*) из Андовера, которая сослалась на беременность, *Ребекка Имс* (*Rebecca Eames*) из Боксфорда, *Мэри Лэйси* (*Mary Lacy*) и *Энн Фостер* (*Ann Foster*) из Андовера, а также *Эбигейл Хоббс* (*Abigail Hobbs*) из Топсфилда. Из них восемь были казнены 22 сентября, а именно: *Марта Кори*, *Мэри Исти*, *Элис Паркер*, *Энн Пудитер*, *Маргарет Скот*, *Уилмет Редд*, *Сэмюэл Уордвелл* и *Мэри Паркер*. [43]

Джайлс Кори не признал себя виновным по предъявленному ему обвинению, но не стал подвергаться суду присяжных (которые никого не оправдали на суде) и, зная, что против него будут выступить те же свидетели, предпочел подвергнуться той смерти, которую они ему назначили. Когда ему выдавливали язык изо рта, шериф своей тростью заставил его снова войти, когда он умирал. Он был первым в *Новой Англии*, кого замучили до смерти.

Телега, везущая этих восьмерых на казнь, некоторое время стояла на месте; страдающие и другие говорили, что это мешал дьявол,[44] &c.

Марта Кори, жена *Джайлса Кори*, заявляя о своей невинности, закончила свою жизнь торжественной молитвой на лестнице.

Уордвелл, ранее признавшийся в своей вине, а затем отрицавший ее, вскоре был привлечен к суду; его прежнее признание и показания призрака были единственным доказательством против него. Во время казни, когда он обращался к народу, заявляя о своей невинности, палач курил табак, и дым, попадая ему в лицо, прерывал его речь. Обвинители сказали, что дьявол мешает ему дымом.

[107] *Мэри Исти*, сестра *Ребекки Нерс*, когда она прощалась со своим мужем, детьми и друзьями, была, как сообщают присутствующие, настолько серьезной, набожной, выразительной и ласковой, насколько это только возможно, что почти все присутствующие прослезились. Помимо показаний обвинителей и исповедников, против нее, как считалось, появилось еще одно доказательство: обычно обвиняемых обыскивали на наличие родинок, и на некоторых частях ее тела, которые здесь не будут названы, было обнаружено новообразование, которое они называли родинкой. Перед смертью она подала следующее прошение:

Уважаемому судье и судьям, заседающим в суде в Салеме, а также достопочтенным священникам, смиренно показывается, что, поскольку ваш смиренный бедный проситель приговорен к смерти, смиренно прошу вас принять во внимание вашу мудрость и благочестие, что ваш бедный и смиренный проситель, зная о своей невинности (благословен Господь за это) и ясно видя коварство и хитрость моих обвинителей (), не может не судить милосердно о других, которые идут тем же путем, что и я, если Господь не вмешается с силой. Я был заключен на целый месяц по той же причине, по которой я сейчас осужден, а затем оправдан пострадавшими лицами, как знают

некоторые из ваших честей, и через два дня они снова обвинили меня, и я был заключен и теперь приговорен к смерти. Господь на небесах знает о моей невиновности тогда, как и сейчас, и в великий день она будет известна людям и ангелам. Я обращаюсь к вашим честям не за свою жизнь, ибо знаю, что должен умереть, и время мое назначено; но Господь знает, что, если это возможно, не должно проливаться больше невинной крови, чего, несомненно, нельзя избежать, следуя вашему пути и курсу. Я не сомневаюсь, что ваши чести делают все, что в ваших силах, для обнаружения и разоблачения колдовства и ведьм, и не хотят быть виновными в пролитии невинной крови, но, исходя из своей собственной невиновности, я знаю, что вы идете по неверному пути. Да направит вас Господь в своей бесконечной милости в этом великом деле, если такова Его благословенная воля, чтобы не была пролита невинная кровь. Я смиренно прошу вас, Ваши чести, рассмотреть дела некоторых из тех, кто признался в колдовстве, поскольку я уверен, что некоторые из них обманули себя и других, что проявится, если не в этом мире, то, я уверен, в мире грядущем, куда я иду; и я не сомневаюсь, что вы сами увидите изменения в этих вещах: Они говорят, что я и другие заключили союз с дьяволом, мы не можем признаться, я знаю, и Господь знает (как скоро станет ясно), что они лгут на меня, и поэтому я не сомневаюсь, что они лгут и на других; только Господь, который исследует все сердца, знает, что, как я отвечу на суде, я не знаю ни малейшего о колдовстве, поэтому я не могу, я не смею лгать на свою душу. Я прошу Ваши чести не отклонять эту мою скромную просьбу от бедной умирающей невиновной души, и я не сомневаюсь, что Господь благословит ваши усилия.

Мэри Эсти.

[108] После казни мистер Нойес, обратившись к телам, сказал, как печально видеть там висящих восемь огненных углей ада.[45]

В октябре 1692 года один из жителей Венхэма пожаловался на миссис Хейл, чей муж, священник из Беверли, был очень активен в этих преследованиях, но, будучи полностью убежденным в искреннем христианстве своей жены, изменил свое мнение; ибо среди богословов Новой Англии разгорелась ожесточенная полемика о том, может ли дьявол мучить людей в образе доброго человека; похоже, ничто другое не могло его убедить; однако, когда дело дошло до самого Эдварда Бишоп (), он быстро убедился, что дьявол может мучить таким образом. Та же самая причина впоследствии убедила многих других и оказала большое влияние на последующие изменения в судебных процессах.[46]

7 октября (Эдвард Бишоп и его жена сбежали из тюрьмы) в этот день шериф Корвин пришел и конфисковал его имущество и скот, и если бы не его второй сын (который одолжил десять фунтов и отдал их ему), они были бы полностью потеряны. Ниже приводится квитанция, но, похоже, им пришлось довольствоваться такой квитанцией, какую он им выдал.

Получено 7 октября 1692 года от Сэмюэля Бишоп из города Салем, графства Эссекс, в Новой Англии, сапожника, в полном удовлетворении, ценную сумму денег за имущество и движимое имущество Эдварда Бишоп-старшего из вышеупомянутого города и графства, земледельца; которые товары и движимое имущество были конфискованы, поскольку упомянутый Эдвард Бишоп и его жена Сара, будучи осуждены за колдовство и тяжкое преступление, совершили побег; а их имущество и движимое имущество были конфискованы в пользу их величеств и в настоящее время находятся во владении упомянутого Сэмюэля Бишоп; и от имени их величеств я настоящим освобождаю упомянутое имущество и движимое имущество в день и год, указанные выше, в подтверждение чего собственноручно подписываю настоящий документ,

Джордж Корвин, шериф.

Но перед этим старший сын упомянутого Бишопа, вступив в брак с семьей Путманов, которые были главными обвинителями в этом деле, держал корову, которую нужно было клеймить, чтобы ее не конфисковали, и имея на бедре шишку или нарыв, он, напрягаясь, сломал ее; это и есть то, что было якобы сожжено вместе с указанным клеймом; и это одна из костей, брошенных догматикам, чтобы они их выбрали, в «Чудесах невидимого мира», стр. 143. Другая кость — уголок простыни, якобы взятый у призрака, — как известно, был подготовлен накануне тем самым страдающим человеком, а третья кость — веретено — почти так же легко достать, как кусок ножа; так что Аполлону здесь не нужно консультироваться *и т. д.*

Мистер Филипп Инглиш ([47]) и его жена сбежали из тюрьмы, и шериф Корвин (Corwin) конфисковал его имущество на сумму около полутора тысяч фунтов, которое было полностью утрачено, за исключением суммы около трехсот фунтов (которая впоследствии была возвращена).

[109] После того, как Гудвиф Хоар была осуждена, ее имущество было конфисковано, а затем выкуплено за восемь фунтов.

Джордж Джейкобс, сын старого Джейкобса, был обвинен, он сбежал, затем офицеры пришли в его дом, его жена была женщиной, лишенной рассудка, и находилась в таком состоянии уже несколько лет. Похоже, что она тоже была обвинена. В доме с ней были только четверо маленьких детей, и один из них кормил грудью ее старшую дочь, которая находилась в тюрьме. Офицер убедил ее выйти из дома и пойти с ним, сказав, что она скоро вернется. Дети бежали за ней, плача.

Когда она пришла к тем, кто был поражен болезнью, и ее спросили: « », они ответили, что не знают ее, но в конце концов один сказал: «Разве вы не знаете старую ведьму Джейкобс?», и тогда они закричали, что она, и упали в припадке; ее отправили в тюрьму, где она пролежала десять месяцев, а соседи из жалости позаботились о детях, чтобы они не погибли.

[48] Примерно в это же время началась новая сцена: некий Джозеф Баллард из Андовера, чья жена была больна (и впоследствии умерла от лихорадки), послал в Салем за некоторыми из этих обвинителей, чтобы они сказали ему, кто мучает его жену; другие поступили так же: из нескольких мест были посланы лошади и люди, чтобы привезти обвинителей, обладающих способностью видеть призраков, чтобы они могли сказать, кто мучает тех, кто был болен.

Когда они приходили в какое-либо место, где находились такие люди, они обычно впадали в приступ; после чего, когда их спрашивали, кто мучил этого человека, они в большинстве случаев называли одного, который, по их словам, сидел на голове, и другого, который сидел на нижних частях тела страдающего. Вскоре после того, как Баллард послал (как указано выше) более пятидесяти жителей Андовера, на них поступили жалобы за то, что они мучили своих соседей. Здесь многие обвиняли себя в том, что они летали на шестах по воздуху; многие родители считали своих детей ведьмами, а многие мужья — своих жен *и т. д.* Когда эти обвинители приходили в дом Эдварда Брэдстрита () по такому поводу, то обычно другие молодые люди впадали в припадки и видели те же призрачные образы. [49]

Г-н Дадли Брэдстрит, [50] мировой судья в Андовере, выдав ордера на арест и отправив тридцать или сорок человек в тюрьму за предполагаемое колдовство, в конце концов увидел причину воздержаться от выдачи новых ордеров. Вскоре после этого он и его жена были

объявлены вне закона, его самого (по их словам) обвинили в убийстве девяти человек с помощью колдовства, и он счел самым безопасным для себя бежать.

Когда в деревне Салем заболела собака, были вызваны люди, обладающие способностью видеть призраков, и они обвинили мистера *Джона Брэдстрита* (брата мирового судьи) в том, что он заразил эту собаку и теперь ездит на ней. Он бежал в Пескаттекуа-Гармент, а собаку убили, и это были все зараженные, которые понесли смерть.

[110] В *Андове* страдающие жаловались на собаку, которая, по их словам, мучила их, и они впадали в припадки, когда собака смотрела на них; собака была убита.

Достойный джентльмен из *Бостона*, Эдмунд Стивенс ([51]), будучи в это время обвиненным жителями *Андовера*, послал через некоторых своих друзей судебный приказ об аресте этих обвинителей с иском на тысячу фунтов за клевету, с инструкцией для них, чтобы они убедились в достоверности доказательств, при выполнении чего их дело было рассмотрено, и с тех пор обвинения в *Андове* в целом прекратились.

В *октябре* некоторых из этих обвинителей вызвали в *Глостер*, и в результате четыре женщины были отправлены в тюрьму, но тюрьма в *Салеме* была настолько переполнена, что не могла принять больше никого; двух отправили в тюрьму в *Ипсвиче*. [52] В *ноябре* их снова вызвали лейтенант *Стивенс*, которому сказали, что его сестра была заколдована; по дороге, переходя мост *Ипсвича*, они встретили старую женщину и сразу же впали в приступы. Но на этот раз, благодаря «», достоверность таких обвинений была подвергнута большому сомнению, и они не нашли той поддержки, которую находили в других местах, и вскоре ушли.

Эти обвинители клялись, что видели трех человек, сидящих на сестре лейтенанта *Стивенса*, пока она не умерла; однако за этих троих был принят залог.

И теперь девятнадцать человек были повешены, один задавлен до смерти, а еще восемь приговорены к смертной казни, всего двадцать восемь человек, из которых более трети были членами некоторых церквей в *Северной Англии*, и более половины из них в целом вели себя хорошо, и ни один из них не был оправдан. Около пятидесяти признались в том, что они ведьмы, из которых ни одна не была казнена; более ста пятидесяти находятся в тюрьме, и более двухсот еще обвиняются. Специальная комиссия *Oyer and Terminer* завершила свою работу, которая не имела иного основания, кроме комиссии губернатора, и действовала в порядке принесения присяги свидетелями, а именно: подняв руку (и приняв письменные показания) в соответствии с древним обычаем этой страны; а также имея свои обвинительные заключения на *английском языке*. В ходе судебных процессов, когда кого-либо обвиняли в причинении страданий, истощении и разрушении тел конкретных лиц с помощью колдовства, было принято заслушивать показания по посторонним вопросам, возможно, двадцати- или тридцатилетней давности, о переворачивании телег, гибели скота, недоброжелательности по отношению к родственникам или неожиданных несчастных случаях, произошедших после какой-либо ссоры. [53] Было ли это разрешено законом *Англии* или каким-либо другим законом, еще предстоит определить; казни, по-видимому, были смешанными: от давления до смерти за отказ признать вину, что в большей степени соответствует законам *Англии*, до приговора женщинам к повешению за колдовство, в соответствии с прежней практикой этой страны, а не к сожжению, как, по-видимому, было по закону *Англии*. И хотя признавшихся ведьм было много, ни одна из тех, кто признал свою вину и остался при своем признании, не была казнена.

[111] Здесь приводится то, что некоторые из этих несчастных существ рассказывают о своих признаниях, написанных собственноручно.

Мы, чьи имена указаны ниже, жители Андовера, когда в 1692 году в деревне Салем начался тот ужасный и страшный суд, который (некоторые) называют судом над ведьмами, впервые разразившийся в доме мистера Пэрриса, когда несколько молодых людей, казалось, были одержимы, обвинили нескольких человек в том, что они их одержимы, и многие там поверили в это; мы были проинформированы о том, что если человек болен, то страдающие люди могут сказать, что или кто является причиной этой болезни. Джозеф Баллард из Андовера (его жена была больна в то же время) либо по собственной инициативе, либо по совету других, привез двух человек, называемых страдающими, из Сейлем-Виллидж в Андовер: это было началом того ужасного бедствия, которое обрушилось на нас в Андовере. Власти в Андове, полагая, что указанные обвинения правдивы, приказали указанным лицам собраться в молитвенном доме в Андове (где находились страдающие). После того как мистер Бернард[54] помолился, нам завязали глаза и положили руки на страдающих, которые находились в припадке и впали в припадки при нашем появлении (как они сказали), а некоторые повели нас и положили наши руки на них, а затем они сказали, что они здоровы и что мы виновны в том, что причинили им страдания; после чего мы все были арестованы по ордеру мирового судьи и немедленно отправлены в Салем. И из-за этого внезапного ареста, зная, что мы совершенно невиновны в этом преступлении, мы все были чрезвычайно удивлены, потрясены, ошеломлены и напуганы до потери рассудка; а наши ближайшие и самые дорогие родственники, видя нас в этом ужасном состоянии и зная о нашей большой опасности, понимая, что в той ситуации не было другого способа спасти наши жизни, кроме как признаться в том, что мы такие-то и такие-то люди, какими нас представляли пострадавшие, из нежной любви и сострадания убедили нас признаться в том, в чем мы признались. И действительно, то признание, которое, как говорят, мы сделали, было не чем иным, как тем, что нам подсказали некоторые господа; они сказали нам, что мы ведьмы, и они знают это, и мы знаем это, и они знают, что мы знаем это, что заставило нас думать, что это так; а наше понимание, наш разум и наши способности почти исчезли; мы были неспособны судить о своем положении; кроме того, жесткие меры, которые они применяли к нам, лишили нас возможности защищаться; мы говорили все, что они хотели, и большая часть того, что мы говорили, была, по сути, согласием с тем, что они говорили. Спустя некоторое время, когда мы пришли в себя, они рассказали нам о том, что мы признались, и мы заявили, что мы невиновны и не знаем о таких вещах. Узнав, что Сэмюэл Уордвелл отказался от своих признаний и вскоре после этого был осужден и казнен, некоторым из нас сказали, что мы последуем за Уордвеллом.

Мэри Осгуд, Мэри Тайлер, Делив Дейн, Абигейл Баркер, Сара Уилсон, Ханна Тайлер.[55]

[112] Здесь можно добавить, что в отношении тех, кто признался, помимо весомого аргумента в пользу жизни (и освобождения от лишений и оков, не только обещанного, но и выполненного для всех, кто признал свою вину). Есть многочисленные примеры, слишком много, чтобы их здесь приводить, утомительных допросов перед частными лицами, продолжавшихся много часов подряд; все это время они принуждали их к признанию (и по очереди убеждали их), пока обвиняемые не уставали от того, что их заставляли так долго стоять (), или от недосыпания и т. д., и таким образом заставляли их согласиться с тем, что они говорили; затем они спрашивали их: «Были ли вы на таком-то сборе ведьм или подписали ли вы книгу дьявола и т. д.», и когда те отвечали «да», все это оформлялось как их признание.

Но тем, что в значительной степени способствовало таким признаниям, было то, что их ближайшие и самые дорогие родственники настаивали на этом. Не видя для них другого выхода, они считали, что это лучший совет, который можно дать; поэтому мужья некоторых из них, часто настаивая и проявляя крайнюю серьезность, а дети, стоя на коленях, умоляя, в конце концов убедили их признать себя виновными.

Что касается порядка проведения судебных процессов и доказательств, принятых для вынесения приговоров в Салеме, то они уже изложены в печати преподобным г-ном *Коттоном Матером* в его книге «Чудеса невидимого мира» по приказу его превосходительства сэра *Уильяма Фипса*;[56] с не только рекомендацией, но и благодарностью лейтенант-губернатора; и с одобрением преподобного *Дж. М.* в его послесловии к книге «Случаи совести»; последняя книга была издана с согласия министров в Бостоне и его окрестностях.[57]

Два судьи также высказали свое мнение следующими словами, стр. 147.

Преподобный и достойный автор, по указанию его превосходительства губернатора, оказал общественности большую услугу, дав некоторое представление о страданиях, принесенных стране колдовством, и о судебных процессах, которые прошли над несколькими казненными за это.

Прочитав его, мы обнаружили, что факты и доказательства изложены правдиво, а также дана перспектива методов осуждения, использованных в судебных разбирательствах в Салеме.

- Уильям Стоутон,
- Сэмюэл Сьюолл.

Бостон, 11 октября 1692 года.

И учитывая, что это может попасть в руки тех, кто никогда не видел этих чудес, может быть необходимо переписать весь отчет, который он дал об этом, без каких-либо изменений (за исключением одного из обвинений, приложенного к судебному разбирательству каждого из них), который предваряет следующее предисловие, стр. 81, 82, 83.

СНОСКИ:

[1] Следующая запись сделана от руки г-ном Пэррисом в его *церковных записях*: «Хорошо известно, что когда эти бедствия впервые начались, а именно в моей собственной семье, страдания длились несколько недель, прежде чем возникли подозрения в таких адских действиях, как колдовство; более того, они никогда не выходили на свет, пока не были применены дьявольские средства, а именно изготовление пирога моим индейским слугой [Джоном], который получил указания от нашей сестры Мэри Сибли (). С тех пор появилось множество привидений, и последовало чрезвычайно много бедствий. Но, по-видимому, этим способом дьявол был пробужден среди нас, и его ярость страшна и ужасна; и когда он будет усмирен, знает только Господь». — *История Хансона. Данверс*, 289. Как будет видно, мистер Пэррис был назначен писарем на допросе.

[2] Примечательно, что этот случай не был отмечен в «Чудесах невидимого мира». Об этом рассказывается в повествовании Лоуона, стр. 3. См. также «Записи о салемском колдовстве», 49, где в показаниях Пэрриса его возраст указан как «тридцать девять».

[3] Ни в одном из отчетов не указаны имена «врачей». «Один или два из первых, кто пострадал, жаловались на необычную болезнь, их родственники использовали лекарства для их лечения, но все было тщетно». — *Лоусон, второе издание*, 97-8.

[4] Говорят, что она была рабыней, ранее находившейся в Новой Испании. Когда ее арестовали и обыскали, следы на ее теле, оставленные ударами испанского кнута, были объявлены следами от дьявола.—*Хансон, «История Данверса»*, 273. Ее первый допрос состоялся 1 марта 1691-2 года. Он занимает четыре полных страницы формата Foolscap, находится в распоряжении редактора и никогда не публиковался. В Салеме, вероятно, нет его копии, так как он не фигурирует в публикации г-на Вудворда.

[5] Двумя магистратами были Джон Хаторн и Джонатан Корвин. Уильям Аллен, Джон Хьюз, Уильям Гуд и Сэмюэл Брейбрук были свидетелями против Сары Гуд. Аллен поклялся, что 1 марта ночью он видел странное и необычное животное, лежащее на земле, которое, когда он подошел к нему, исчезло; а на его месте появились две или три женщины, которые убежали, хотя и не так, как другие женщины, и вскоре исчезли из виду. Это было около часа ночи, и он принял этих женщин за Сару Гуд, Сару Осборн и Титтабе. Джон Хьюз был с ним и также поклялся. См. *записи S. W.*, i, 38, где можно найти много других подобных свидетельств.

[6] Марта Кори была обвинена Эдвардом Путнэмом и Генри Кенеем в начале процесса; в ордере на арест указано, что она является женой Джайлса Кори из Сэлем-Фармс. В то же время были арестованы Ребекка Нерс, жена Фрэнсиса Нерса из Сейлем-Виллидж, земледельца; Дороти Гуд, дочь Уильяма Гуда; Сара Клойс, жена Питера Клойса из Сейлем-Виллидж; Джон Проктор из Сейлем-Фармс и его жена Элизабет. Их обвинили в том, что они мучили Энн Путнэм, дочь Томаса Путнэма, Эбигейл Уильямс, Элизабет Хаббард и других.

[7] Николас Нойес был сыном Николаса Нойеса из Ньюбери, выпускником Н. С. 1667 года, умер в 1717 году. Он был одним из самых жестоких подстрекателей к судебному преследованию обвиняемых. Он поселился в Сейлеме в 1683 году.

[8] В записях *Bibber* и *Vibber* написано без различия. Истинное имя, по-видимому, *Bibber*. Сара Биббер в своем свидетельстве против Сары Гуд указывает свой возраст как 36 лет. Она давала показания против девяти человек в разное время. Помимо ее собственных показаний, о ней мало что известно. По-видимому, у нее был муж, чье имя начиналось с приставки Гудман. В одно время она и ее муж жили в доме Джозефа Фаулера. Фаулер дал ей плохую характеристику: она была склонна к сплетничанию и злоумышленностям, обзывала своего мужа, была «очень буйной и неуправляемой». Также Томас Джейкобс и его жена Мэри сказали, что «Гуд Бимбор некоторое время жила в их доме», что она «очень часто говорила о том и другом очень непристойно и очень часто желала им очень плохого». Она желала, чтобы, когда ее ребенок упал в реку, она никогда не вытащила его оттуда». Что она желала зла всем и себе самой. «Соседи, которые жили рядом с ней после того, как она похоронила своего первого мужа, рассказали нам, что жена Джона Биббера могла впадать в припадки, когда ей заблагорассудится». — *Записи S. W.*, ii, 204-5.

Ни Фелт, ни Сэвидж, по-видимому, не встречали ни имени *Биббер*, ни *Виббер*.

[9] «Несколько раз было замечено, что когда с ними разговаривали о БОГЕ или ХРИСТЕ, или о спасении, они сразу же испытывали ужасную боль и поэтому часто вели себя возмутительно, если им разрешалось находиться в собрании во время публичного богослужения». — *Лоусон, второе издание*, 98.

«В день Господень, 20 марта, на собрании присутствовали различные страдающие люди, такие как миссис Поуп [жена мистера Джозефа П.], миссис Биббер, Абигейл Уильямс, Мэри Уолкът, Мэри Льюис и горничная доктора Григга. На собрании также присутствовала миссис К. [Кори] (которая впоследствии была допрошена по подозрению в колдовстве): Во время публичного богослужения у них было несколько приступов боли, что несколько помешало мне во время моей первой молитвы, поскольку это было необычно. После пения псалма Эбигейл Уильямс сказала мне: «Теперь встань и назови свой текст!» А после того, как он был прочитан, она сказала: «Это длинный текст». В начале проповеди миссис Поуп, одна из страдающих женщин, сказала мне: «Хватит уже». А днем Эбигейл Уильямс, когда я сослался на свое учение, сказала мне: «Я не знаю никакого вашего учения, если вы его называли, я его забыла». Во время проповеди, когда присутствовала миссис К., Эбигейл Уильямс воскликнула: «Посмотрите, где сидит миссис К. на балке и сосет желтую птицу между пальцами! Энн Путман, другая девушка, страдающая от одержимости, сказала, что желтая птица сидела на моей шляпе, висевшей на булавке на кафедре! Но те, кто был рядом, удержали ее от громких высказываний по этому поводу». — Лоусон, первое издание, страницы 3 и 4.

Как можно заметить, это рассказ очевидца.

[10] Ордер на арест Ребекки Нерс датирован 23 марта 169½ года. На следующий день маршал Джордж Херрик сообщил, что он привез ее в дом Ната Ингесала, где она находилась под стражей. Свидетелями были Энн Путнам-младшая, Эбигейл Уильямс, Мэри Уолкотт и Элизабет Хаббард. Мэри Уолкотт было около 17 лет; Элизабет Хаббард тоже около 17 лет. Для этих злодеев не было ничего слишком отвратительного, чтобы придумать и поклясться в этом. Мэри Уолкотт сказала, среди прочего, что помимо того, что она была «самым тяжелым образом страдала» от укусов, щипков и почти удушения со стороны заключенной, потому что она не хотела писать в ее книге, Гуди Н. сказала, что убьет ее, если она не сделает этого; а 3 мая вечером призрак заключенной сказал ей, что «она причастна к смерти Бенджамина Холтона, Джона Харрода, Ребекки Шеппард и нескольких других».

Показания Эбигейл Уильямс в основном совпадают. Она слышала, как обвиняемая (в виде призрака) призналась в совершении нескольких убийств вместе со своей сестрой Клойс: старой Гудм: Хэнвуд, Бенджамина Портера и Ребекки Шепард... Сара Виббер, мистер Сэм: Пэррис, Н. Ингерсолл и Т. Путнэм также дали показания против бедной пожилой женщины. Путнэму было около 40 лет, Пэррису, как упоминалось ранее, около 39. Джон Путнэм-старший (еще один свидетель) был около 63 лет. Эдвард Путнэм, еще один свидетель, был около 30 лет. Еще одна свидетельница, Сара Холтон, вдова Бенджамина Холтона. Еще одна, Энн Путнэм, жена Томаса, под присягой заявила, что обвиняемая душила ее и угрожала убить, а также сказала, что убила Бенджамина Холтона, Джона Фуллера и Ребекку Шепард; кроме того, она, ее сестра Клойс и Эд: Бишоп убили ребенка молодого Джона Путнэма... «Сразу же мне явились шесть детей в саванах, которые называли меня тетей... Они сказали мне, что они были детьми моей сестры Бейкер из Бостона и что Гудди Нурс, миссис Кэри из Чарлстауна и старая глухая женщина из Бостона убили их... Также мне явились моя сестра Бейли и трое ее детей из в саванах и сказали мне, что Гудди Нурс убила их». Все это было принято как достоверное и достаточное свидетельство!

[11] Эта ссылка относится к первому изданию работы Лоусона «Краткое и правдивое повествование» и т. д. Его рассказ приведен в примечании 9.

[12] Лоусон, первое издание, стр. 4.

[13] Лоусон, стр. 8. Слова «в доме в деревне» присутствуют в оригинале, что указывает на то, что собрание ведьм проходило в той части Салема, где находился Дэнверс.

[14] Это событие 1 апреля является сокращенной версией текста Лоусона, страница 8, но ничего важного для настоящей цели не опущено.

[15] Ниже приводится рассказ Лоусона, изложенный его собственными словами, чтобы читатель мог судить о его точности: «3 апреля, в день Господень, который был днем причастия, в деревне Гуд К. после того, как мистер Пэррис назвал свой текст, *Иоанн*, 6, 70. Один из них — дьявол, — упомянутая Гуд К. немедленно вышла из молельни и с силой захлопнула за собой дверь, к удивлению собравшихся. Позже ее увидели некоторые из тех, кто был в припадке, и сказали: «О, Гуд К., я не думал увидеть вас здесь!» (и, находясь у своего красного хлеба и вина), сказали ей: «Разве это время для причастия? Ты сбежала в день Господень и пренебрегла принять его в молельне, и разве сейчас время для этого? Я удивляюсь тебе! Это все, что я видел сам или получил от людей, пользующихся несомненной репутацией и авторитетом». — Стр. 8.

[16] «11 апреля 1692 года в Салеме был созван совет, на котором присутствовали заместитель губернатора Томас Данфорт, Джеймс Рассел, Джон Хаторн, Исаак Аддингтон, майор Сэмюэл Эпплтон, капитан Сэмюэл Сьюолл и Джонатан Корвин. Им была представлена жалоба капитана Джонатана Уолкотта и лейтенанта Натаниэля Ингерсолла, обоих из деревни Салем, от имени нескольких соседей, а также от своего собственного имени против Сары Клойс, жены Питера Клойса из деревни Салем, и Элизабет Проктор, жены Джона Проктора из фермы Салем [на дороге в Бостон], по подозрению в различных актах колдовства, совершенных над телами Абигайл Уильямс и Джона Индиана, обоих из семьи мистера Сэмюэла Пэрриса, Мэри Уолкот, Энн Путнэм и Мерси Льюис и т. д.». Когда обвиняемые были доставлены в Совет, г-н Пэррис «был прошен и назначен для составления протокола допроса», что он и сделал, и этот протокол до сих пор хранится в его рукописном виде. Соответственно, Элизабет Проктор, ее муж Джон Проктор и Сара Клойс были заключены в тюрьму «по совету Совета».—*Witchcraft Records*, i. 101-2.

[17] Показания и обвинительное заключение против Филипа Инглиша можно найти в *Hist. and Antiq's Boston*, 497, напечатанном с оригиналов, находящихся в распоряжении автора. Вместе с ними находятся два обвинительных заключения (от руки Эдварда Роусона), в которых он обвиняется в колдовстве над Элизабет Бут из Салема, незамужней женщиной, и Мэри Уолкотт. Оба обвинительных заключения датированы 31 мая 1692 года. Чудовища, выдвигавшие обвинения, были похожи на стаю голодных волков. Один начинал выть о ведьме, и сразу же другие следовали его примеру. Так и в случае с Филиппом Инглишем, большое количество людей присоединилось к этим девушкам в их «обвинениях» против него. Это подталкивало их к продолжению своих обманов. Миссис Инглиш была обвинена в присутствии своего мужа. Одна Мэри Уоррен, служанка мистера Проктера, превзошла всех остальных, за исключением, пожалуй, Элизабет Бут, в придумывании историй. Против нее были представлены опровергающие показания, но они не возымели никакого эффекта в суде. Эдвард Бишоп, 44 года; Сара, 41 год, и Мэри Эсти, 56 лет; все они сказали, что слышали, как Мэри Уоррен, когда они вместе сидели в тюрьме в Салеме, говорила, что магистраты могли бы с таким же успехом допросить дочь Кейсара из , которая была невменяема в течение многих лет, и поверить тому, что она сказала, так же как и тому, что сказали любые из страдающих. Мэри Инглиш, 39 лет, сказала, что, находясь в Салеме примерно за месяц до этого, она слышала, как Мэри Уоррен произносила те же слова.

[18] Доктор Мэзер утверждает, что «старое правительство было восстановлено, и старая хартия тоже была восстановлена, насколько это было возможно; было сделано все, что только можно было сделать, но только объявление о том, что *приговор*, вынесенный в Королевском суде канцлера (как бы это ни казалось обидным), не нанес *хартии* никакого ущерба; если некоторые были мудрее, чем говорить, кто может этому помешать? Ну, я выступал против этого *восстановления*! Те, кто был со мной знаком, я уверен, так не думали; и те, кто рассылал по стране свои *тористские памфлеты* против меня, как против *наглого молодого человека* [тогда мне было 26 лет], за то, что я помогал *восстановленному правительству*, я уверен, так не думали. Пусть то, что было опубликовано в поддержку восстановленного правительства, и в частности самый первый *отрывок* из *первой проповеди* на *годовщине выборов*, которую депутаты *Генерального суда* попросили меня *прочитать* и *напечатать* (кстати, сделали бы они это, если бы *молодой человек* был таким, каким его представляет этот человек?), будет моим вечным оправданием; и пусть *телята* больше не блеют, а *быки (Башана)* не рычат на меня больше по этому поводу». — *Замечания о скандальной книге* и т. д., стр. 46-7. «Отрывок», на который он ссылается в своей предвыборной проповеди, слишком длинный, чтобы привести его здесь.

[19] Наш автор не единственный, кто считал, что доктор И. Мэзер преследовал какие-то корыстные цели в своем управлении делами в Англии. См. Куинси, *Hist. H. Col.*, i, 60. Но Куинси слишком односторонен, горяч и догматичен, чтобы на него можно было безоговорочно полагаться.

[20] Это споры о форме правления.

[21] Похоже, что некоторые кандалы были подготовлены до прибытия губернатора Фипса, хотя он, возможно, заказал дополнительную партию, так как в то время число заключенных значительно увеличилось. Г-н Фелт, летописец Салема, предоставил г-ну Дж. В. Хансону копию отчета тюремного надзирателя (Джона Арнольда) из Бостона о различных предметах, используемых в тюрьме. Указанный отчет начинается примерно с 7 марта 1691-2 года. «9 мая, цепи для Сары Гуд и Сары Осборн, 14 *шиллингов*. 23 мая, кандалы для 10 заключенных. 29 мая, 1 пара кандалов для Мэри Кокс» и т. д. См. *Hist. Danvers*, 290. Другие предметы такого рода см. в *Records of S. W.*, ii, 212 и далее.

[22] Это была *Тутуба*, о которой уже упоминалось ранее. См. *примечание 4*. Ее первый допрос — удивительный документ не только по своему объему, но и по содержанию; и редактор не может не признать, что вопросы были, пожалуй, еще более нелепыми, чем ответы простой индейской женщины. Ее муж был известен как *Джон Индиан*. Оригинальные протоколы находятся в распоряжении редактора.

[23] Это применение кандалов, конечно, произошло после прибытия губернатора. Имя тюремщика уже было указано.

[24] Из *записей* (опубликованных г-ном Вудвордом) следует, что имя Кэри было *Натаниэль*. В книге «Сэвидж» мы находим, что у *Джонатана* Кэри из Чарлстауна была жена Ханна Уинсор, что *Натаниэль* был братом *Джонатана* и что они были сыновьями Джеймса Кэри, который прибыл в Чарлстаун в 1639 году или раньше. Жалоба на миссис Кэри была подана г-ном Томасом Путнэмом и Бенджамином Хатчинсоном, обоими из деревни Сейлем. Жалоба заключалась в том, что она околдовала вышеупомянутых нечестивых девушек, Мэри Уолкотт, Абигалл Уильямс и Мерси Льюис. Муж миссис Кэри именуется «капитан Натаниэл Кэри из Чарлстауна, Маренер» — *Записи*, ii., 196.

[25] Он был сыном пилигрима Джона из «Мэйфлауэра». См. рассказ о нем и его преследовании в «*Hist. and Antiqs. Boston*, 499». Также см. «*Records S. W.*, ii., 196». Его обвинителями были те же самые негодяйки — Мэри Льюис, Эбигейл Уильямс, Элизабет Бут, Мэри Уолкотт, Элизабет Хаббард, Энн Путнэм и Мэри Уоррен. Ордер на его арест был датирован 31 мая 1692 года, как будет видно сразу же далее.

[26] Вероятно, тот же, что упоминался ранее. См. т. II, стр. 75.

[27] Оригинал ордера на арест не фигурирует среди записей, хранящихся в Салеме. Если он и сохранился, то не был обнаружен.

[28] Их имена, вероятно, почти все можно собрать из архивов. Интерес должен побудить кого-нибудь предпринять эту попытку.

[29] Их имена уже упоминались. Капитан Сьюолл был известным судьей Сьюоллом.

[30] См. длинные и утомительные показания против нее в томе I, стр. 163-174, которые имеют тот же нелепый характер, что и другие; однако они не так нелепы, как в оригинальных архивах, которые можно посмотреть. Эзекиль Чивер записал допрос.

[31] Об этом отрывке доктор Мэзер говорит: «Его первая и главная цель — сделать меня ненавистным для страны как одного из главных сторонников мнения, что дьяволы не могут мучить людей в образе невинных людей, и как подстрекателя судей к осуждению ведьм на основании этого мнения. Совершенно очевидно, что его совесть должна подсказывать ему, что это самое лживое обвинение. Ведь в моей книге «Запоминающиеся провидения», которую я написал до беспорядков в Салеме и даже до того, как я так хорошо познакомился с уловками сатаны (за что он в определенном случае насмехается надо мной), у меня есть целый абзац, в котором я предостерегаю от того, чтобы считать зачарованных людей, притворяющихся, что видят привидения тех или иных лиц, доказательством того, что они являются нечестивыми людьми. И некоторые из главных министров этой страны одобрили эту книгу своим свидетельством, однако мой друг Калеф теперь насмехается над ней». Это было произведение, рекомендованное г-ном Бакстером.

[32] Судебный процесс над Сюзанной Мартин приведен в книге «Чудеса» (том I), стр. 175-187; судебный процесс над Элизабет Хоу — на стр. 188-194; судебный процесс над Ребеккой Нерс — в «Записках С. В.», том I, стр. 76-99; том II, стр. 215; судебный процесс над Сарой Уайлдс из Топсфилда — там же, том II, стр. 180-182, 215; судебный процесс над Сарой Гуд — там же, стр. 11-24; том II, стр. 214-215. Пристрастность книги «Чудеса» отмечается и в других источниках.

[33] Суд над Сарой Гуд был необычайно отвратительным. Ее собственная дочь, Дороти, была одной из свидетелей против нее. Она сказала, что у ее матери «было три птицы, одна черная, одна желтая, и что эти птицы причиняли вред детям и мучили людей» — *Records S. W.* i, 23. Ее собственный муж дал ей очень плохую характеристику, но сказал, что не знает ничего о том, что она была ведьмой. Истории о сломанном ноже я не помню в записях. Вероятно, она была засекречена. Сэмюэл Эбби и его жена Мэри, которым было соответственно около 45 и 38 лет, свидетельствовали, что Уильям Гуд и его жена Сара, не имея дома, где можно было бы жить, были приняты ими из милосердия, но примерно два с половиной года назад они были вынуждены выгнать их «ради спокойствия, поскольку упомянутая Сара была очень буйной, злобной и злонамеренной». В результате упомянутый Эбби за два года потерял 17 голов крупного рогатого скота, помимо овец и «свиней». — Архивы, там же, 24-5. См. также лекции г-на Апхэма о колдовстве.

[34] Имена присяжных не зафиксированы. Джон Рак был старшиной, полагаю, шурином г-на Берроуза.

[35] Очень жаль, что автор счел необходимым исключить такие документы. Особенно жаль, что это касается упомянутой статьи.

[36] То, что сохранилось от судебных процессов над этими лицами, можно найти в томе I и в ранее упомянутых *записях*.

[37] «Я присутствовал, когда эти вещи были представлены в качестве доказательств против него, и заметил, что он не мог выдвинуть в свою защиту (*в этих вопросах*) никаких весомых аргументов: он имел право отклонять *присяжных* перед формированием жюри в соответствии с *законом*, действующим в данном случае, и воспользовался этим правом, отклонив многих; тем не менее, присяжные, которые были *приведены к присяге*, признали его виновным». — Лоусон, *второе издание*, 115.

Судебный процесс над г-ном Берроузом полностью изложен в томе I, 152-63. Он не включен в архивы, вероятно, по той причине, что был передан г-ну Мазеру для использования и никогда не был возвращен. Его допрос проводили Стоутон, Хаторн, Сьюолл и Корвин. Ниже приведены имена людей, назначенных для обыска его в поисках сосков: Эдвард Уэлч, Уильям Гилл, Зеб Хилл, Томас Флинт, Томас Уэст, Сэмюэл Морган и Джон Бэр, как указано в *записях*, ii, 112. Они не сообщили о наличии «сосков» у г-на Берроуза.

Показания Энн Путнэм были изобретательными и столь же осуждающими, как только мог бы пожелать любой *адский дух*. См. *записи*, *ib.* 113-116. Мэзер не приводит их, но говорит, что такие вещи были доказаны, например, что он убил нескольких человек. См. замечания г-на Апхэма, *лекции*, 55.

[38] Вероятно, опечатка, должно быть *Nashaway*.

[39] Доктор Инкрейс Мазер, мистер Джеймс Аллен из Старого Юга, мистер Джошуа Муди, мистер Сэмюэл Уиллард из Старого Юга и мистер Джон Бейли из Первой церкви, Бостон.

[40] Мой друг Сэвидж называет это «адским делом». Я надеюсь, что он никогда не уйдет так далеко. Похоже, что чиновники того времени брали уроки у римских инквизиторов.

[41] Дэниел Эндрю из Салема, как я предполагаю.

[42] Спустя девятнадцать лет после этих казней Генеральный суд провинции принял закон, объявляющий недействительными все приговоры и решения в отношении тех, кто пострадал за колдовство. Этот закон был принят «по смиренной просьбе упомянутых лиц и детей тех из них, чьи родители были казнены». Генеральная ассамблея также назначила комитет «для рассмотрения ущерба, понесенного различными лицами, преследуемыми за колдовство в 1692 году». Комиссия рассчитала ущерб, причиненный вышеупомянутым лицам, следующим образом: мистер и миссис Кори — 21 фунт стерлингов; Мэри Исти — 20 фунтов стерлингов; Элис Паркер не получила ничего, но Мэри Паркер получила 8 фунтов стерлингов; ничего не указано для Энн Пудитер; Доркас Хоар — 21 фунт стерлингов; Мэри Брэдберри — 20 фунтов стерлингов; некоторые из пострадавших не имели представителей, которые могли бы получить компенсацию.

[43] Большинству из них или их детям были выплачены пособия, как можно видеть в приведенных выше *записях*.

[44] «Холм» с тех пор называют *Холмом ведьм* или, более обще, *Холмом виселиц*; отсюда открывается прекрасный вид на город Салем. Некоторое описание этого известного холма можно было бы ожидать в истории Салема. *Институт* должен обратить внимание на этот вопрос.

[45] Котон Мазер, безусловно, никогда не произносил ничего более бесчеловечного. О г-не Нойесе уже упоминалось.

[46] Г-н Джон Хейл давал показания против некоторых обвиняемых, но я не нашел упоминания о том, что когда его собственная жена была обвинена, об этом были сделаны какие-либо записи.

[47] Дело г-на Инглиша уже упоминалось ранее. См. примечание 17.

[48] Показания Балларда против Сэмюэла Уордвелла можно найти в *записях S. W.*, ii, 152. Баллард указал свой возраст как около 41 года и упомянул своего брата Джона. См. далее.

[49] Это был не первый случай беспорядков, связанных с предполагаемым колдовством в Андовере, как следует из следующей записи, оригинал которой находится в коллекции редактора: «Показания Джоб Тайлара, возраст около 40 лет, его жены Мэри и его сына Мозеса Тайлара: возраст от 17 до 18 лет, и Мэри Тайлер, возраст около 15 лет.—Эти свидетели подтверждают, что они видели, как ночью Джон Годфери увидел у двери своего дома существо, похожее на птицу, размером с черного дрозда или даже больше, то есть размером с голубя, которое летало вокруг; Джон Годфри пытался поймать ее, но птица исчезла, как они полагают, через щель в соединении досок; и когда хозяин дома спросил, зачем она прилетела, он ответил: «Она прилетела, чтобы высосать вашу жену». Это было (насколько они помнят) около 5 или 6 лет назад.—Под присягой четырех вышеупомянутых лиц, 27 апреля 59 года. Перед мной

«Саймоном Брэдстритом.

Заверен в суде М^о h, 65, Джобом Тайларом и Мозесом Тайларом.

E. R. S^{ec}

Признано в суде 13 марта 65 года Мэри Тайлер под присягой.

E. R. S^{ec} "

Вышеуказанное подписано губернатором Брэдстритом и Эдвардом Роусоном.

[50] Сын губернатора Саймона Брэдстрита. В 1698 году, когда индейцы напали на Андовер, Брэдстрит и его семья были взяты в плен, но в тот же день были освобождены.

[51] Я не могу установить имя этого «достойного джентльмена». Несомненно, он был одним из тех, кто, как мистер Калеф, не боялся «брать быка за рога».

[52] Сара, жена Питера Клойса, и Мэри Грин, вероятно, были этими двумя людьми. Последней, по-видимому, удалось сбежать с помощью Джона Шепарда из Роули. См. Фелт, «История Ипсвича и Гамильтона», 207.

[53] См. доказательства против Сюзанны Мартин, i, стр. 177 и далее. См. также «Записки о салемском колдовстве» Вудворда, i, 193-206, ii, 215.

[54] Джон Барнард, о котором доктор Аллен должным образом упоминает в «Американском биографическом словаре». Он был автором нескольких работ.

[55] Краткая информация о семьях, к которым принадлежали эти люди, можно найти в книге Эббота «История Андовера».

[56] Удивительно, что г-н Калеф не рассказал своим читателям, как шокирующе г-н Мэзер описывал эти процессы; это можно объяснить только тем, что он не имел доступа к оригиналам, которые были переданы г-ну Мэзеру.

[57] Их имена не были напечатаны в соответствии с оригинальным рукописным текстом в «Случаях совести». Однако редактор правильно напечатал их из этой рукописи с некоторыми замечаниями « » в своем издании «Отношений Мазера», ххii. Порядок подписки полностью изменен.

Предисловие Мазера к «Судебным процессам».

[113] НО я не буду больше задерживать читателя от ожидаемого им развлечения кратким рассказом о судебных процессах, которые прошли над некоторыми преступниками, недавно казненными в *Салеме* за колдовство, в котором они были признаны виновными. Что касается меня, то я не присутствовал ни на одном из них и никогда не испытывал личной неприязни к лицам, приведенным на сцену; тем более к выжившим родственникам этих лиц, с которыми и за которых я скорблю так же искренне, как любой другой человек в этом мире: *да утешит их Господь!* Но, получив такое поручение, я не могу поступить иначе, как кратко изложить основные факты, которые имели место в ходе судебных процессов над некоторыми казненными, в виде краткого изложения, составленного на основе судебных документов, предоставленных мне по этому поводу. Вы должны принять правду такой, какая она есть, и правда не повредит ни одному доброму человеку. Их могло бы быть больше, если бы моя книга не стала бы слишком объемной и если бы некоторые другие достойные люди не намеревались, возможно, сделать что-то еще в этих сборниках; по этой причине я выбрал только четыре или пять, которые могут послужить иллюстрацией способа обращения с делами, связанными с колдовством; и я сообщаю об этих делах не как адвокат, а как историк.

Это были некоторые из благодатных слов, включенных в совет, который многие соседние священники этим летом смиренно представили нашим уважаемым судьям. Мы не можем не с благодарностью признать успех, который милосердный Бог даровал усердным и настойчивым усилиям наших уважаемых правителей по раскрытию отвратительных колдовств, которые были совершены в стране; Смиренно моля, чтобы раскрытие этих таинственных и злобных злодеяний было доведено до конца. Если среди многочисленных недовольств среди нас публикация этих судебных процессов может способствовать такой благочестивой благодарности Богу за то, что справедливость до сих пор исполняется среди нас, я буду радоваться, что Бог прославлен, и молиться, чтобы никакие наши неправильные шаги никогда не оскверняли Его славные дела.

Судебный процесс над Джорджем Берроузом.

Обвинительное заключение Джорджа Берроуза.[58]

Эссекс ss.

Anno Regni Regis & Reginae Williemi & Mariae nunc Angliæ, &c. quarto.—

Присяжные нашего суверенного господина и госпожи, короля и королевы, заявляют, что *Джордж Берроуз*, бывший житель *Фалмута*, в провинции *Массачусетс-Бэй*, в *Новой Англии*, клерк.

9 мая, в четвертый год правления наших повелителей, господина и госпожи *Уильяма и Мэри*, по милости Божьей, короля и королевы *Англии, Шотландии, Франции и Ирландии*, защитников [114] веры и т. д. И в другие дни и времена, как до, так и после, злобно и преступно использовала, практиковала и применяла отвратительные искусства, называемые колдовством и чародейством, в городке *Салем*, в вышеупомянутом графстве *Эссекс*, в отношении и против одной *Мэри Уолкотт* из деревни *Салем*, в графстве *Эссекс*, незамужней женщины, посредством которых указанная *Мэри Уолкотт* девятого мая четвертого года вышеуказанного периода, а также в другие дни и времена, как до, так и после, подвергалась и подвергается пыткам, страданиям, мучениям, истощению, изнурению и мучениям, нарушая мир нашего суверенного господина и госпожи, короля и королевы, а также форму закона, принятого и предусмотренного в данном случае.

Свидетели: *Мэри Уолкотт (Mary Wolcott)*, *Сара Виббер (Sarah Vibber)*, *Элизабет Уоррен ([59])*, *Мерси Льюис (Mercy Lewis)*, *Энн Путнэм (Ann Putnam)*, *Элизабет Хаббард (Eliz. Hubbard)*.

Одобрено большим жюри, *Билла Вера*.

Было также второе обвинение в причинении страданий *Элизабет Хаббард*, свидетелями по данному обвинению были *Элизабет Хаббард*, *Мэри Уолкотт* и *Энн Путнэм*.

Третье обвинение было предъявлено за причинение вреда *Мерси Льюис*: свидетелями были *Мерси Льюис*, *Мэри Уолкотт*, *Элизабет Хаббард* и *Энн Путнэм*.

Четвертое обвинение было предъявлено за колдовство в отношении *Энн Путнэм*, свидетелями были *Энн Путнэм*, *Мэри Уолкотт*, *Элизабет Хаббард* и *Мэри Уоррен*. [60]

Суд над Г. Б., как напечатано в «Чудесах невидимого мира», со стр. 94 по 104.

Я был бы счастлив, если бы никогда не узнал имени этого человека и никогда не имел повода упоминать даже первые буквы его имени. Но поскольку правительство потребовало включить в эту книгу отчет о его суде, я с полным повиновением подчиняюсь этому распоряжению.

1. Этот *Г. Б.* был обвинен в колдовстве; и в ходе судебного преследования против него он был обвинен пятью или шестью околдованными людьми как виновник их страданий; он был обвинен восемью признавшимися ведьмами как главный участник некоторых из их адских сборов, которому было обещано стать королем в царстве сатаны, которое сейчас собирались основать; девять человек обвинили его в необычайной силе и таких подвигах, которые невозможно было бы совершить без помощи дьявола. И за другие подобные вещи он был обвинен, пока против него не было представлено около тридцати свидетельств [61]; и это было признано лишь половиной того, что могло бы быть принято во внимание для его осуждения: однако этого было достаточно, чтобы закрепить за ним статус ведьмы, в соответствии с правилами рассуждения, установленными в данном случае.

[115] Суд, понимая, что показания околдованных лиц обычно имеют место среди подозрений или предположений, выдвигаемых против обвиняемого в колдовстве, заслушал показания нескольких лиц, которые были наиболее известны как околдованные и ежедневно подвергались пыткам невидимыми руками, и все они теперь обвиняли призраков *Г. Б.* в том, что они участвовали в их мучениях (). Во время допроса этого *Г. Б.* заколдованные люди

подвергались жестоким преследованиям со стороны сверхъестественных сил, которые невозможно было скрыть, и они по-прежнему приписывали это попыткам Г. Б. убить их. И теперь, на его суде, одна из околдованных лиц свидетельствовала, что в ее мучениях к ней пришел маленький черноволосый человек, сказав, что его зовут Б., и предложив ей положить руку на книгу, которую он ей показал; и хвастался, что он колдун, превосходящий обычный ранг ведьм; что он часто преследовал ее, предлагая эту книгу, говоря, что она будет здорова и не должна никого бояться, если только подпишет ее; но он причинял ей жестокие мучения и раны, потому что она отказывалась это сделать.[62] Свидетельства других пострадавших совпадали с этими; и было примечательно, что, поскольку укусы были одним из способов, которые ведьмы использовали для мучения пострадавших, когда те кричали, что Г. Б. укусил их, на коже истцов были видны отпечатки его зубов; и на них появлялся именно такой набор зубов, как у Г. Б., который можно было отличить от зубов других людей.

Другие из них свидетельствовали, что во время их мучений Г. Б. искушал их пойти на причастие, на которое они видели его со звуком трубы, созывающей других ведьм; которые вскоре после звука приходили со всех сторон на место встречи. Одна из них, впад в своего рода транс, впоследствии утверждала, что Г. Б. унес ее на очень высокую гору, где показал ей могущественные и славные царства и сказал, что отдаст ей все это, если она напишет в его книге; но она ответила ему, что это не его, чтобы отдавать, и отказалась выполнить его просьбу, за что вынесла много страданий.[63]

Суду стоило огромных усилий выслушать показания страдающих, поскольку, когда они собирались давать показания, их надолго охватывали приступы, которые делали их неспособными что-либо сказать. Главный судья спросил подсудимого, кто, по его мнению, мешает этим свидетелям давать показания, и тот ответил, что, по его мнению, это дьявол. Тогда этот почтенный человек ответил: «Почему же дьявол так не хочет, чтобы против вас давали показания?», что привело его в сильное замешательство.[64]

3. Часто случалось, что околдованные люди видели призраков убитых людей, в то же время, когда их беспокоили призраки ведьм. Эти призраки всегда [116] пугали зрителей больше, чем все другие призрачные образы, и когда они появлялись, они кричали, что были убиты колдовством или другими насильственными действиями людей, которые в тот момент были присутствовали в виде призраков. Кроме того, следует отметить, что один или два раза эти призраки были видны другим людям в то же самое время, когда они показывались околдованным, и редко когда эти призраки появлялись, если только смерть появившегося человека не сопровождалась чем-то необычным и подозрительным. Некоторые из тех, кто был обвинен этими призраками, обратившимися к околдованным людям, которые никогда не слышали ни слова о существовании таких людей в этом мире, после тщательного допроса свободно и полностью признались в убийстве этих самых людей, хотя они также не знали, как призраки жаловались на них. Соответственно, несколько околдованных дали показания, что их беспокоили призраки двух женщин, которые говорили, что они были двумя женами Г. Б., и что он был причиной их смерти, и что об этом необходимо сообщить магистратам (), перед которыми, если Б. на суде это отрицал, они не знали, не появятся ли они снова в суде. Г. Б. был известен во всей стране своим жестоким обращением с двумя своими женами. Кроме того, было засвидетельствовано, что призрак Г. Б., угрожая страдающим, сказал им, что он убил (помимо других) миссис Лоусон и ее дочь Энн. Было отмечено, что это были добродетельная жена и дочь человека, к которому Г. Б. мог питать предубеждение за то, что тот служил в деревне Салем, откуда он сам несколько лет назад уехал в плохих отношениях, и что когда они умерли, что было давно, вокруг них были некоторые странные обстоятельства,

которые заставили некоторых из присутствующих заподозрить что-то вроде колдовства, хотя никто не мог представить, откуда оно могло исходить.

Когда Г. Б. предстал перед судом, один из околдованных людей был охвачен ужасом, увидев призраков двух умерших жен Б., которые появились перед ним и взывали к мести. После этого были поочередно вызваны несколько околдованных лиц, которые, не зная, что видел и говорил первый, согласились с его ужасом перед привидением, которое, как они утверждали, стояло перед ним. Но он, хотя и был очень напуган, категорически отрицал, что заметил что-либо подобное, и это не было частью его обвинения.

4. Разумные авторы отводят этому большое место в осуждении ведьм, когда люди обвиняются другими известными ведьмами в том, что они такие же плохие, как и они сами, особенно если эти люди были известны тем, что пренебрегали поклонением Богу. Теперь, поскольку могло быть достаточно свидетельств Г. В. к молитве и другим заповедям Божиим, хотя по своему профессии он был обязан их соблюдать, то теперь против заключенного выступили свидетельства нескольких лиц, которые [117] признались, что сами были ужасными ведьмами и с момента своих признаний подвергались ужасным пыткам со стороны дьяволов и других ведьм, как и другие страдающие, и в результате перенесли муки многих смертей за свои признания.

Теперь они свидетельствовали, что Г. Б. участвовал в сборах ведьм вместе с ними; и что он был тем человеком, который соблазнил и заставил их вступить в ловушку колдовства: что он обещал им красивую одежду за это; что он приносил им куклы и шипы, чтобы воткнуть их в эти куклы, для причинения страданий другим людям; и что он призывал их вместе с остальными членами секты околдовать всю деревню Салем, но делать это постепенно, если они хотят добиться успеха в своих делах.

Когда были осуждены ведьмы из *Ланкашира*, я не помню, чтобы были какие-либо значительные дополнительные доказательства, кроме показаний околдованных и признаний некоторых из них. Мы уже видели многое против Г. Б. Но этого было недостаточно, и были другие вещи, которые делали то, что уже было представлено, достоверным.

5. Известный богослов перечисляет среди доказательств вины ведьмы: показания зачарованных, будь то умирающих или страдающих, а также совместные клятвы достаточное количество людей, которые видели определенные чудесные проделки или подвиги, совершенные обвиняемым. Теперь Бог был так благоволен, что оставил этого Г. Б., который сам себя погубил несколькими примерами сверхъестественной силы, которые он ранее демонстрировал и которые теперь были использованы против него. Он был очень хрупким человеком, но часто совершал вещи, превосходящие силы гиганта. [65] Ружье с стволом длиной около 7 футов, настолько тяжелое, что сильные мужчины не могли удержать его обеими руками; было несколько свидетельств от авторитетных и уважаемых лиц, что он без труда поднимал такое ружье за затвор одной рукой и держал его, как пистолет, на вытянутой руке. Г. Б. в своей защите был настолько глуп, что сказал, что там был *индеец*, который держал его в то же время, тогда как никто из зрителей не видел такого *индейца*, но они предположили, что черный человек (как ведьмы называют дьявола, и они обычно говорят, что он похож на *индейца*) мог оказать ему такую помощь. Были также представлены доказательства того, что он без труда поднимал целые бочки, наполненные мелассой или сидром, в очень неудобных позах и переносил их через самые трудные места из каноэ на берег.

Да, было два свидетельства того, что *Г. Б.*, просто вставив указательный палец правой руки в дуло тяжелого ружья, охотничьего ружья с стволом длиной около шести или семи футов, поднял ружье и держал его на вытянутой руке; ружье, которое свидетели, хотя и были сильными мужчинами, не могли поднять обеими руками и держать за приклад, как обычно. Действительно, один из этих свидетелей был убежден некоторыми лицами [118] не участвовать в суде над *Г. Б.*, но впоследствии он пришел с сожалением о своем отказе и дал свои показания. Ни один из этих свидетелей не был использован в качестве доказательства в суде.

6. Было представлено несколько свидетельств, касающихся домашних дел *Г. Б.*, которые выставляли его в очень невыгодном свете и не только доказывали, что он был очень плохим человеком, но и подтверждали мнение о его характере, которое уже сложилось о нем.

Было засвидетельствовано, что, держа своих двух последовательных жен в странном рабстве, он, возвращаясь домой из-за границы, притворялся, что рассказывает о разговорах, которые кто-либо вел с ними. Что он довел их до смерти своим жестоким обращением с женами, а затем заставил окружающих его людей () пообещать, что в случае смерти они ничего не скажут об этом. Что он использовал все средства, чтобы заставить своих жен написать, подписать, запечатать и поклясться в соглашении никогда не раскрывать его секреты. Что его жены в частном порядке жаловались соседям на страшные явления злых духов, которые иногда навещали их дом, и что о многих подобных вещах шептались в окрестностях. Были также и другие свидетельства, касающиеся смерти людей, которые убедили беспристрастное жюри в том, что *Г. Б.* околдовал лиц, упомянутых в жалобах. Но я вынужден опустить несколько таких отрывков как в этом, так и во всех последующих судебных процессах, потому что писцы, которые их заметили, не предоставили мне их.

7. Некий мистер *Рак*, шурин этого *Г. Б.*, свидетельствовал, что *Г. Б.*, он сам и его сестра, которая была женой *Г. Б.*, отправились на два или три мили, чтобы собрать клубнику, *Рак* с сестрой, женой *Г. Б.*, ехали домой очень тихо, а *Г. Б.* шел пешком в их компании. *Г. Б.* немного отошел в кусты, после чего они остановились и стали его звать. Он не ответил, и они ускорили шаг, направляясь домой, не ожидая увидеть его в ближайшее время. Однако, когда они подошли к дому, к своему удивлению, они обнаружили его идущим пешком вместе с ними с корзиной клубники. *Г. Б.* сразу же начал ругать свою жену за то, что она говорила о нем своему брату по дороге; когда они удивились этому, он сказал, что знает их мысли. *Рак*, удивленный этим, ответил, намекнув, что сам дьявол не знает этого, но *Г. Б.* ответил, что мой бог открывает мне ваши мысли. Заключение, стоявший перед судом, не имел ничего, что стоило бы учитывать, в ответ на то, что было свидетельством против него. Он только сказал, что *Рак* и его жена оставили с ним одного человека, когда уходили. *Рак* утверждал, что это неправда, и когда суд спросил *Г. Б.*, как звали этого человека, его лицо сильно изменилось, и он не смог сказать, кто это был. Но суд начал думать, что он отошел в сторону только для того, чтобы с помощью чернокожего мужчины сделать себя невидимым и в этом завораживающем тумане удовлетворить свою ревнивую натуру, услышав, что они говорят о нем. Наши ведьмы в своих признаниях утверждают, что иногда владеют этим трюком, позволяющим сделать себя невидимыми, и это тем более правдоподобно, что есть доказательства того, что они часто делают совершенно невидимыми многие другие вещи.

8. Неуверенные, противоречивые и непостоянные ответы при судебном и тщательном допросе считаются несчастливыми признаками вины во всех преступлениях, особенно в колдовстве. Никогда еще не было заключенного, который бы больше всего отличался ими, чем *Г. Б.*, как во время допроса, так и во время суда. Его уклончивость, противоречия и ложь

были очень заметны: он мало что мог сказать, кроме того, что слышал некоторые вещи, которые не мог доказать, что отражалось на репутации некоторых свидетелей. Он только передал присяжным документ, в котором, хотя он много раз ранее признавал не только существование ведьм, но и то, что нынешние страдания страны являются результатом ужасного колдовства, теперь он пытается доказать, что не существует и никогда не существовало ведьм, которые, заключив договор с дьяволом, могут послать дьявола мучить других людей на расстоянии. Это письмо было переписано из *Ади*; о чем суд узнал, как только его услышал. Но он сказал, что не взял ничего из какой-либо книги; за что его уклонением впоследствии было то, что один джентльмен дал ему рукопись, из которой он и переписал его.

9. Присяжные признали его виновным, но когда он был приговорен к смерти, он полностью отрицал тот факт, за который был осужден.^[66]

СНОСКИ:

^[58] Поскольку данное обвинительное заключение, по-видимому, отсутствует в архиве, его отсутствие объясняется тем же, что и отсутствие других подобных документов, о которых упоминалось ранее: оно было изъято из архива и никогда не возвращено.

^[59] Это имя, как уже упоминалось, несомненно, принадлежит *Бибберу*.

^[60] Этих отказавшихся свидетелей у нас уже было достаточно.

^[61] Около двадцати из них фигурируют в архивах, см. том II, стр. 109 и далее. Что касается великой силы г-на Берроуза, то Сэмюэл Веббер, возрастом около 36 лет, под присягой заявил, что «около семи или восьми лет назад я жил в Каско-Бэй, и Джордж Берроуз был тогда там священником, и я много слышал о великой силе упомянутого г-на Берроуза. Берроуза, когда он пришел в наш дом, мы разговаривали об этом, и он рассказал мне, что он вставил пальцы в пробку бочки с мелассой, поднял ее и носил вокруг себя». Салем, 2 августа 1692 года.

Энн Путнэм под присягой заявила, что 20 апреля 1692 года она видела *привидение* мистера Берроуза, который ужасно мучил ее; сказал ей, что у него было три жены и он заколдовал двух из них до смерти; убил миссис Лоусон, потому что она так не хотела уезжать из деревни; убил детей мистера Лоусона, потому что он уехал на восток с сэром Эдмондом [Андросом] и проповедовал так солдатам; заколдовал до смерти многих солдат, когда сэр Эдмонд был там, и т. д. В другой раз она поклялась, что две жены мистера Берроуза явились ей в своих саванах и рассказали, как их убили. Также миссис Лоусон и ее дочь Энн явились таким же образом; также еще одна женщина, которая сказала ей, что она была первой женой Гудмана Фуллера и что мистер Берроуз убил ее из-за разногласий между ее мужем и ним.

Саймон Уиллард, возраст около 42 лет, был в доме мистера Роберта Лоуренса в Каско-Бэй в сентябре 1689 года; видел, как мистер Берроуз показал, где он взял ружье с стволом длиной около семи футов, которое находилось за замком; и мистер Б. сказал, что он держал его одной рукой, взяв его таким образом, но свидетель не видел, как он это делал. Уиллард командовал фортом в Каско.

Томас Гринслетт, возраст около 40 лет, сказал, что он был у капитана Джошуа Скоттоу в Блэк-Пойнт, когда началась последняя индейская война, где он видел, как мистер Б. поднял ружье с шестифутовым стволом или около того, вставив указательный палец правой руки в дуло и

держа его на вытянутой руке. При этом присутствовали лейтенант Ричард Ханневелл и Джон Гринслетт. Вышеприведенные показания являются несколькими примерами доказательств, на основании которых г-н Берроуз был осужден и казнен.

[62] Несколько из упомянутых выше девушек присягали примерно на то же самое.

[63] Девушка, которая дала клятву, была Мерси Льюис. Это произошло 9 мая 1692 года, как она сказала: «Мистер Берроуз отнес меня на очень высокую гору и показал мне все царства земные, и сказал, что отдаст их все мне, если я напишу в его книге, а если я не напишу, то он сбросит меня вниз и сломает мне шею; но я сказала ему, что они не его, чтобы он их отдавал, и не буду писать, даже если он сбросит меня на сотню вил».—*Записи S. W.* ii, 118.

[64] Следует помнить, что это лишь сокращенная версия записей доктора Мазера. «Сьюз Шелдон свидетельствовала, что две жены Берроуза появились в своих саванах и сказали, что этот человек убил их. Ему велели посмотреть на Сьюз Шелдон. Он оглянулся и сбил с ног всех (или почти всех) страдающих, которые стояли за ним». — *Там же*, ii, 109.

[65] Из показаний, приведенных в примечании 61, видно, что заявление доктора выходит за рамки протокола. Возможно, у него было, и, без сомнения, было больше, чем сохранилось до наших дней.

[66] См. примечание 153, стр. 163, т. I.

Обвинение Бриджит Бишоп.

Обвинительное заключение Бриджит Бишоп.

Anno Regni Regis & Reginæ Willielmi & Mariæ, nunc Angliæ, &c. quarto.

Эссекс ss.

Присяжные нашего суверенного господина и госпожи, короля и королевы, присутствующих, что *Бриджит Бишоп*, она же *Оливер*, жена *Эдварда Бишоп* () в *Салеме*, графство *Эссекс*, *Сойер*, девятнадцатого дня *апреля*, в четвертый год правления нашего суверенного господина и госпожи, *Уильяма и Мэри*, по милости Божьей, короля и королевы *Англии, Шотландии, Франции и Ирландии*, защитников веры и т. д. и в другие дни и времена, как до, так и после, злобно и преступно использовала, практиковала и применяла в городке *Сейлем*, в графстве *Эссекс*, вышеупомянутом, в отношении, на и против одной [120] *Мерси Льюис* из *Сейлем-Виллидж*, в вышеупомянутом графстве, незамужней женщины; в результате чего указанная *Мерси Льюис* в указанный девятнадцатый день *апреля* четвертого года вышеуказанного года, а также в другие дни и времена, как до, так и после этого, была и является раненой, замученной, страдающей, изможденной, истощенной, измученной и мучимой, в нарушение мира нашего суверенного господина и госпожи, короля и королевы, и в нарушение положений закона, принятого и предусмотренного для таких случаев.

Подтверждено Билла Вера.

Свидетели — *Мэри Льюис*, *Натаниэль Ингерсолл*, мистер *Сэмюэл Пэррис*, *Томас Путнэм-младший*, *Мэри Уолкотт-младшая*, *Энн Путнэм-младшая*, *Элизабет Хаббард*, *Эбигейл Уильямс*.

Было также второе обвинение в отношении упомянутого епископа за причинение страданий и практику колдовства в отношении *Эбигейл Уильямс*. Свидетелями по упомянутому обвинению были упомянутая *Эбигейл Уильямс*, мистер *Пэррис*, *Натаниэль Ингерсолл*, *Томас Путнэм*, *Энн Путнэм*, *Мэри Уолкотт*, *Элизабет Хаббард*.^[67]

Третье обвинение было предъявлено за причинение вреда *Мэри Уолкотт*. Свидетелями по данному обвинению были *Мэри Уолкотт*, *Мерси Льюис*, мистер *Сэмюэл Пэррис*, *Натаниэль Ингерсолл*, *Томас Путнэм*, *Энн Путнэм*, *Элизабет Хаббард*, *Эбигейл Уильямс*.^[68]

Четвертое обвинение было предъявлено за причинение страданий *Элизабет Хаббард*. Свидетелями по данному обвинению были *Элизабет Хаббард*, *Мерси Льюис*, мистер *Пэррис*, *Натаниэль Ингерсолл*, *Томас Путнэм*, *Энн Путнэм*, *Мэри Уолкотт* и *Эбигейл Уильямс*.

Пятое обвинение касалось причинения страданий *Энн Путнэм*. Свидетелями по данному обвинению были *Энн Путнэм*, мистер *Сэмюэл Пэррис*, *Натаниэль Ингерсолл*, *Томас Путнэм*, *Мерси Льюис*, *Мэри Уолкотт*, *Эбигейл Уильямс* и *Элизабет Хаббард*.^[69]

Суд над Бриджет Бишоп.

Суд над Бриджет Бишоп, как напечатано в «Чудесах невидимого мира», 2 июня 1692 года. С. 104–114.

1. Она была обвинена в том, что околдовала нескольких человек в окрестностях. Обвинительное заключение было составлено в соответствии с обычной для таких случаев формой, и, поскольку она не признала себя виновной, были приведены несколько человек, которые долгое время испытывали многочисленные страдания, причиненные сверхъестественными силами и обычно приписываемые ужасному колдовству. Не было необходимости доказывать колдовство, поскольку оно было очевидным и известно всем свидетелям. Теперь, чтобы доказать колдовство подсудимой, в первую очередь были использованы показания околдованных, из которых несколько свидетельствовали, что фигура [121] подсудимой часто очень сильно щипала их, душила, кусала и мучила, принуждая их писать свои имена в книгу, которую упомянутый призрак называл «Наша». Одна из них далее свидетельствовала, что именно облик этой заключенной вместе с другим однажды утащил ее от колеса, отнес к реке и угрожал утопить, если она не подпишет упомянутую книгу, но она отказалась. Другие из них также свидетельствовали, что упомянутый облик в своих угрозах хвастался перед ними, что она была причиной смерти нескольких человек, которых она затем назвала. Другой свидетель утверждал, что призраки кричали Бишопу: «Ты убил нас» (). Что касается правдивости этих утверждений, то в данном случае было слишком много подозрений.^[70]

2. Было засвидетельствовано, что во время допроса заключенной перед магистратами заколдованные были подвергнуты крайним пыткам. Если она только бросала на них взгляд, они сразу же падали в обморок, и это происходило таким образом, что в этом деле не могло быть никакого сговора. Но при прикосновении ее руки к ним, когда они лежали в обмороке, они сразу же приходили в себя, и не при прикосновении к ним кого-либо другого. Кроме того, при некоторых особых движениях ее тела, таких как покачивание головой или поворот глаз, они немедленно и мучительно падали в такие же позы. И многие подобные случаи произошли, когда она стояла у судейского стола. Один из свидетелей в

то же время показал, что она сказала, что не может терпеть, видя, как мучаются пострадавшие.[71]

3. Было также представлено свидетельство о том, что когда один человек ударил по месту, где, по словам одержимой, стояла фигура епископа, одержимая закричала, что он порвал ее платье в указанном месте, и платье женщины оказалось порванным именно в этом месте.[72]

4. Одна Деливерэнс Хоббс, которая призналась в том, что она ведьма, теперь мучилась призраками за свое признание. И теперь она свидетельствовала, что этот епископ искушал ее снова подписать книгу и отречься от того, что она признала. Она утверждала, что это был образ этого заключенного, который бил ее железными прутьями, чтобы заставить ее сделать это. И она утверждала, что этот епископ был на общем собрании ведьм в поле в деревне Салем и там участвовал в дьявольском причастии, в хлебе и вине, которые тогда раздавали.[73]

5. Чтобы еще больше убедить в том, что подсудимая действительно виновна в колдовстве, было представлено много доказательств других колдовских деяний, совершенных ею. Например, Джон Кук свидетельствовал, что около пяти или шести лет назад, однажды утром, около восхода солнца, он был в своей комнате, когда на него напала фигура этой заключенной: она посмотрела на него, ухмыльнулась и сильно ударила его по голове; и что в тот же день около полудня тот же образ вошел в комнату, где он находился, и яблоко странным образом вылетело из его руки и упало на колени его матери, находившейся в шести или восьми футах от него.[74]

[122] 6. Сэмюэл Грей свидетельствовал, что около четырнадцати лет назад он проснулся ночью и увидел, что комната, в которой он лежал, была полна света; и что он тогда ясно увидел женщину между колыбелью и кроватью, которая смотрела на него. Он встал, и она исчезла, хотя он обнаружил, что все двери были закрыты. Выглянув в дверь, он снова увидел ту же женщину в том же одеянии и сказал: «Во имя Бога, зачем ты пришла?». Он пошел в постель, и та же женщина снова напала на него. Ребенок в колыбели громко закричал, и женщина исчезла. Ребенка долго не могли успокоить; и хотя он был очень здоровым ребенком, с этого момента он начал чахнуть и через несколько месяцев умер в печальном состоянии. Он не знал епископа и не знал ее имени, но когда он увидел ее после этого, он понял по ее лицу, одежде и всем обстоятельствам, что это было привидение этого епископа, которое так беспокоило его.[75]

7. Джон Бли и его жена свидетельствовали, что он купил свиноматку у Эдварда Бишопа, мужа заключенной, и должен был заплатить оговоренную цену другому лицу. Заключенная, разгневанная тем, что ей помешали получить деньги, поссорилась с Блаем, и вскоре после этого свиноматка начала странно себя вести (), прыгала, скакала и билась головой о забор, казалась слепой и глухой, не ела и не сосала. Тогда соседка сказала, что, по ее мнению, животное было проклято, и ряд других обстоятельств заставил свидетелей поверить, что Бишоп наложила на него заклятие.[76]

8. Ричард Коман свидетельствовал, что восемь лет назад, когда он лежал без сна в своей постели, а в комнате горел свет, его раздражало появление этого епископа и еще двух незнакомых ему людей, которые пришли и угнетали его так, что он не мог ни пошевелиться, ни разбудить кого-либо еще; и что на следующую ночь его снова беспокоили таким же образом; указанный епископ схватил его за горло и почти вытащил из постели. Его родственник предложил по этой причине остаться у него ночевать, и в ту ночь, когда они не спали и беседовали, Коман снова посетили гости, которые раньше

доставляли ему столько беспокойства, а его родственник в то же время лишился дара речи и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он положил свой меч рядом с собой, и эти несчастные призраки очень старались вырвать его у него, но он держал его слишком крепко для них. Тогда он смог позвать людей из своего дома, но, хотя они слышали его, они не могли ни говорить, ни двигаться, пока, наконец, один из них не закричал: «Что случилось?», и все призраки исчезли.[77]

9. Сэмюэл Шэттак свидетельствовал, что в 1680 году эта Бриджит Бишоп часто приходила в его дом по таким несерьезным и глупым делам, что они подозревали, что она приходила с целью причинить вред. Вскоре после этого его старший ребенок, который был таким же здоровым и умным, как и любой другой ребенок его возраста, начал чрезвычайно чахнуть; и чем чаще Бишоп приходила в дом, тем хуже становилось состояние ребенка. Когда ребенок стоял у двери, его бросало и ударяло о камни невидимой рукой, и точно так же его лицо ударялось о стены дома и получало ужасные ушибы. Потом этот епископ приносил ему вещи для окрашивания, для которых он не мог найти никакого применения; и когда она платила ему деньги, кошелек и деньги таинственным образом исчезали из запертого ящика и больше не появлялись. Ребенок сразу же был охвачен ужасными приступами, от которых его друзья думали, что он умрет: действительно, он почти ничего не делал, кроме как плакал и спал, в течение нескольких месяцев подряд; и в конце концов его разум был полностью утрачен. Среди других симптомов заклятия, наложенного на него, был один: в саду была доска, по которой он ходил, и никакие уговоры не могли заставить его сойти с нее. Примерно через семнадцать или восемнадцать лет в дом Шэттоков пришел незнакомец, который, увидев ребенка, сказал: «Этот бедный ребенок заколдован, и у вас есть соседка, живущая неподалеку, которая является ведьмой». Он добавил: «Ваша соседка поссорилась с вашей женой и сказала про себя, что ваша жена — гордая женщина, и она унижит ее гордость с помощью этого ребенка». Тогда он вспомнил, что епископ расстался со своей женой, бормоча и угрожая ей, незадолго до того, как ребенок заболел. Вышеупомянутый незнакомец настоял на том, чтобы отнести заколдованного мальчика с собой в дом епископа под предлогом покупки бутылки сидра. Женщина встретила его с яростью, набросилась на мальчика, поцарапала ему лицо до крови и сказала: «Ах ты, негодяй, что? Ты привел сюда этого парня, чтобы мучить меня? Теперь кажется, что мужчина сказал перед уходом, что он добудет от нее кровь. После этого мальчик страдал от тяжелых приступов, которые врачи обычно приписывали колдовству, и в результате которых он мог быть брошен в огонь или воду, если за ним не следили постоянно; и все искренне верили, что Бишоп был причиной этого.[78]

10. Джон Лаудер свидетельствовал, что после небольшой ссоры с Бишоп из-за ее кур, он хорошо уснул, но ночью проснулся при свете луны и ясно увидел, как эта женщина жестоко его угнетала. В этом ужасном состоянии она держала его, не давая ему возможности помочь себе, почти до утра. Он рассказал об этом Бишоп, но она все отрицала и сильно угрожала ему. Вскоре после этого, находясь дома в день Господень, с закрытыми дверями, он увидел, как к нему приближается черная свинья; когда он попытался ее пнуть, она исчезла. Сразу после того, как он сел, он увидел, как черная штука впрыгнула в окно, подошла и остановилась перед ним. Тело было похоже на тело обезьяны, ноги — на ноги петуха, но лицо — очень похоже на человеческое. Он был настолько напуган, что не мог говорить; это чудовище заговорило с ним и сказала: «Я посланник [124], посланный к тебе, ибо я понимаю, что ты испытываешь душевные муки, и если ты будешь подчиняться мне, тебе не будет недостатка ни в чем в этом мире». Тогда он попытался хлопнуть его по рукам, но не почувствовал никакой материи, и оно снова выпрыгнуло из окна; но сразу же вошло через крыльцо, хотя двери были закрыты, и сказала: «Тебе лучше последовать моему

совету!». Тогда он ударил его палкой, но ударил только по землянке и сломал палку. Рука, которой он ударил, сразу же оказалась неспособной к действию, и он исчез. Он сразу же вышел через заднюю дверь и увидел эту *епископшу* в ее саду, идущую к своему дому, но он не имел силы сделать ни одного шага к ней. Вернувшись в дом, он сразу же был остановлен тем же монстром, которого видел раньше; этот гоблин теперь собирался наброситься на него, и он закричал: «*Пусть вся броня Божья будет между мной и тобой!*» Тогда монстр отскочил назад и перелетел через яблоню, сбивая при этом много яблок. При прыжке оно бросило грязью из своих ног в живот мужчины, от чего тот онемел и пробыл в таком состоянии три дня подряд. При представлении этого свидетельства *Бишоп* отрицала, что знает этого свидетеля. Однако их два сада соединялись, и в течение нескольких лет они часто ссорились.[79]

11. *Уильям Стейси* свидетельствовал, что, получив деньги от этого *епископа* за проделанную им работу, он отошел от нее всего на три рода и, ища свои деньги, обнаружил, что они непонятно каким образом исчезли. Некоторое время спустя *епископ* спросил его, не мог бы его отец помолоть для нее зерно. Он спросил, зачем, и она ответила, что люди считают ее ведьмой. Он ответил, что, без сомнения, поможет ей, но когда он отошел от нее на расстояние около шести родов с небольшим грузом в своей телеге, внезапно заднее колесо провалилось и погрузилось в яму на ровной земле, так что свидетель был вынужден обратиться за помощью, чтобы вытащить колесо. Но когда он вернулся, чтобы посмотреть, где же яма, которая могла стать причиной этой беды, он не нашел ничего. Через некоторое время он проснулся ночью, но казалось, что было светло, как днем, и он ясно видел фигуру этой *епископши*, беспокоящей его в комнате, но когда она вышла, все снова погрузилось в темноту. Позже он обвинил *епископшу* в этом, и она не отрицала этого, но была очень рассержена. Вскоре после этого, когда этот свидетель, угрожаемый *епископом*, шел в темную ночь к сараю, его внезапно подняли с земли и бросили на каменную стену; после этого его снова подняли и бросили с насыпи в конце его дома. После этого, снова проходя мимо этого *епископа*, его лошадь с небольшим грузом, пытаясь тянуть, разбила все его снаряжение, и телега упала; и этот свидетель, пытаясь поднять мешок с зерном, весом около двух бушелей, не смог сдвинуть его со всей своей силой.[80]

[125] Этот свидетель был готов подтвердить многие другие проделки этого *епископа*. Он также свидетельствовал, что искренне верил, что упомянутый *епископ* был дьявольским инструментом смерти его дочери *Присциллы*; в отношении этого подозрения были приведены веские доводы.

12. В довершение ко всему *Джон Блай* и *Уильям Блай* свидетельствовали, что, будучи нанятыми *Бриджет Бишоп* для помощи в сносе стены подвала старого дома, в котором она ранее жила, они нашли в отверстиях упомянутой старой стены несколько кукол, сделанных из лохмотьев и свиной щетины, с втыканными в них булавками без головок, острыми концами наружу. О чем она теперь не могла дать суду никакого разумного или приемлемого объяснения.[81]

13. Одним из обстоятельств, свидетельствовавших против подсудимой, было то, что она была явно уличена в грубой лжи в суде несколько раз, когда она выдвигала свои доводы. Но помимо этого, жюри из женщин обнаружило на ее теле сверхъестественное пятно, но при повторном осмотре через три или четыре часа ничего подобного не было видно. Были также сообщения о других людях, которых эта женщина подвергла воздействию. И их могло быть гораздо больше, если бы их разыскали. Но в этом не было необходимости.[82]

14. Был еще один очень странный случай, который недавно развлекал суд. Когда эта женщина, находясь под стражей, проходила мимо большого и просторного дома собраний в Салеме (), она бросила взгляд на этот дом, и сразу же невидимый демон, проникнув в дом собраний, разрушил его часть, так что, хотя там не было никого, люди, прибежавшие на шум, обнаружили, что доска, которая была прочно прикреплена несколькими гвоздями, переместилась в другую часть дома.[83]

СНОСКИ:

[67] Зарегистрировано четыре обвинительных заключения. Свидетели первого соответствуют записям. Свидетели второго отличаются отсутствием «Джона Блайга и его жены Ребекки; Сэмюэлла Шэттука и его жены Сары; Уильяма Блайга, Уильяма Стейси; Джона Ладера».

[68] Они соответствуют оригиналу, за некоторыми незначительными различиями в орфографии; то же самое касается свидетелей по четвертому обвинительному акту.

[69] Можно заметить, что в большинстве дел фигурирует практически один и тот же набор свидетелей, и удивительно, что такие *стереотипные* показания так долго вводили в заблуждение судей.

[70] Ответы Бриджит во время допроса были здравыми и отличались такой честной простотой, что удивительно, как судьи не смогли отличить самые детские нелепости от правды. Похоже, у нее был муж по имени Оливер, поэтому ее часто называют Бриджит Бишоп, она же Оливер. Во время допроса пострадавшие, по-видимому, подвергались чрезмерным пыткам. Один «Сэм Голд» позже спросил ее, не беспокоит ли ее то, что их так мучают. Он сообщил, что ее ответ был: «Нет, я не беспокоюсь за них». Это было расценено как весомое доказательство против нее.

[71] Среди всех жестких клятв, клятва «Сьюз Шелдон» была, пожалуй, равна любой другой. Ей было около 18 лет. Однажды, 2 июня 1692 года, она увидела «призрака» Бриджит Бишоп, и сразу же подошли два маленьких ребенка, близнецы, которые сказали ей (Бриджит) в лицо, что она убила их, вызвав у них приступы, от которых они умерли. Один Джон Кук, 18 лет, клялся, что яблоко выскочило из его руки. Джон *Блай* и его жена свидетельствовали о том, что их свиноматка была заколдована, и они «считали, что Бишоп заколдовала эту свиноматку». Элизабет Балч из Беверли, возраст около 38 лет, жена Бенджамина Б. Джу^(p), «находясь в Салеме в тот самый день, когда был похоронен капитан Джордж Корвин, и вечером того же дня возвращаясь из Салема в Бьюерли верхом на лошади со своей сестрой, тогда известной под именем Абигайль Вудбери, а ныне Абигайль Уолдрон, проживающей в Венхэме, женой Натаниэля Уолдрона, ехала позади нее». Берли, верхом на лошади, со своей сестрой, известной тогда под именем Эбигейл Вудбери, а ныне Эбигейл Уолдроун, проживающей в Венхэме, женой Натаниэля Уолдроуна, ехавшей позади нее; и доехав до места под названием Крейн-Ривер-Коммон, нас догнали (верхом на лошадях) Эдвард Бишоп и его жена, которые в настоящее время находятся в тюрьме по подозрению в колдовстве». Бриджит жаловалась на своего мужа за то, что он въехал в воду и ехал слишком быстро. После чего между ними возникла ссора, и они обменялись резкими словами. «И тогда с. Бишоп обратился к нам, когда мы ехали мимо, и сказал, что она была плохой женой для него с самого начала их брака, и перечислил многие из ее проступков по отношению к нему; но в последнее время она стала еще хуже, чем раньше (и что дьявол воплотился в ее теле, и что она была знакома с дьяволом, и что она сидела всю ночь напролет с ним^e дьяволом) или что-то в этом роде. Жена епископа почти не отвечала». — *Records S. W.*, i, 167-8.

[72] «Сьюз. Шелдон» в дополнительном свидетельстве сказала, что «на четвертый день, ночью, пришли Гууди Олливер, миссис Инглиш, Гудман Кори и чернокожий мужчина в высокой шляпе с книгами в руках. Гууди Олливер предложила мне прикоснуться к ее книге. Я не стала; она сказала мне, что была ведьмой двадцать лет. Затем появилась полосатая змея, ползущая по ее плечу и забирающаяся ей на грудь. У миссис Инглиш на груди сидела желтая птица, а у Гудмана Кори на пальто висели две черепахи, он распахнул грудь, прижал черепах к груди и стал их кормить. Затем Гудман Кори и Гудди Оливер преклонили колени перед чернокожим мужчиной и стали молиться. Черный человек сказал мне, что миссис Оливер была ведьмой двадцать с половиной лет. Затем они все начали кусать меня и ушли. Миссис Кори сказала мне, что она жила в тюрьме Бостона. Затем она обнажила грудь, и черный человек дал ей существо, похожее на черного поросенка. На нем не было шерсти. Она приложила его к груди и стала кормить. Гудди Оливер сказала мне, что убила четырех женщин. Две из них были женами Фостеров и женой Джона Траскеса, а других она не назвала. Затем все они укусили меня». — *Записи S. W. ii*, 169-170. Далее следует «смертный приговор» Бриджит Бишоп, датированный в Бостоне 8 июня 1692 года и подписанный лейтенант-губернатором Стоутоном.

[73] Ее показания, как они записаны, можно прочитать в вышеупомянутых записях, *i*, 148-9. Это набор противоречивых глупостей, и если на них вообще можно полагаться, то это не вызывает удивления, учитывая то, что было до этого.

[74] Джон Кук был молодым человеком около 18 лет. Следует помнить, что эти свидетельства являются версией доктора Мазера. Он опустил самый важный пункт в показаниях Кука. Тот поклялся, что после того, как миссис Бишоп ударила его по голове, он видел, как она вылезла из окна через небольшую щель, в которую можно было просунуть руку. См. *записи S. W. i*, 165.

[75] Грей указал свой возраст как около 42 лет. Его показания приведены выше довольно полно и достоверно. См. *записи, там же*, 152-3. Он упоминается в *словаре Сэвиджа*, *ii*, 299.

[76] Это показание было дано 2 июня 1692 года. В тот же день были даны и другие показания семьи Блай. Джон Блай-старший, возраст около 57 лет, и Уильям Блай, возраст около 15 лет. Они дали показания о находке *Поппиттса*, как указано в томе *i*, стр. 173-4.

[77] Коман указал свой возраст около 32 лет. Его история о кошмарах здесь значительно сокращена. Любопытный читатель должен обратиться к записям, *опубликованным* Вудвордом, том *I*, 163-4.

[78] Показания Шаттука занимают три с половиной страницы квартового формата г-на Вудворда. Ему было 41 год. Часть его истории напоминает историю человека, который появился среди своих друзей с ужасно побитым лицом. На вопрос, как это произошло, он ответил, что камни на дороге подлетели и ударили его, когда он шел. Бедный Шаттук, несомненно, был травмирован таким же образом.

[79] Джон Лаудер указал свой возраст «около тридцати двух лет». Он сказал, что жил с мистером Джоном Гедни в Салеме около семи или восьми лет назад. Он, без сомнения, страдал от тех же факторов, что и Сэмюэл Шэттак, и видел столько же, если не больше. Черная свинья, казалось, была решительно настроена составить ему компанию, но были и другие вещи, столь же неописуемые. См. *Записи, i*, 160-1.

[80] *Стейси* был из Салема, ему было тридцать шесть лет или около того. Он возвращается на четырнадцать лет назад, когда произошла денежная сделка. Таким образом, версия

доктора Мазера о том, что это произошло только что, не является справедливой. Стейси часто попадал в такое же положение, как Шэттак и Лаудер, только каменные заборы, пни и другие странные предметы били его так, что, если это удивляло магистратов, то, вероятно, не удивляло никого, кто был с ним лучше знаком. См. «Чудеса», т. I, 172.

[81] На это свидетельство ссылались в предыдущем примечании.

[82] Во время долгого и утомительного допроса не было ничего сложного в том, чтобы сбить с толку и запутать людей с более крепкими нервами, чем пожилая матрона, и таким образом заставить их противоречить самим себе, не зная, что сказать, и едва понимая, что им говорят. Что касается жюри из женщин, которые обыскивали ее, читатель может ознакомиться с протоколами, если его терпение равно его любопытству.

[83] Было бы гораздо более удовлетворительно, если бы вопрос о демоне был хорошо подтвержден. Если шум и перемещение *доски* — это все доказательства, которые можно привести в подтверждение того, что там действовал дьявол, то вряд ли можно сказать, что это имеет большое значение. Кроме того, если бы дьявол питал какую-либо злобу к молельне, он мог бы легко поджечь ее. Его вражда к молельням общепризнанна.

Обвинение Сюзанны Мартин.

Обвинение Сюзанны Мартин.

Эссекс сс.

Anno Regni Regis & Reginae Willielmi & Mariæ, nunc Angliæ, &c. quarto.—

Присяжные нашего суверенного господина и госпожи, короля и королевы, заявляют, что *Сюзанна Мартин* из *Эмсбери* в графстве *Эссекс*, вдова, второго дня мая, в четвертый год правления нашего суверенного господина и госпожи *Уильяма* и *Мари*, по милости Божьей, короля и королевы *Англии*, *Шотландии*, *Франции* и *Ирландии*, защитников веры и т. д. И в другие дни и времена, как до, так и после, злобно и преступно использовала, практиковала и применяла определенные отвратительные искусства, называемые колдовством и чародейством, в городке *Сейлем*, в вышеупомянутом графстве *Эссекс*, в отношении, на и против одной *Мэри Уолкотт* из *Сейлем-Виллидж*, в графстве *Эссекс*, незамужней женщины, посредством которых указанная *Мэри Уолкотт* второго дня [126] мая четвертого года вышеупомянутого, а также в другие дни и времена, как до, так и после, была и является подвергнутой пыткам, страданиям, мучениям, истощению, изнурению и мучениям; а также за различные другие акты колдовства, совершенные упомянутой *Сюзанной Мартин* до и после того времени, против мира наших суверенов, *Уильяма* и *Мэри*, короля и королевы *Англии*, их короны и достоинства, а также против формы статута, принятого и предусмотренного в данном случае.

Возвращено большим жюри, *Билла Вера*.

Свидетели — *Сара Виббер*, *Мэри Уолкотт*, мистер *Сэмюэл Пэррис*, *Элизабет Хаббард*, *Мерси Льюис*.

Второе обвинение[84] было за причинение страданий *Мерси Льюис*. Свидетели — *Сэмюэл Пэррис*, *Энн Путнэм*, *Сара Виббер*, *Элизабет Хаббард*, *Мэри Уолкотт*, *Мерси Льюис*.

Суд над Сюзанной Мартин.

Суд над *Сюзанной Мартин*, 29 июня 1692 года. Как напечатано в «*Чудесах невидимого мира*», со стр. 114 по стр. 116.

1. *СУЗАННА Мартин*, не признавая себя виновной по обвинению в колдовстве, выдвинутому против нее, были представлены свидетельства многих людей, которые были очень сильно и тяжело околдованы; все они жаловались на подсудимую, как на человека, которого они считали причиной своих страданий. И теперь, как и в других судебных процессах, были предприняты чрезвычайные попытки с помощью колдовства, с жестокими и частыми приступами, помешать бедным страдальцам подать свои жалобы; суд был вынужден с большим терпением ждать и наблюдать за этим.

Теперь также был дан отчет о том, что произошло во время ее первого допроса перед магистратами. Ее взгляд тогда сражал пострадавших людей на землю, независимо от того, видели они этот взгляд или нет. Среди прочего между магистратами и допрашиваемыми произошло следующее.

Магистрат. Прошу вас, что беспокоит этих людей?

Мартин. Я не знаю.

Магистрат. Но как вы думаете, что с ними?

Мартин. Я не хочу высказывать свое мнение по этому поводу.

Магистрат. Вы не думаете, что они заколдованы?

Мартин. Нет, я так не думаю.

Магистр. Тогда расскажите нам, что вы о них думаете.

Мартин. Нет, мои мысли принадлежат мне, когда они во мне, но когда они выходят наружу, они принадлежат другим. Их хозяин...

Магистр. Их хозяин; кто, по-вашему, их хозяин?

Мартин. Если они занимаются черной магией, вы знаете не хуже меня.

[127] *Магистр*. Ну, а что вы сделали по этому поводу?

Мартин. Совсем ничего.

Магистр. Но это же вы или ваше появление.

Мартин. Я ничего не могу с этим поделать.

Магистр. Разве это не ваш господин? Как ваше появление может навредить им?

Мартин. Откуда мне знать? Тот, кто явился в образе *Самуила*, прославленного святого, может явиться в образе любого.

Тогда же было замечено, что, как и в случае с другими подобными ей, если страдающие приближались к ней, они падали на землю. И когда ее спросили о причине этого, она ответила: «Я не знаю, возможно, дьявол питает ко мне больше злобы, чем к другим».

Суд счел себя встревоженным этими событиями и решил более тщательно расследовать поведение заключенной, чтобы выяснить, что могло произойти, чтобы сделать эти обвинения более правдоподобными. На что *Джон Аллен* из *Солсбери* свидетельствовал, что, когда он отказался перевозить несколько шестов по просьбе этой *Мартин* из-за слабости своих волов, она была недовольна этим и сказала, что было бы лучше, если бы он это сделал, потому что его волы больше не смогут ему служить. На что этот свидетель сказал: «Ты угрожаешь мне, старая ведьма? Я брошу тебя в ручей», — и чтобы избежать этого, она перелетела через мост и сбежала. Но когда он возвращался домой, один из его волов устал, и он был вынужден отпрягать его, чтобы довести до дома. Затем он оставил своих волов вместе с многими другими на *пляже Солсбери*, где скот обычно пасся. Через несколько дней по следам было обнаружено, что все волы с *пляжа* убежали к устью *реки Мерримак* и не вернулись, но на следующий день их нашли на берегу *острова Плам*. Те, кто их искал, проявляли всю возможную мягкость, но они все равно убегали с яростью, которая казалась совершенно дьявольской, пока не подошли к устью *реки Мерримак*, где бросились прямо в море и уплыли так далеко, как только можно было видеть. Один из них затем вернулся назад, с поразительной для наблюдателей быстротой, которые стояли готовые принять их и помочь его уставшему телу, но зверь яростно побежал на остров, а оттуда через болота в город *Ньюбери*, а затем в лес на холме *Эппл-Хилл* (); и там через некоторое время его нашли недалеко от *Эймсбери (Amesbury)*. Так что из четырнадцати хороших быков спасся только этот, а остальные были выброшены на берег, некоторые в одном месте, а некоторые в другом, утонув.[85]

Вышеизложенное является лишь небольшой частью допроса, как видно из записей. См. «Чудеса невидимого мира», т. I, стр. 175.

4. *Джон Аткинсон* свидетельствовал, что он обменял корову с сыном *Сюзанны Мартинс*, на что она пробормотала и не хотела, чтобы он ее брал. Когда он пошел забирать эту корову, хотя он перерезал ей сухожилия и надел на нее поводок, она из ручного животного стала настолько бешеной, что ее едва смогли увести. Она порвала все веревки, которыми была привязана, и хотя ее крепко привязали [128] к дереву, она все же сбежала и доставила им столько хлопот, что они не могли объяснить это ничем иным, как колдовством.[86]

5. *Бернард Пич* свидетельствовал, что, лежа в постели в воскресенье вечером, он услышал шуршание у окна, после чего увидел, как *Сюзанна Мартин* вошла и прыгнула на пол. Она схватила ноги этого свидетеля, подтянула его тело к себе и лежала на нем почти два часа; все это время он не мог ни говорить, ни шевелиться. Наконец, когда он смог начать двигаться, он схватил ее руку, поднес ее ко рту и укусил три ее пальца, как он считал, до кости. После чего она убежала из комнаты вниз по лестнице и выбежала за дверь. Свидетель позвал людей, находившихся в доме, чтобы рассказать им о том, что произошло, а сам последовал за ней. Люди ее не видели, но слева от двери стояло ведро, на котором была капля крови, а на свежеснеженном снегу было еще несколько капель крови. Также были отпечатки ее двух ног прямо за порогом, но дальше никаких следов не было.[87]

В другой раз заключенная попросила этого свидетеля прийти к ней домой на обмолот кукурузы и сказала, что если он не придет, то ему будет хуже! Он не пошел, но на следующую ночь, как он полагал, *Сюзанна Мартин* и еще одна женщина подошли к нему. Одна из них сказала: «Вот он!», но он, имея при себе дубинку, нанес им удар. Удар разбил крышу сарая, но он последовал за ними к окну, нанес им еще один удар и сбил их с ног; однако они поднялись, выбрались наружу, и он больше их не видел.

Примерно в это время по городу пошел слух, что *Мартину* разбили голову, но свидетель ничего не мог сказать по этому поводу.

Упомянутый *Пич* также свидетельствовал о том, что *Мартин*, из-за своего недовольства, заколдовал скот до смерти.

6. *Роберт Даунер* свидетельствовал, что несколько лет назад, когда эта заключенная была привлечена к суду за колдовство, он сказал ей, что верит в то, что она ведьма. Она была недовольна этим и сказала, что какой-то дьявол скоро заберет его; эти слова слышали и другие, и он сам; на следующую ночь, когда он лежал в постели, в окно влетело нечто, похожее на кошку, которое набросилось на него, крепко схватило за горло, долго лежало на нем и почти убило его; наконец он вспомнил, чем угрожала ему накануне *Сюзанна Мартин*, и, приложив все силы, закричал: «Уйди, дьявол, во имя Бога Отца, Сына и Святого Духа, уйди!» Тогда оно отпустило его, прыгнуло на пол и вылетело в окно.

Также поступило несколько свидетельств о том, что еще до того, как *Даунер* рассказал об этом происшествии, *Сюзанна Мартин* и ее семья рассказали, как обошлись с этим *Даунером*.^[88]

[129] 7. *Джон Кембал* свидетельствовал, что *Сюзанна Мартин*, испытывая беспричинное отвращение, угрожала ему, что одна из его коров больше никогда не принесет ему пользы, и так и произошло: вскоре корова была найдена мертвой на сухой земле, без каких-либо видимых признаков болезни. После этого он потерял еще голов скота. В результате он потерял за одну весну скот на сумму 30 фунтов. Но упомянутый *Джон Кембал* дал еще одно свидетельство против подсудимого, которое было поистине замечательным. Желая обзавестись собакой, он обратился к *Мартину* с просьбой купить у него собаку, у которого в доме была сука с щенками, но тот не дал ему выбрать. Тогда он сказал, что обзаведется собакой у *Блезелса*. Увидев щенка, который ему понравился у *Блезелса*, он встретил *Джорджа Мартина*, мужа подсудимой, который проходил мимо и спросил, не хочет ли он одного из щенков его жены, на что он ответил: «Нет». В тот же день *Эдмунд Элиот* ^[89], находясь в доме *Мартина*, услышал, как *Джордж Мартин* рассказывал, где был этот *Кембал* и что он сказал, на что *Сюзанна Мартин* ответила: «Если я останусь жива, я дам ему достаточно щенков». Через несколько дней после этого, когда *Кембал* выходил из леса, на северо-западе появилось небольшое черное облако, и *Кембал* сразу почувствовал на себе силу, которая не давала ему возможности избежать столкновения с пнями деревьев, которые были перед ним, хотя перед ним была широкая ровная дорога; но, несмотря на то, что у него на плече висел топор, который мог подвергнуть его опасности при падении, он не мог удержаться от того, чтобы не свернуть с дороги и не перевалиться через них. Когда он подошел к дому собраний, ему явилось маленькое существо, похожее на щенка темного цвета, которое мелькало между его ног. Он набрался мужества и попытался срубить его топором, но не смог попасть; щенок отскочил от него и, как ему показалось, ушел под землю. Пройдя немного дальше, он увидел черного щенка, немного большего, чем первый, но черного, как уголь. Его движения были быстрее, чем движения его топора. Он бросился на его живот, потом на горло, то над плечами в одну сторону, то над плечами в другую, и его сердце начало замирать, и он подумал, что собака разорвет ему горло. Но он пришел в себя и в своем отчаянии воззвал к Богу, и, произнеся имя Иисуса Христа, собака сразу исчезла. Депонирующий не сказал ни слова об этих происшествиях, боясь напугать свою жену. Но на следующее утро, когда *Эдмунд Элиот* зашел в дом *Мартина*, эта женщина спросила его, где *Кембал*. Он ответил, что, насколько он знает, дома, в постели. Она ответила, что, по

слухам, он испугался прошлой ночью. *Элиот* спросил: «Чем?» Она ответила: «Щенками». *Элиот* спросил, откуда она это слышала, потому что он ничего об этом не знал! Она ответила: «В городе». Хотя *Кембал* никому об этом не говорил.[90]

[130] 8. *Уильям Браун* свидетельствовал, что Небеса благословили его самой благочестивой и благоразумной женой, и однажды эта жена встретила *Сюзанну Мартин*, но когда она подошла к ней, *Мартин* исчезла из виду, оставив ее в крайнем испуге. После этого *Мартин* часто появлялась перед ней, доставляя ей немало хлопот; и когда она приходила, к ней прилетали птицы, которые сильно клевали и колюли ее; а иногда на ее горле появлялся комок, похожий на куриное яйцо, готовый задушить ее, пока она не кричала: «*Ведьма, ты не задушишь меня!*». Пока эта добрая женщина находилась в таком крайнем положении, церковь назначила день молитвы за нее, после чего беспокойство прекратилось; она не видела *Мартина*, как раньше, и церковь вместо поста возблагодарила за ее избавление. Но спустя значительное время, когда ее вызвали в суд для дачи показаний против этого *Мартина*, он быстро подошел к ней сзади, пока она доила корову, и сказал ей: «*За то, что ты опозорила меня в суде, я сделаю тебя самым несчастным существом в мире*». Вскоре после этого она впала в странную болезнь, стала ужасно неистовой и неспособной к каким-либо разумным действиям, врачи заявили, что ее болезнь была сверхъестественной и что какой-то дьявол, несомненно, околдовал ее; и в таком состоянии она и осталась.[91]

9. *Сара Аткинсон* свидетельствовала, что *Сюзанна Мартин* приехала из *Эмсбери* в их дом в *Ньюбери* в необычное время года, когда никому не следовало путешествовать. Она проделала весь этот долгий путь пешком (как она сказала *Аткинсон*). Она хвасталась и показывала, как она высохла, и не было видно, чтобы даже подошвы ее туфель были мокрыми. *Аткинсон* была удивлена этим и заявила, что она сама была бы мокрой до колен, если бы проделала такой путь, но *Мартин* ответила, что она презирает быть мокрой! Было отмечено, что это свидетельство на ее суде привело ее в очень странное замешательство.[92]

10. *Джон Пресси* свидетельствовал, что однажды вечером он был совершенно необъяснимо ошеломлен возле поля *Мартина* и несколько раз, как будто под действием чар, возвращался к месту, которое покинул, и наконец увидел чудесный свет, размером примерно с полбушеля, примерно в двух родах от дороги. Он подошел и ударил по нему палкой, приложив всю свою силу. Он нанес около сорока ударов и почувствовал, что это осязаемая субстанция. Но, отходя от него, его ударило по пяткам, и он упал спиной на землю, скользя, как ему показалось, в яму, из которой он выбрался, ухватившись за куст, хотя впоследствии он не смог найти такой ямы в этом месте. Пройдя после этого пять или шесть рудов, он увидел *Сюзанну Мартин*, стоящую слева от него, как и свет ранее, но они не обменялись ни словом. Он едва смог найти свой дом по возвращении, но в конце концов добрался домой, крайне напуганный. На следующий день после расспросов выяснилось, что *Мартин* находилась в ужасном состоянии из-за болей и ран, которые были на ней.

Далее этот свидетель показал, что после того, как он много лет назад дал показания против *Сюзанны Мартин*, она обрушилась на него с ругательствами и сказала, что он никогда не будет процветать, а точнее, что у него никогда не будет больше двух коров: что даже если у него и будет возможность иметь больше, он все равно их не получит. И с того самого дня и до сих пор, а именно в течение двадцати лет подряд, он никогда не мог превысить это количество, но какие-то странные обстоятельства все еще мешали ему иметь больше.[93]

11. *Джарвис Ринг* свидетельствовал, что около семи лет назад он часто подвергался тяжелым притеснениям в ночное время (), но не видел, кто его беспокоил, пока наконец, лежа в полном бодрствовании, он ясно не увидел, как к нему приближается *Сюзанна Мартин*. Она подошла к нему и сильно укусила его за палец, так что след от укуса до сих пор, спустя столько времени, виден на его теле.

12. Но помимо всех этих доказательств, в этом случае было представлено самое удивительное свидетельство одного *Джозефа Ринга*. Этот человек почти два года подряд странным образом перемещался *демонами* от одного сборища ведьм к другому, и в течение четверти этого времени они сделали его немым и держали в таком состоянии, хотя сейчас он снова может говорить. Был один Т. Х. ([94]), который, как полагают, имел намерение вовлечь этого *Джозефа Ринга* в ловушку дьявольства и придумал, как бы заставить *Ринга* задолжать ему два шиллинга. После этого бедный человек стал видеть неизвестные образы, среди которых иногда появлялся и Т. Х., которые уносили его с собой в неизвестные места, где он видел собрания, пиры, танцы; и после возвращения, когда его уносили по воздуху, он демонстрировал соседям, что его действительно уносили. Когда его приводили на эти адские собрания, одним из первых действий, которые они с ним совершали, было ударить его по спине, после чего он чувствовал себя как бы скованным цепями, неспособным выйти из этого места, пока они не освобождали его. Он рассказывал, что к нему часто приходил человек, который давал ему книгу, на которой он должен был поставить свою подпись, обещая ему, что тогда он получит все, что захочет, и даря ему все восхитительные вещи, людей и места, которые он мог себе представить. Но он отказывался подписать, и дело заканчивалось ужасными образами, шумом и криками, которые почти лишали его рассудка. Однажды вместе с книгой ему предложили перо и чернильницу с жидкостью, похожей на кровь, но он никогда не прикасался к ней.[95]

Этот человек теперь утверждал, что видел заключенного на нескольких из этих адских свиданий.

[132] Примечание — эта женщина была одним из самых наглых, оскорбительных и злых существ в мире, и на протяжении всего судебного разбирательства она показала себя именно такой. Однако, когда ее спросили, что она может сказать в свою защиту, ее главным оправданием было то, что она вела самые добродетельную и святую жизнь.

СНОСКИ:

[84] Это второе обвинение приводится в полном объеме в протоколах, см. «*Протоколы салемского процесса над ведьмами*», т. I, 195-6.

[85] Лейтенант Джон Аллен был из Солсбери; ему было 45 лет. Обвиняемая доставляла ему неприятности в какой-то период в прошлом, но он не указал, когда именно.

[86] Свидетель Джон Аткинсон был примерно 56 лет. Его показания касались событий примерно пятилетней давности. См. «*Чудеса невидимого мира*», т. I, стр. 178.

[87] Показания Пича касались проблем, возникших около десяти лет назад. Он сказал, что ему около 42 лет, и в то время, когда произошло обвинение в колдовстве, он жил с Уильямом Осгудом из Солсбери.

[88] Даунеру было 52 года, и он был из Солсбери. Он дал показания под присягой о событиях, которые произошли «несколько лет назад».

[89] Три человека по имени *Эллиот* были вовлечены в судебные разбирательства по делу о колдовстве — Эндрю, Дэниел и этот Эдмунд, который был из Эмсбери. Бостонские *Эллиоты* были из этого рода.

[90] Джон Кимбалл был из Эмсбери и был «в возрасте 45 лет или старше». Он давал показания о событиях, произошедших двадцать три года назад; что примерно в то время он переехал из Ньюбери в Эмсбери, купив участок земли у Джорджа Мартина. Показания Кимболла занимают три с половиной страницы *записей*, i, 218-21. Вероятно, он женился на Мэри Хоббс в Ньюбери.

[91] Это свидетельство было дано Уильямом Брауном из Эймсбери, которому было 70 лет или «около того». Он поклялся, что то, о чем он свидетельствовал, произошло «около тридцати лет назад». Проблема, по-видимому, была между миссис Мартин и женой Брауна, которая страдала истерическими приступами, в результате чего она сошла с ума. Он обратился к докторам Фуллеру и Кросби, но они сказали, что ее недомогание было сверхъестественным и что какой-то злой человек наложил на нее проклятие. В таком состоянии она не признавала его своим мужем и «спросила его, не встречался ли он с неким мистером Бентом из Эйби в Англии, от которого он развелся». — *Записи S. W.*, i, 206-8.

[92] Сара Аткинсон, вероятно, была женой Джона Аткинсона, упомянутого в примечании 86. «Странная путаница», по-видимому, была без оснований добавлена доктором Матером. Ее нет в записях. Ее возраст указан как 48 лет или около того.

[93] Джон Пресси, 53 года, и «его жена Мара, 46 лет или около того». Из этих показаний следует, но Матер не упоминает, что примерно 20 лет назад этот Джон Пресси и его жена давали показания против миссис Мартин, а она обвинила их в лжесвидетельстве. Таково было происхождение большей части показаний.

[94] Томас Харди из Грейт-Айленда, Паскатекуэй. Почему Мэзер скрывает его имя, за исключением инициалов, неизвестно.

[95] Дело Джарвиса Ринга могло быть ничем иным, как кошмаром. Джозеф Ринг, брат Джарвиса, был 27 лет. Они принадлежали к Солсбери. Его показания очень хорошо сопоставляются с показаниями девушек и других злоумышленников, упомянутых выше. Показания обвинителей из Эймсбери были взяты перед «Робертом Пайком, помощником».

Обвинительное заключение Элизабет Хоу.

Обвинительное заключение *Элизабет Хоу*.

Эссекс сс.

Anno Regni Regis & Reginae Williemi & Mariae, nunc Angliæ, &c. quarto.—

Присяжные нашего суверенного господина и госпожи, короля и королевы, присутствующие, что *Элизабет Хоу*, жена *Джеймса Хоу* из *Ипсвича*, тридцать первого дня мая, в четвертый год правления нашего суверенного господина и госпожи, *Уильяма и Марии*, по милости Божьей, короля и королевы *Англии, Шотландии, Франции и Ирландии*, защитников веры, &c. и в другие дни и времена, как до, так и после, злобно и преступно использовала, практиковала и

применяла в городке *Салем*, в вышеупомянутом графстве *Эссекс*, в отношении, на и против одной *Мэри Уолкотт* из деревни *Салем* в вышеупомянутом графстве, незамужней женщины, в результате чего указанная *Мэри Уолкотт* в указанный тридцать первый день мая четвертого года, как указано выше, а также в другие дни и времена, как до, так и после этого, была и является подвергнутой пыткам, страданиям, мучениям, истощению, изнурению и мучениям; а также за различные другие акты колдовства, совершенные указанной *Элизабет Хоу* совершенных до и после того времени, против мира нашего суверенного господина и госпожи, короля и королевы, и против формы статуи, в том случае сделанной и предоставленной.

Свидетели — *Мэри Уолкотт*, *Энн Путнэм*, *Эбигейл Уильямс*, *Сэмюэл Перли* и его жена *Рут*, *Джозеф Эндрюс* и его жена *Сара*, *Джон Шеррин*, *Джозеф Саффорд*, *Фрэнсис Лейн*, *Лидия Фостер*, *Исаак Камминс-младший*.

Было также второе обвинение в причинении страданий *Мерси Льюис*.

Свидетели — *Мерси Льюис*, *Мэри Уолкотт*, *Эбигейл Уильямс*, *Энн Путнэм*, *Сэмюэл Перли* и его жена, *Джозеф Эндрюс* и его жена, *Джон Шеррин*, *Джозеф Саффорд*, *Фрэнсис Лейн*, *Лидия Фостер*.

Суд над *Элизабет Хоу*.

[133] Суд над *Элизабет Хоу*, [96] 30 июня 1692 г. Как напечатано в «*Чудесах невидимого мира*», со стр. 126 по стр. 132 включительно.

1. *ЭЛИЗАБЕТ*, признав себя невиновной по обвинению в колдовстве, предъявленному ей, суд, в соответствии с обычной практикой судов *Англии* в таких случаях, начал с заслушивания показаний нескольких пострадавших людей, которые были жестоко мучимы ощутимым и очевидным колдовством (), и все они жаловались на заключенную как на причину своих бедствий. Было также установлено, что пострадавшие не могли выносить ее взгляда, а также, что в состоянии глубокого обморока они различали ее прикосновения от прикосновений других людей, что выводило их из этого состояния.

Были и другие свидетельства людей, которым эта ведьма доставляла неприятности девять или десять лет назад. [97]

2. Очень часто зачарованные люди в то же время, когда призраки, представляющие ведьм, беспокоили их, видели привидения, которые притворялись убитыми этими ведьмами. И иногда ведьмы в своих признаниях впоследствии признавали те самые убийства, в которых их обвиняли эти привидения, хотя они никогда не слышали, какую информацию предоставили пострадавшие.

Некоторые из нынешних жертв свидетельствовали о таких призраках, и призраки утверждали, что эта *Хоу* убила их: эти вещи вызывали страх, но не были доказаны. [98]

3. Эта *Хоу* несколько лет назад пыталась присоединиться к церкви в *Ипсвиче*, но ей было отказано в приеме в это святое общество, отчасти из-за подозрений в колдовстве, которые тогда выдвигались против нее. И теперь появились свидетельства сверхъестественных бедствий, которые в настоящее время обрушились на некоторых из тех, кто способствовал ее исключению из причастия, в которое она пыталась вторгнуться. [99]

4. Было особое показание *Джозефа Саффорда* о том, что его жена испытывала крайнюю неприязнь к этой Хоу из-за слухов о ее колдовстве; но однажды Хоу взяла ее за руку и сказала: «Я полагаю, вы не знаете о том большом скандале, в котором я оказалась из-за ложных слухов, распушенных обо мне». Она немедленно, без всякой причины и без возможности отговорить ее, словно зачарованная, начала принимать сторону этой женщины. Вскоре после этого Хоу выразила желание принять причастие, но некоторые из благочестивых братьев были недовольны ею. Старейшины назначили собрание, чтобы выслушать возражения против нее, и никакие аргументы в мире не могли помешать этой доброй жене *Саффорд* пойти на собрание. Она действительно с большим трудом пообещала, что не пойдет на церковное собрание, но все же не смогла удержаться от того, чтобы пойти туда. [134] Дела там обсуждались так, что она вышла скорее виновной, чем оправданной; тем не менее, добрая жена *Саффорд* не смогла удержаться от того, чтобы взять ее за руку и сказать: «Хотя ты осуждена людьми, ты оправдана перед Богом». Она быстро впала в очень странное состояние: она металась, кричала, вопила и требовала, чтобы *Гууди Хоу* пришла в церковь; она драгоценная святая, и хотя она осуждена людьми, она оправдана перед Богом. Так она продолжала в течение двух или трех часов, а затем впала в транс. Но, придя в себя, она воскликнула: «Ха! Я ошиблась!» Потом снова повторила: «Ха! Я ошиблась!» Когда стоявший рядом спросил ее: «В чем?», она ответила: «Я думала, что *Гуди Хау* была драгоценной святой Божьей, но теперь я вижу, что она ведьма: она околдовала меня и моего ребенка, и мы никогда не будем здоровы, пока не будет свидетельства о ней, чтобы ее приняли в церковь».[100]

А Хоу потом сказала, что ей было очень жаль видеть *Саффорд* на упомянутом церковном собрании. После этого *Саффорд* заявила, что она страдает от образа Хоу и из-за этого образа перенесла много страданий.

5. *Джон Хоу*, брат мужа заключенной, свидетельствовал, что, когда он отказался сопровождать заключенную на допрос, как она того желала, немедленно часть его скота была заколдована до смерти, прыгая на три или четыре фута в высоту, вертясь, пища, падая и умирая на месте; а когда он пошел отрезать ухо для использования, что, возможно, можно было бы и не делать, рука, в которой он держал нож, сильно онемела; и так она оставалась, и болела в течение нескольких дней; он до сих пор не поправляется. И он подозревал эту заключенную в том, что она была виновницей этого.[101]

6. *Неемия Эббот* свидетельствовал, что всякий раз, когда у него возникали разногласия с этой заключенной, с его скотом происходили необычные и зловещие несчастные случаи. Однажды она особенно хотела, чтобы его вол задохнулся, и вскоре этот вол задохнулся, застряв в горле репой. В другой раз, когда он отказался одолжить свою лошадь по просьбе ее дочери, лошадь была жестоко избита сверхъестественным образом. Было дано свидетельство о нескольких других странных случаях подобного рода.[102]

7. Было дано показание, что одна жена *Шервина*, после некоторых разногласий с Хоу, была заколдована и умерла, обвинив Хоу в причастности к ее смерти. А у других людей их бочки с напитками были необъяснимым образом испорчены, испорчены и пролиты, когда они ей не понравились.[103]

Сами по себе эти вещи были незначительными, но, поскольку они повторялись, их следовало принимать во внимание. Среди прочих, *Марта Вуд* дала показания, что вскоре после того, как ее отец занялся сбором сведений о разговорах Хоу, они снова и снова теряли большие количества спиртных напитков из своих сосудов таким образом, что могли приписать это только колдовству. А также, что Хоу дала ей несколько яблок, и когда она их

съела, ее охватило очень странное замешательство, в результате чего она не знала, что говорила и делала.[104]

8. Была также группа показаний о том, что некий *Исаак Каммингс*, отказавшись одолжить свою кобылу мужу Хоу, через день или два обнаружил, что кобыла находится в странном состоянии. Животное выглядело сильно измученным, было покрыто синяками, как будто оно бежало по камням, и имело следы от уздечки, как будто оно было обожжено раскаленной уздечкой. Кроме того, когда кто-то использовал трубку с табаком для лечения животного, из нее вырвалось пламя, охватило ее шерсть и не только распространилось и обожгло ее, но и взлетело вверх, к крыше сарая, и чуть не подожгло сарай. Кобыла умерла очень внезапно.[105]

9. *Тимоти Перли* и его жена свидетельствовали не только о том, что с их скотом происходили необъяснимые бедствия после того, как у них возникли разногласия с этой заключенной, но и о том, что их дочь погибла от колдовства; эта дочь до сих пор обвиняла Хау в том, что она стала причиной ее страданий, и было отмечено, что она падала в обморок всякий раз, когда речь заходила о Хау. Ее часто пытались бросить в огонь и в воду, когда у нее случались странные припадки; хотя ее отец наказал ее за то, что она обвиняла Хоу в колдовстве, она все равно (как свидетельствовали и другие) говорила, что она в этом уверена и должна умереть, оставаясь при своем мнении. Соответственно, она обвиняла Хау до самой смерти; и говорила, что Хоу может мучить и терзать ее тело, но не может повредить ее душе, и что правда об этом деле выяснится, когда она умрет и уйдет.[106]

10. *Фрэнсис Лейн* свидетельствовал, что, будучи нанят мужем этой женщины, чтобы достать ему партию столбов и рельсов, *Лейн* нанял *Джона Перли*, чтобы тот ему помог. Затем эта заключенная сказала *Лейну*, что, по ее мнению, столбы и рельсы не подойдут, потому что *Джон Перли* помогал ему, но если бы он достал их сам, без помощи *Джона Перли*, то они, возможно, подошли бы. Когда *Джеймс Хау* пришел забирать столбы и рельсы у *Лейна*, он взял их за концы, и они, хотя были хорошими и крепкими, по непонятной причине сломались, так что *Лейн* был вынужден достать еще тридцать или сорок штук. И когда об этом сообщили заключенной, она сказала, что предупреждала его об этом заранее, потому что *Перли* помогал ему с ними.[107]

11. Впоследствии появились признания нескольких других (рассказавшихся) ведьм, которые подтвердили, что *этот* Хоу был одним из тех, кто вместе с ними был крещен дьяволом в реке у *Ньюберри-Фолс*: перед этим он заставил их преклонить колени у берега реки и поклониться ему.[108]

СНОСКИ:

[96] Обвинительное заключение не фигурирует в записях, вероятно, по той причине, что оно было передано или взято доктором Матером и никогда не возвращено. Миссис Хау была из Топсфилда, женой Джеймса Хау из того же города. Эфраим Уайлдс был констеблем, который ее арестовал. Ее допрос состоялся 30 мая 1692 года, занимает две страницы и был записан г-ном «Сэмом Пэррисом».

[97] Автор не упомянул соответствующие стороны, которые давали показания. Среди прочих, не упоминаются два священника, а именно мистер Сэмюэл Филлипс и мистер Эдвард

Пейсон, оба из Роули. Мистер Филлипс указал свой возраст как около 67 лет. Мистер *Пейсон* не указал свой возраст. Их показания были пропущены, несомненно, потому что они ни в малейшей степени не обвиняли миссис Хау и не утверждали, что видели что-либо, похожее на колдовство.

[98] Они не только не были доказаны, но и не было записано никаких показаний, содержащих эти истории о привидениях. Доктор Мэзер не обратил внимания на следующих свидетелей: Сэмюэл Перли, возраст около 52 лет, и его жена, возраст около 46 лет. Дебора Хэдли, возраст около 70 лет; жила по соседству с Элизабет Хоу («женой Джеймса Хоу-младшего из Ипсвича, 24 года»). Она дала ей хорошую характеристику. Миссис Хэдли дала показания 24 июня. На следующий день Даниэль Уорнер-старший дал свои показания. Они были аналогичны показаниям миссис Хэдли. Джон Уорнер-старший также подписал те же показания. Они были хорошо знакомы с миссис Хоу «более 20 лет». Так же свидетельствовали Саймон Чепмен и его жена. Саймон указал свой возраст около 48 лет – «знаком с женой Джеймса Хоу-младшего как соседом в течение 9 или 10 лет»; никогда не слышал о ней ничего плохого и «считает ее справедливой в своих суждениях, верной» и т. д.

[99] Против таких необоснованных и, мягко говоря, основанных на слухах показаний доктор, по справедливости, должен был бы обратить внимание на такие доказательства, как те, о которых говорится в последней заметке. Не следует упускать из виду и некоторые другие. Джозеф Ноултон заявил, что он был знаком с миссис Хоу как соседом и иногда жил в ее доме, когда впервые приехал жить в эти края, что было около десяти лет назад. Он и его жена Мэри оба дали ей хорошую характеристику. Ему было «сорок два», а его жене «тридцать два».

Джеймс Хоу-старший, которому было около 94 лет, свидетельствовал, что он прожил с Элизабет, женой Джеймса Хоу-младшего, около тридцати лет и что, «не считая человеческих недугов», она всегда вела себя хорошо, занимая свое место как дочь и жена во всех отношениях.

Что касается церковных трудностей, упомянутых в тексте, некий Джейкоб Фостер, возрастом около 29 лет, под присягой заявил, что «несколько лет назад», когда миссис Хау собиралась присоединиться к церкви, его отец, Джеймс Хау-старший (), помешал этому. После этого его кобыла пропала на несколько дней. Когда ее нашли, она выглядела так, как будто ее жестоко избили и издевались над ней. Под присягой 30 июня 1692 года. Томас Эндрюс из Боксфорда, возраст около 50 лет, рассказал еще более нелепую историю о кобыле, принадлежащей Джосае Комингсу-старшему из Топсфилда.

[100] Джозеф Саффорд указал свой возраст около 60 лет.

[101] Джон Хау указал свой возраст около 50 лет. Доктор допустил несколько досадных ошибок в своем резюме этого свидетельства. Это была его свиноматка, которая «подпрыгнула на высоту около трех или четырех футов» и упала замертво. *Писк* принадлежал свинье, а не скоту.

[102] Я не нахожу в записях никаких упоминаний о показаниях Неемии Эббота.

[103] Возможно, это имеет отношение к историям о привидениях, на которые доктор Мэзер намекнул на предыдущей странице.

[104] Я не заметил показаний Марты Вуд в записях. «Большое количество выпитого», о потере которого сообщалось, вероятно, было найдено некоторыми из уже упомянутых свидетелей.

[105] Показания Каммина занимают более двух страниц. Ему было около шестидесяти лет. Мазер ошибся в его имени, назвав его Исааком вместо Джосайи, как следует из записей.

[106] Тимоти *Перли* и его жена *Дебора* свидетельствовали 1 июня 1692 года, что ему было около 39 лет, а его жене около 33. Вышеприведенное резюме чрезвычайно неполно. См. *записи*, ii, 73-4.

[107] *Фрэнсис Лейн* указал свой возраст около 27 лет и сказал, что время, когда ведьмы мучили рельсы, было около «семи» лет назад, и сделал из этого длинную историю; но она вполне соответствует большинству свидетельств. Родители *Лейна* не были найдены.

[108] Они утверждали, что многие из этих несчастных душ были крещены в *Ньюберри-Фолс*, а также в нескольких других реках и прудах; что касается способа крещения, то великий чиновник *ада* поднимал их за тело, окунал их головы в воду и говорил над ними: «*Ты мой, и я имею полную власть над тобой*». И после этого они обязались и поклялись отречься от БОГА, ХРИСТА, своего священного крещения и всего пути спасения *Евангелия*; и приложить все усилия, чтобы противостоять Царству ХРИСТА, и установить и *отстаивать* Царство *Сатаны*. — *Лоусон, второе издание*, 118. См. также том I, стр. 102-3.

Обвинительное заключение Марты Кэрриер.

[136] *Обвинительное заключение Марты Кэрриер.*[109]

Эссекс сс.

Anno Regni Regis & Reginae Wilielmi & Mariae, nunc Angliæ, &c. quarto.

Присяжные нашего суверенного господина и госпожи, короля и королевы, заявляют, что *Марта Кэрриер*, жена *Томаса Кэрриера* из *Андовера*, графство *Эссекс*, земледелец, тридцать первого мая, в четвертый год правления нашего суверенного господина и госпожи *Уильяма и Марии*, по милости Божьей, короля и королевы *Англии, Шотландии, Франции и Ирландии*, защитников веры и т. д. И в другие дни и времена, как до, так и после, злобно и преступно использовала, практиковала и применяла определенные отвратительные искусства, называемые колдовством и чародейством, в городке *Салем*, в штате *Массачусетс*, в вышеупомянутом графстве *Эссекс*, в отношении, над и против одной *Мэри Уолкотт* из деревни *Салем*, незамужней женщины, в вышеупомянутом графстве *Эссекс*; в результате чего указанная *Мэри Уолкотт* тридцать первого мая четвертого года, а также в другие дни и времена, как до, так и после этого, подвергалась и подвергается пыткам, страданиям, мучениям, истощению, изнурению и мучениям; против мира наших суверенов, *Уильяма и Мэри*, короля и королевы *Англии*; их короны и достоинства, а также против формы статута, принятого и предусмотренного в данном случае.

Свидетели — *Мэри Уолкотт, Элизабет Хаббард, Энн Путнэм*.

Было также второе обвинение в причинении страданий *Элизабет Хаббард* с помощью колдовства. Свидетели — *Элизабет Хаббард, Мэри Уолкотт, Энн Путнэм, Мэри Уоррин*.

Суд над Мартой Кэрриер.

Суд над *Мартой Кэрриер*, 2 августа 1692 года. Как можно увидеть в книге «Чудеса невидимого мира», со стр. 132 по 138.

1. *Марта Кэрриер* была обвинена в колдовстве над определенными лицами в соответствии с обычной для таких случаев формой: она не признала себя виновной по предъявленному обвинению; сначала было приведено значительное количество околдованных лиц (), которые не только убедили суд в том, что над ними было совершено ужасное колдовство, но и заявили, что именно *Марта Кэрриер* или ее образ жестоко мучили их, кусая, колючи, щипая и душа. Далее было заявлено, что пока эта *Кэрриер* допрашивалась перед магистратами, бедные люди были так замучены, что каждый ожидал своей смерти на месте, но после того, как *Кэрриер* была связана, им стало легче. [137] Более того, взгляд *Кэрриер* тогда убивал пострадавших людей, а ее прикосновение, если ее глаза в это время не были на них направлены, снова воскрешало их. Все это было также замечено во время ее суда. И было засвидетельствовано, что на упоминание о том, что у некоторых шеи были почти полностью вывернуты фигурой этой *Кэрриер*, она ответила: «Неважно, даже если бы их шеи были полностью вывернуты».[110]

2. До суда над этой заключенной несколько ее собственных детей откровенно и полностью признались не только в том, что они сами были ведьмами, но и в том, что их мать сделала их такими. Они сделали это признание с большим покаянием и с большим доказательством правдивости. Они рассказали о месте, времени, случае; они дали отчет о путешествиях, встречах и злодеяниях, совершенных ими; и были очень правдоподобны в том, что они говорили. Тем не менее, эти показания не были представлены против подсудимой, поскольку было достаточно других доказательств для продолжения дела.[111]

3. *Бенджамин Эббот* дал показания, что в *марте* прошлого года, двенадцать месяцев назад, эта *перевозчица* была очень зла на него за то, что он выделил землю рядом с землей ее мужа. В своем гневе она сказала, что *будет прилипать к Эбботу так же, как кора прилипает к дереву, и что он пожалеет об этом до истечения семи лет, так что доктор Прескот никогда не сможет его вылечить*. Эти слова слышали не только сам *Эббот*, но и другие люди, которые также слышали, как она сказала, что *будет держать его нос так близко к точильному камню, как никогда раньше, с тех пор как его зовут Эббот*. Вскоре после этого у него появилась опухоль на ноге, а затем боль в боку, которая мучила его чрезвычайно сильно. Она превратилась в язву, которую вскрыл доктор *Прескот*, и из нее вытекло несколько галлонов гноя. В течение шести недель она продолжала гноиться очень сильно; затем у него образовалась еще одна язва в паху, которую также вскрыл доктор *Прескот*. Еще одна язва образовалась у него в паху, которую также вскрыли, и он испытывал очень сильные мучения. Он был приговорен к смерти и оставался в таком состоянии, пока *Кэрриер* не был арестован и увезен констеблем. С того самого дня он начал поправляться, с каждым днем чувствовал себя все лучше и с тех пор здоров.[112]

Его жена *Сара Эббот* также свидетельствовала, что ее муж не только все это время страдал физически, но и что с его скотом происходили странные, необычные и необъяснимые бедствия; их смерть была такой, что они не могли найти для нее никакой естественной причины.[113]

4. *Аллин Тусакер* свидетельствовал, что *Ричард*, сын *Марты Кэрриер*, имея с ним некоторые разногласия, повалил его на землю, схватив за волосы, и когда он поднялся, он хотел ударить *Ричарда Кэрриера*, но упал на спину на землю и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, пока не сказал *Кэрриеру*, что сдается; и тогда он увидел, как фигура *Марты Кэрриер* исчезла с его груди.

[138] Этот *Тутикер* получил ранение на войне, и теперь он свидетельствовал, что *Марта Кэрриер* сказала ему, что *он никогда не выздоровеет*. Перед арестом *Кэрриер* он мог воткнуть в свою рану спицу для вязания на глубину четырех дюймов, но сразу после ее ареста он полностью выздоровел.

Он также свидетельствовал, что когда он и *Кэрриер* иногда ссорились, она хлопала в ладоши () и говорила, что *он ничего не получит*. После этого он несколько раз терял свой скот от странных смертей, для которых не было никаких естественных причин.[114]

5. *Джон Роджер* также свидетельствовал, что после угрожающих слов этой злобной *Кэрриер* его скот был странным образом заколдован, как было более подробно описано ниже.[115]

6. *Сэмюэл Престон* свидетельствовал, что около двух лет назад, имея некоторые разногласия с *Мартой Кэрриер*, он потерял корову странным, сверхъестественным, необычным образом; и примерно через месяц после этого упомянутая *Кэрриер*, снова имея с ним некоторые разногласия, сказала ему, что *он недавно потерял корову и что скоро он потеряет еще одну!* Что и произошло: у него была здоровая и ухоженная корова, которая без видимой причины быстро упала и умерла.[116]

7. *Фиби Чандлер* свидетельствовала, что примерно за две недели до ареста *Марты Кэрриер*, в день Господень, когда в церкви пели псалмы, *Кэрриер* взяла ее за плечо () и, встряхивая, спросила, где она живет. Она не ответила, хотя *Кэрриер*, которая жила по соседству с домом ее отца, не могла не знать, кто она такая. Вскоре после этого, когда она несколько раз пересекала поля, она слышала голос, который, как ей показалось, принадлежал *Марте Кэрриер*, и казалось, что он звучал над ее головой. Голос сказал ей, что *через два или три дня она будет отравлена*. Соответственно, через такое короткое время половина ее правой руки сильно опухла и стала очень болезненной, как и часть ее лица, и она не могла объяснить, откуда это взялось. Несколько дней состояние оставалось очень плохим, и с тех пор она несколько раз испытывала сильную боль в груди и была настолько парализована в ногах, что едва могла ходить. Она добавила, что недавно, когда она шла в дом Божий, *Ричард*, сын *Марты Кэрриер*, очень пристально посмотрел на нее, и сразу же ее рука, которая, как упоминалось выше, была отравлена, начала сильно болеть, и она почувствовала странное жжение в желудке; но затем она оглохла, так что не могла слышать ни молитвы, ни песнопения, пока не прозвучали последние два или три слова псалма.[117]

8. Одна *Фостер*, которая призналась в своем участии в колдовстве, за которое была обвинена заключенная, утверждала, что видела заключенную на некоторых из их колдовских собраний и что именно эта *Кэрриер* убедила ее стать ведьмой. Она призналась, что дьявол нес их [139] на шесте на собрание ведьм, но шест сломался, и она, висая на шее *Кэрриер*, упала вместе с ней, получив при этом травму, от которой до сих пор не оправилась.[118]

9. Одна *Лэйси*, которая также призналась в своем участии в этом колдовстве, теперь свидетельствовала, что она и заключенная однажды физически присутствовали на сборе ведьм в деревне Салем, и что она знала, что заключенная была ведьмой и участвовала в дьявольском таинстве, и что заключенная погубила ее и ее детей, заманивая их в ловушку дьявола.[119]

10. Другая *Лэйси*, которая также призналась в своем участии в этом колдовстве, теперь свидетельствовала, что заключенная присутствовала на собрании ведьм в деревне Салем, где им подавали хлеб и вино.

11. Во время суда над этой заключенной некая *Сюзанна Шелден* ([120]) в открытом суде была необъяснимым образом связана по рукам колесным ремнем так крепко, что без разрезания его нельзя было развязать. Это было сделано призраком, и пострадавшая утверждала, что это были заключенные.

Заметка. Эта *разнузданная ведьма, Марта Кэрриер*, была той самой личностью, о которой, среди прочего, в признаниях ведьм и ее собственных детей сходились во мнениях, что дьявол пообещал ей, что она станет королевой ада.[121]

До сих пор это было описано в «*Чудесах невидимого мира*»; в котором, отбросив такие слова, как эти, в суде над *Г. Б.*, а именно [*Они (т. е.) свидетели были достаточны, чтобы определить его характер как ведьмы*].

В «Суде над Бишопом» эти слова [*но в них не было необходимости*], т. е. в дополнительных показаниях.

В «*Trial of How*», где говорится: [и появились свидетельства сверхъестественных бедствий, которые в настоящее время обрушились на некоторых, кто способствовал ее отлучению от причастия, , в которое она *вторглась*], *Мартин* назван [одним из самых наглых, оскорбительных и злых существ в мире]. В своем отчете о *Марте Кэрриер* он с удовольствием называет ее [*разнузданной ведьмой*] и т. д.

Эти выражения показывают, что он писал скорее как адвокат, чем как историк; а также то, что те, кто его нанял, не ошиблись в своем выборе для этой работы, как бы он ни ошибался в других вещах.

Как и в его признании (в деле *Г. Б.*), что *показания зачарованных и исповедников были недостаточными против обвиняемого*, поскольку известно, что не только в *Новой Англии* такие показания считались достаточными, но и в *Англии*, как он сам там признает, и то же самое верно для *Шотландии* и т. д. Они, основываясь на таких показаниях, лишили жизни многих, и утверждать, что этого недостаточно, значит сказать миру, что такие казни были не чем иным, как кровавыми убийствами, что, безусловно, не было его намерением.[122]

СНОСКИ:

[109] Жалоба на Марту Кэрриер была подана 28 мая Джозефом Хоултоном и Джоном Уолкоттом, обоими из Салема. Джон Баллард, констебль, арестовал ее. Джон *Бейли*, помощник констебля из Андовера, вызвал свидетелей. См. *записи S. W.* ii, 54, 55 и т. д.

[110] Марта Кэрриер прошла обычный допрос, который занимает две страницы, а оригинал написан рукой мистера Сэмюэля Пэрриса. Вышеприведенное является лишь очень неудовлетворительным сокращением этого допроса.

[111] Из отчета Лоусона следует, что к таким обвинениям придавали большое значение. Он говорит: «Некоторые признались против своих матерей, что те были инструментами, приведшими их к *завету с дьяволом*, к гибели их тела и души. А некоторые девочки восьми-девяти лет заявили, что после того, как их матери предали их силе *сатаны*, они видели, как *дьявол* в их обличье мучил других». — Стр. 118-119.

[112] Бенджамин Эббот был из Андовера, ему было около 31 года.

[113] Сара Эббот указала свой возраст как около 32 лет.

[114] Аллен Тусакер был молодым человеком, ему было около 22 лет. Возможно, он получил ранение, когда индейцы напали на Андовер, как упоминалось в одной из предыдущих заметок.

[115] Джон Роджерс был из Биллерики. Он указал свой возраст около 50 лет. Его показания занимают одну страницу в четверть формата в записях. Три года спустя, а именно 5 августа 1695 года, он вместе с несколькими другими был убит индейцами в Биллерики.

[116] Сэмюэл Престон указал свой возраст около 41 года. Он поклялся, что «потерял корову странным образом». Из его рассказа ясно, что этот *странный способ* означал, что она была сбита с ног и, не имея возможности освободиться, погибла. Доктор добавил к этому *сверхъестественное и необычное*.

[117] Достаточно лишь указать, что Фиби Чандлер было всего около 12 лет, чтобы ее показания не были приняты во внимание, несмотря на то, что в протоколах есть почти две целые страницы ее показаний. Однако Бриджит Чандлер, ее мать, 40 лет, подтвердила рассказ дочери.

[118] Это относится к Энн Фостер из деревни Салем. См. *записи S. W.*, ii, 136-7.

[119] Мэри Лэйси была женой Лоуренса Лэйси из Андовера и дочерью Энн Фостер. См. *там же*, ii, 139-40. Эта «другая Лэйси» также звалась «Мэри». *Там же*, 142.

[120] Сюзанна Шелдон была свидетелем в большом количестве дел, как уже было отмечено.

[121] Похоже, что автор не пропустил ни одного свидетельства, которое можно было бы использовать против «этой разнузданной ведьмы», в то время как все, что могло оправдать ее, было отвергнуто. К счастью, дело изменилось, и все обстоятельства представлены беспристрастными следователям, или достаточное количество фактов, на основании которых можно вынести правильное суждение. Г-н Фрэнсис Дэйн, второй министр Андовера, осмелился высказать свои мысли по поводу дел о колдовстве. Он сообщил их суду, и писец занес их в протокол в качестве доказательства. Он сказал, что прожил в Андовере более сорока лет и в «здоровые годы часто бывал у жителей в их домах», но никогда не слышал о чем-либо, имеющем отношение к колдовству, до арестов прошлым летом (1692). Если и были какие-то подозрения, что Марта Кэрриер была ведьмой, до ее ареста, он сказал, что никогда об этом не слышал; «что касается других лиц, я не подозревал их, и если бы проявили милосердие, дьявол не имел бы такого преимущества над нами, и я верю, что многие невинные люди были обвинены». Это свидетельство пожилого и уважаемого джентльмена (тогда ему было 77 лет), хорошо знакомого со всеми обстоятельствами и с обвиняемыми, должно сопровождать свидетельство против «разбушевавшейся ведьмы».

[122] Этот отрывок заставил доктора Мазера высказать несколько очень гневных высказываний в адрес автора. Он говорит, или, вернее, его защитники говорят за него: «Все честные люди верят, что то, что было сделано в темное время наших бедствий из *невидимого мира*, они сделали по совести, поклявшись Богом, и, насколько нам известно, они следовали прецедентам *Англии, Шотландии и других наций* в таком мрачном и печальном случае. Когда они обнаружили, что дело вышло за пределы досягаемости смертных, они остановились». — *Несколько замечаний*, 6; *Magnalia*, B. ii, 64.

Принятый закон и т. д.

[140] Его утверждение, что суд начал думать, что *Берроуз* отошел в сторону, чтобы надеть невидимку, делает их такими незначительными философами и такими слабыми христианами, что они поддаются на уловки любого глупого самозванца.

Он называет доказательства против Хоу тривиальными, а другие против *Берроуза*, он не считает их частью своего осуждения; и то, что поднятие ружья одним пальцем не было использовано в качестве доказательства, делает все еще более запутанным. (Не говоря уже о многих ошибках, содержащихся в нем).

Однако все это (и многое другое, о чем можно было бы упомянуть) не мешает тому, что его отчет о порядке судебных разбирательств по делам о колдовстве является столь же достоверным, как и любые другие судебные разбирательства такого рода, которые когда-либо были обнародованы; и можно также с разумной уверенностью предположить, что в них проводилось столь же тщательное расследование и использовались столь же неоспоримые доказательства, как и ранее в судебных процессах над другими лицами, обвиненными в таких преступлениях в других местах. [123] Хотя, конечно, было бы очень полезно изложить во второй части, какие доказательства были убедительными в этих судебных процессах, поскольку не предполагается, что романтические или нелепые истории должны иметь какое-либо влияние, такие как укус пальца призрака, от которого потекла кровь, или история *Шэттока*, который простоял 12 лет, а на самом деле простоял 18 лет или больше, и все же человек с такой отличной памятью, что способен вспомнить небольшую ссору между своей женой и другой женщиной, произошедшую восемнадцать лет назад.

Поскольку не следует предполагать, что подобные вещи могут повлиять на судью или присяжных, то не следует считать жестокостью по отношению к родственникам, или тем, что Бог дал одному человеку больше силы, чем другим, опрокидывание телег, или гибель скота, или наросты (называемые «тетями»), или маленькие кусочки тряпок, связанные вместе (называемые «поппетами»). Тем более болезнь какого-либо человека или разорванная одежда после того, как призрак был хорошо повешен, и тем более сжигание копытного пердежа, упомянутое в процессе Хоу.

Ни одно из этих доказательств не может в малейшей степени подтвердить обвинение; предполагаемые преступники были обвинены в причинении страданий *и т. д.* таким-то и таким-то конкретным лицам с помощью колдовства, о чем ни одно из этих доказательств не говорит ни слова, а поскольку пострадавших и признавшихся недостаточно, вопрос требует дальнейшего разъяснения.

Но, чтобы продолжить, Генеральный суд, собравшись и приняв законы, в частности один против колдовства, назначил смертную казнь любому, кто будет кормить, вознаграждать или нанимать *и т. д.* злых духов, хотя еще не было объяснено, что под этим подразумевается, или что значит кормить, вознаграждать или нанимать дьяволов *и т. д.*, некоторые законодатели вместо объяснения дали следующее: они лишь скопировали закон другой страны. [124]

против колдовства

3 января. В соответствии с актом Генерального суда в *Салеме* был создан первый Высший суд для графства *Эссекс*, судьями были назначены г-н *Уильям Стоутон* (вице-губернатор), *Томас* [141] *Данфорт*, *Джон Ричардс*, *Уэйт Уинторп* и *Сэмюэл Сьюолл*, эсквайры. Где *Игнорамус* был признан виновным по нескольким обвинениям против тридцати, а *Билла-Вера* — против еще двадцати шести; из всех этих только трое были признаны виновными

еврейским судом, двое из которых (судя по их поведению) были самыми бессмысленными и невежественными существами, которых только можно было найти; кроме того, не ясно, что было предъявлено против них больше, чем против остальных, которые были оправданы.[125]

Третьей была жена *Уордвелла*, одного из двадцати казненных, и, похоже, они оба признали себя виновными; но он отказался от своих признаний, был судим и казнен; предполагается, что эта женщина, опасаясь судьбы своего мужа, не была столь категорична в своих отрицаниях своих прежних признаний, какими бы они ни были. Эти трое были приговорены к смертной казни.[126]

СНОСКИ:

[123] См. том I, стр. 35, 86.

[124] Законы Англии по вопросу колдовства были изложены во введении к первому тому. Их отмена парламентом благодаря усилиям лорда Тэлбота произошла в 1736 году. См. *краткое изложение* Дугласа, i, 451.

[125] Я не нашел судебных протоколов этого периода.

[126] Обвинения и допрос Сэмюэля Уордвелла можно найти в архивах в обычной форме. Он был из Андовера и имел звание плотника. Первое обвинение было предъявлено ему за причинение страданий некой Марте Спраг из Боксфорда в августе прошлого года (1692). Второе обвинение гласило, что «около 20 лет назад в городе Андовер упомянутый Сэмюэл Уордвелл с помощью злого духа, дьявола, [злоумышленно заключил] договор, в котором он обещал почитать, поклоняться и верить дьяволу вопреки закону». Его допрос проводил Джон Хиггинсон, эсквайр, 1 сентября 1692 года. Ему тогда было около 46 лет. Его странные ответы явно указывают на состояние безумия. 16-летняя Марта Спраг клялась, что он ее заколдовал. 34-летний Эфраим Фостер из Андовера клялся, что он предсказывал события, глядя на руки людей; «всегда опускал глаза на землю, прежде чем что-либо сказать». Томас Чандлер, около 65 лет, часто слышал, как Уордвелл предсказывал молодым людям их судьбу. Джозеф Баллард, около 41 года, поклялся, что его брат Джон Баллард рассказал ему, что Сэмюэл Уордвелл сказал ему, что он (Уордвелл) околдовал его (Джозефа Балларда) жену. Эбигейл Мартин из Андовера, 16 лет, сказала, что прошлой зимой С. Уордвелл и Джон *Фарнам* были у ее отца. У. предсказал судьбу Ф. Он также предсказал судьбу Джеймса Бриджа. См. *записи* S. W. ii, 146-153.

Суд над Сарой Дастон.

Во время этих судебных процессов некоторые евреи обратились к суду с вопросом, как им следует относиться к показаниям призраков, и получили в ответ [столько же, сколько щепок в сусле][127]

31 января 1692%. Высший суд начал работу в *Чарлстауне*, в графстве *Мидлсекс*, под председательством г-на *Стоутона*, М. *Данфорта*, М. *Уинторпа* и г-на *Сьюолла*, где нескольким лицам было отказано в рассмотрении их обвинений, а другим было вынесено решение «*Billa Vera*».[128]

Во время заседания суда поступило известие, что в *Салем* была отправлена отсрочка, которая предотвратила казнь семерых из тех, кто был там осужден, что так взволновало главного судью, что он сказал следующее: «*Мы были на пути к тому, чтобы очистить*

землю от этих и т. д. Кто препятствует ходу правосудия, я не знаю; да будет Господь милостив к стране», — после чего он покинул судейскую скамью и больше не появлялся в суде.^[129] Наиболее примечательным из судебных процессов был процесс над *Сарой Дастон*, женщиной в возрасте около 70 или 80 лет. Перед началом ее суда ходили слухи, что если в мире и есть ведьма, то это она, поскольку ее считали таковой в течение 20 или 30 лет, что привлекло многих людей из *Бостона и т. д.*, желающих послушать ее суд. Против нее было выдвинуто множество свидетелей, но их показания казались совершенно нелепыми, поскольку касались несчастных случаев, болезней и т. д., которые произошли с ними или их близкими после какой-то ссоры; большая часть их показаний касалась действий, которые, как утверждалось, были совершены за 20 лет до того времени. В этих судебных процессах не использовались призрачные свидетельства, поэтому еврейская община вскоре признала ее невиновной, а ее дочь и внучку () и остальных, кто тогда предстал перед судом, также оправдали. После того, как она была оправдана, судья *Данфорт* предостерег ее следующими словами: «Женщина, женщина, покайся, против тебя выдвинуты серьезные обвинения»; она была возвращена в тюрьму для отбывания наказания и вскоре скончалась там.^[130] Один из жителей *Бостона*, который присутствовал на суде над *Дастоном*, в тот же вечер, находясь в компании одного из судей ^[142] в общественном месте, сообщил ему, что некоторые, кто присутствовал как на судах в *Салеме*, так и на этом в *Чарлстауне*, утверждали, что против упомянутого *Дастона* было больше доказательств, чем против кого-либо в *Салеме*, на что упомянутый судья согласился, сказав, что это так. На это тот человек ответил, что он смеет подтвердить своей подписью, что против нее не было достаточно доказательств, чтобы вынести справедливый приговор.

25 апреля 1693 года. Первое заседание Высшего суда состоялось в *Бостоне* для округа *Саффолк*, судьями были вице-губернатор, г-н *Данфорт*, г-н *Ричардс* и г-н *Сьюолл*, эсквайры.

Суд над Мэри Уоткинс.

Помимо оправдания г-на *Джона Олдина* путем провозглашения, наиболее примечательным было то, что касалось *Мэри Уоткинс*, которая была служанкой в доме Эндрю Уоткинса () и жила примерно в семи милях от *Бостона*. Ранее она обвинила свою хозяйку в колдовстве и, как полагали, была невменяема. Ей пригрозили, что если она будет настаивать на таких обвинениях, то будет наказана. Это с необходимой заботой о восстановлении ее здоровья имело такой хороший эффект, что она не только восстановила свое здоровье, но и полностью оправдала свою хозяйку от любых подобных преступлений и продолжала быть здоровой до конца года, а затем снова впала в меланхолию и была найдена задушенной; ее жизнь была продлена, и она немедленно обвинила себя в том, что она ведьма; ее доставили к магистрату и заключили под стражу. В этом суде против нее был вынесен обвинительный акт большому жюри, и ее признание, данное при допросе, было представлено в качестве доказательства, но они не были полностью удовлетворены этим, вызвали ее, и она дала такое объяснение о себе, что они (после того, как вернулись в суд, чтобы задать несколько вопросов) двенадцать из них согласились признать ее невиновной, но суд пожелал снова отправить их, и они, вернувшись, снова вынесли то же решение, что и раньше.

Она пробыла некоторое время в тюрьме и в конце концов была продана в *Вирджинию*. Примерно в это же время заключенные во всех тюрьмах были освобождены.

Здесь не будем упоминать о нескольких девушках в *Бостоне и т. д.*, которые притворялись страдающими и обвиняли нескольких человек, а священники часто навещали их, и молились с ними, о чьих страданиях существуют рассказы. В рукописи не только эти, но и

большинство этих обвинителей, возможно, с тех пор убедили священников своим порочным поведением, что они могли ошибаться, проявляя к ним слишком большую милосердие.

В результате всего этого в колонии *Массачусетс* губернатор сэр *Уильям Филс* был отозван на родину, и перед отъездом он помиловал тех, кто был осужден, за что они заплатили по 30 шиллингов королевскому прокурору.^[131]

Дело миссис Беном.

В августе 1697 года. Высший суд заседал в *Хартфорде*, в колонии *Коннектикут*, где некая госпожа *Беном* была судима за колдовство. Ее [143] обвинили несколько детей, которые утверждали, что видели призраков; они несколько раз обыскивали ее в поисках тетов; они провели эксперимент, бросив ее в воду, и после этого она была отлучена от церкви министром *Уоллинсфорда*. На суде против нее не было представлено никаких весомых доказательств, кроме призрачных свидетельств, и она была оправдана, как и ее дочь, девочка двенадцати или тринадцати лет, которая была обвинена в том же. Но после повторных жалоб на них обе бежали в правительство *Нью-Йорка*.^[132]

СНОСКИ:

^[127] Q. D. не имеет никакого значения. Я не нахожу, чтобы толкователи притч обращали на это внимание.

^[128] Перед мной находится один из оригиналов *Billa veras*, который гласит: «Показания Мерси Льюис, возраст [19 лет]. Эта свидетельница заявляет и утверждает, что прошлой ночью Филипп Инглиш и его жена пришли ко мне, а также миссис Дастен, Элиза Джонсон и старый Фаро из Линна: миссис Инглиш настоятельно просила меня поставить свою подпись в книге и сказала, что если я этого не сделаю, она причинит мне страшные страдания и убьет меня. Она также сказала, что если я только прикоснусь к книге, я буду в порядке, а если нет, то никогда. Миссис Инглиш сказала, что она может принести книгу, поскольку считает, что все они будут оправданы, и в этот момент перед большим жюри Филипп Инглиш, его жена и старый Фаро вошли в комнату, или их образы, и ударили меня по груди, почти задушив, и сказали, что задушат меня, если смогут. Признала перед большим жюри под присягой, которую она приняла 12 января 1692³. Подтверждает Роберт Пейн, старшина». Все написано от руки г-ном Сэмлом Пэррисом, за исключением подписи Пейна. См. Приложение, номер III.

^[129] Как известно, «главным судьей» был лейтенант-губернатор Стоутон.

^[130] Истцами были «г-н Томас Путнэм и г-н Джон Путнэм-младший из деревни Сэлем». Она указана как незамужняя женщина «из Реддинга», и ее имя в записях пишется как Дастинг, Дастин и Дастинг. Было бы интересно узнать, была ли она родственницей известной героини Ханны Дастин из Хаверхилла, которая убила своих индейских похитителей и сбежала из плена в 1697 году. Г-н Чейз, способный историк из Хаверхилла, по-видимому, не обращался к архивам в Салеме, поскольку мы не находим ничего об этом деле в его истории.

^[131] Если это считалось справедливым отношением к обвиняемой, то правительственные чиновники того времени, должно быть, имели очень своеобразное представление о справедливости, как ее понимают честные люди в наши дни. Такой подход напоминает «закон Лидфорда» и тех, кто был приговорен «к повешению и уплате 40 шиллингов».

^[132] «Одна женщина, казненная много лет назад в Хартфорде, в колонии Коннектикут, по обвинению в колдовстве, призналась, что она прибегала к помощи злых духов, чтобы

отомстить нескольким людям, но когда она хотела, чтобы они сделали то же самое с мистером Стоуном (выдающимся учителем местной церкви), они сказали ей, что не имеют права этого делать. И это нельзя опровергнуть, сказав, что некоторые люди (как недавно в Новой Англии) ложно обвинили себя, потому что эта женщина, по разумным основаниям, считалась искренне раскаявшейся перед смертью. Мы не можем утверждать, что, поскольку некоторые потерпели неудачу в своих проклятых попытках, то и другие никогда не преуспели. Но известный успех многих был тем, что вдохновил других на подобные попытки».—И. Мэзер, в «Ангелографии», к читателю. См. также «Замечательные провидения» (того же автора), гл. V.

Объявление поста.

Перед этим правительство издало следующее провозглашение.

От имени достопочтенного лейтенант-губернатора, Совета и Ассамблеи Его Величества в провинции Массачусетс-Бэй ([133]), собравшихся в Генеральном суде.

Поскольку гнев Божий еще не отвращен, но Его рука все еще простерта над Его народом в многообразных судах, в частности, в затягивании бедствий *Европы*, [134] запутанной войной; и, более того, в отношении нас самих в этой провинции, в том, что Бог по-прежнему благоволит уменьшать наши богатства, сокращая наш урожай, разрушая наши самые многообещающие начинания самыми разными способами, лишая нас покоя и, своей непосредственной рукой, унося многих из наших объятий внезапной и насильственной смертью, даже в это время, когда меч пожирает так много людей как дома, так и за границей, и это после многих дней публичных и торжественных обращений к Нему. И хотя, учитывая множество грехов, преобладающих среди нас, мы не можем не удивляться терпению и милосердию, смягчающим эти упреки, мы не можем не бояться, что чего-то все еще не хватает, чтобы сопровождать наши мольбы. И, без сомнения, есть некоторые особые грехи, за которые Бог гневается на наш *Израиль*, которые не были должным образом замечены и осуждены нами, и о которых Бог ожидает, что мы будем искать, если Он когда-нибудь снова обратит наше пленение.

Поэтому предписывается и назначается, чтобы *четверг*, четырнадцатого *января* следующего года, был объявлен днем молитвы и поста во всей провинции, строго запрещая в этот день любую рабскую работу, чтобы весь народ Божий мог вознести к Нему горячие молитвы о сохранении, и процветания Его Величества и его правительства, а также успехов в его делах как внутри страны, так и за рубежом; чтобы все неправды, возбудившие святую ревность Бога против этой земли, были устранены; чтобы Он показал нам то, чего мы не знаем, и помог нам исправить наши ошибки, чтобы мы больше не повторяли их; и особенно, чтобы любые ошибки, допущенные с той или другой стороны, будь то со стороны всего народа или каких-либо сословий, в связи с недавней трагедией, вызванной среди нас сатаной и его орудиями (), через страшный суд Божий, он [144] смирил нас за это и простил все ошибки своих слуг и народа, которые желают любить Его Имя и примириться с Его Землей; чтобы Он удалил жезл нечестивых от удела праведных, чтобы Он привел *американских* язычников и заставил их слушать и повиноваться Его Голосу.

Дан в Бостоне, 17 декабря 1696 года, в 8-й год правления Его Величества.

Исаак Аддингтон, секретарь.

В день поста на полном собрании в Южном молитвенном доме в Бостоне один из почтенных судей, Эдмунд Стивенс ([135]), который заседал в суде в Салеме, зачитал документ и, пока его читали, стоял. Но поскольку копия в настоящее время недоступна, его содержание можно воспроизвести только по памяти, а именно: он просил молитв Божьих людей за него и его близких, и что, поскольку Бог посетил его семью и т. д., он опасался, что мог допустить некоторые ошибки в делах в Салеме, и просил, чтобы вина за такие промахи не вменялась ни стране в целом, ни ему или его семье в частности.

Признание присяжных.

Некоторые из тех, кто был членом нескольких еврейских общин, выпустили документ, подписанный их собственными руками, со следующим текстом.

Мы, чьи имена указаны ниже, в 1692 году были призваны в качестве присяжных в суд в Салеме для рассмотрения дел многих лиц, которые были подозреваемы в совершении актов колдовства над телами различных людей:

Признаем, что мы сами не были способны понять и противостоять таинственным обманам сил тьмы и князя воздушного, но из-за недостатка знаний в себе и более полной информации от других были склонены принять такие доказательства против обвиняемых, которые, при более тщательном рассмотрении и более полной информации, мы справедливо опасаемся, были недостаточными для того, чтобы касаться жизни кого-либо, Втор. xvii. 6. В результате мы боимся, что, хотя и по незнанию и невольно, мы вместе с другими стали виновными в пролитии невинной крови над собой и над этим народом Господним; а Господь в Писании говорит, что не простит этого греха (4 Царств 24:4), то есть, как мы полагаем, в отношении Его временных судов. Поэтому мы настоящим заявляем всем в целом (и в особенности выжившим страдальцам) о нашем глубоком сожалении и скорби по поводу наших ошибок, совершенных при осуждении каких-либо лиц на основании таких доказательств.

И настоящим заявляем, что мы справедливо опасаемся, что были печально обмануты и ошиблись, из-за чего мы очень обеспокоены и огорчены в наших умах; и поэтому смиренно просим прощения, прежде всего у Бога во имя Христа за эту нашу ошибку; И молим Бога, чтобы Он не вменил вину за это нам самим, ни [145] другим; и мы также молим, чтобы живые страдальцы отнеслись к нам с пониманием и справедливостью, поскольку мы тогда находились под властью сильного и всеобщего заблуждения, совершенно не зная и не имея опыта в вопросах такого рода.

Мы искренне просим прощения у всех, кого мы справедливо обидели, и заявляем в соответствии с нашим нынешним мнением, что никто из нас не сделает подобного снова по таким причинам для всего мира; просим вас принять это в качестве удовлетворения за наше правонарушение; и чтобы вы благословили наследие Господа, чтобы он был умилоствлен за эту землю.

Форман, Томас Фиск,
Уильям Фиск,
Джон Бэчелер,
Томас Фиск-младший
Джон Дейн,

Джозеф Эвелит,
Томас Перли, старший
Джон Пекоди,
Томас Перкинс,
Сэмюэл Сэйер,
Эндрю Эллиотт,
Генри Херрик-старший,[136]

СНОСКИ:

[133] Вильгельм III, Мария умерла. Она умерла 28 декабря 1694 года. Была дочерью Якова II от А. Хайда.

[134] «Запутанная война» этого периода описана мастерской рукой Маколеем в его «Истории Англии».

[135] Достопочтенный Сэмюэл Сьюолл. Он был прихожанином *Старой* Южной церкви. Его имя можно найти на плане здания в «Истории» г-на Виснера, на странице 102, где указано место, которое он занимал. Внутренняя планировка здания в настоящее время практически не изменилась.

[136] И Мэзер, и Калеф избегали приводить списки присяжных, несомненно, чтобы не увеличивать количество страниц. Сохранившиеся записи очень неполны в этом, как и во многих других аспектах, о которых уже упоминалось. В отношении этого периода еще многое предстоит сделать.

П.С.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

После составления вышеупомянутых сборников писем преподобному г-ну Коттону Мазеру и другим лицам (на которые до сих пор не получено ответа) в руки попала книга под названием

«Жизнь сэра Уильяма Фипса», напечатанная в Лондоне в 1697 году. Хотя в этой книге не указано имя автора, ее стиль, манера и содержание таковы, что даже если бы не было других доказательств или признаков, позволяющих узнать его, не потребовалось бы никакого колдовства, чтобы определить, что упомянутый г-н К. М. является ее автором. Но тот, кто *столкнулся с чарами*, прошел через чудеса невидимого мира и обнаружил дьявола, почему бы ему не уйти в отдаленную страну, чтобы обрести невидимость! Хотя причина этого не столь очевидна, можно предположить, что это было сделано для удовлетворения некоторых особых прихотей; и почему бы это не могло быть одной из них, чтобы он мог с большей грацией восхвалять действия г-на Мазера как агента в Англии или президента Гарвардского колледжа, не забывая при этом о своих собственных.[137]

Что касается сэра Уильяма, то общепризнанно, что, несмотря на скромное происхождение и образование, он стал капитаном корабля и имел счастье найти испанский корабль, потерпевший крушение, что не только позволило ему восстановить свое состояние, но и поднять его до значительного положения, за что король Джеймс удостоил его рыцарского звания.

[146] И что после этого, во время правления нынешнего короля, он примкнул к тем агентам, которые были за принятие новой хартии, в результате чего сам стал губернатором.[138]

Нет сомнений, что он стремился к благу народа, и очень жаль, что его правление было так омрачено (из-за недостатка более точной информации и советов от тех, чья обязанность была их предоставлять) этим чудовищным призраком, колдовством, которое настолько омрачало и терроризировало эту страну, что это трудно себе представить.[139]

После этого в Англию поступили некоторые жалобы на плохое управление, сравнительно незначительные по сути, но такие, что его отозвали домой для дачи объяснений, где он вскоре скончался, положив конец своей жизни и правлению.[140]

Смерть таким образом опустила занавес, запретив дальнейшие действия, и, возможно, было бы разумно оставить его прах в покое.

Но упомянутая книга, стремясь воздвигнуть ему памятник (т. е.) приписывая ему такие достижения, которые либо никогда не были им совершены, либо были чрезмерно преувеличены, заставила как друзей, так и врагов открыть рот, чтобы перечислить ошибки в упомянутой книге, а также те промахи, в которых был виновен сэр Уильям, которые, если бы не эта книга, были бы похоронены вместе с ним.[141]

На стр. 3 проводится поиск по всему миру, с кем можно сравнить его в его продвижении по службе; и, к большому сожалению, в качестве соперника ему выбирают Писарро, который был бастардом, брошенным на церковном крыльце, вскормленным свиноматкой, а когда вырос, сбежал и отплыл в Америку; где он преуспел настолько, что стал командующим армией; и совершил великие дела, в частности, взял в плен Атабаллипу, одного из королей Перу, и, получив за его выкуп золото и серебро на сумму в десять миллионов, вероломно казнил его; и был причиной смерти неизвестного числа тысяч невинных людей, и, безусловно, является одним из худших, кого можно было бы выбрать для такого сравнения.[142]

Хотя это, вместе с риторическими украшениями и напыщенными фразами, является примером разносторонней эрудиции автора, за что его рекомендуют эти три почтенные лица[143] в предисловии к упомянутой книге. Однако честность, благоразумие и правдивость этой книги не столь очевидны. Пропуская множество искажений, содержащихся в ней в отношении действий сэра Уильяма, поскольку не желая раскапывать могилу мертвого, кто может увидеть правдивость этих слов? Стр. 40. [Он находился в пределах досягаемости пушечного выстрела вражеских орудий и оттуда наносил им удары, сильно повредив город, при этом его корабль был пробит в ста местах двадцатичетырехфунтовыми пушками] По мнению присутствующих, они находились не ближе к врагу, чем на расстоянии около половины или трех четвертей мили; всего около семи выстрелов [147] попали в корпус судна, ни один из них, насколько известно, не был больше 18-фунтового, поскольку у врага было только одно орудие, способное выстрелить 18-фунтовым ядром.[144]

Было бы нелепо после таких утверждений обращать внимание на эту украшенную статую, когда в ее возведении было столь мало необходимости (как утверждается на стр. 108), поскольку это уже было сделано настолько хорошо, что даже сам автор отчаивается сделать это лучше;[145] и это человеком, чья репутация настолько широко распространена и закреплена, что его похвалы, как утверждается, достаточны, чтобы увековечить репутацию сэра Уильяма или любого другого, кому он пожелает их даровать, а именно того

достопочтенного лица, *которое было* президентом единственного в то время университета в *английской Америке*, стр. 109. Кстати, это гораздо более достойная статуя в честь президента университета, чем та, что была воздвигнута сэру *Уильяму*.

Ибо, несмотря на весь этот шум вокруг возведения статуй и большую опасность их сноса *и т. д.*, на стр. 89 говорится, что даже сэр *Уильям* проявлял достаточно гнева, оставляя это открытым для других, тем самым давая понять, что он был полностью отдаден страсти и гневу.^[146] А на стр. 92 говорится, что он не проявлял никакой сильной набожности; эти и другие выражения могут убедить беспристрастного читателя в том, что создатели этих статуй преследовали какой-то другой цель, кроме как прославить достижения сэра *Уильяма Фипса*, а именно: изложить переговоры г-на *Дж. Мазера* в *Англии*, его получение новой хартии для сэра *Уильяма*, чтобы тот стал губернатором, а сам он был назначен президентом колледжа, — вот что в основном поднимается в книге.^[147]

Другой важный момент — это описание предполагаемых случаев колдовства в *Новой Англии* и того, как хорошо мистер Мазер-младший справился с этой задачей.^[148]

Что касается Новой Хартии для правильного понимания этого дела, то необходимо сказать, что люди, которые впоследствии поселились в *Новой Англии*, собираясь покинуть свою родную землю и искать (как велела им Провидение Божье) поселение в отдаленных регионах, где они могли бы наилучшим образом обеспечить свои гражданские и религиозные интересы, прежде чем приступить к этому, считая, что это может быть необходимо по многим причинам для их будущего благополучия, они получили хартию, которая по своему характеру была первоначальным соглашением, устанавливающим суверенные прерогативы и привилегии народа; пользуясь ею, они долгое время, после того как приобрели право на свои земли у коренных жителей страны и поселились на них, не несли никаких расходов короне.

Этот пункт в их хартии для этой страны, а именно (при условии, что ни один другой христианский принц не имеет на нее права), был молчаливым признанием того, что до заселения ни один христианский принц не имел на нее больше прав, чем другой. В это время процветания *Новой Англии* правительство здесь очень скупое давало свободы, за исключением тех, кто ^[148] соответствовал определенным требованиям. ^[149]В результате чего число невольных граждан значительно увеличилось, и они были очень недовольны тем, что были лишены возможности участвовать в управлении или голосовать за своих представителей *и т. д.* Это привело к тому, что многие из них были готовы присоединиться к тем, кто подрывал правительство, не учитывая должным образом, что было бы гораздо безопаснее попытаться убедить законодателей расширить их права.

Поэтому неудивительно, что в конце правления короля *Карла II* и короля *Якова* (когда большинство хартий в *Англии* были аннулированы) это было признано незаконным и в конечном итоге вынесено решение против него, и страна была поставлена под форму правления, наиболее подходящую для того времени, а именно Законодательная власть была передана губернатору (или президенту) и нескольким лицам, назначенным в его советники, без какого-либо учета законов *Англии* или прежних законов этой колонии. Таким образом, обстоятельства в этой стране стали несравненно хуже, чем в любой корпорации в *Англии*. Люди из этих корпораций по-прежнему признавались имеющими право на *Великую хартию вольностей*, когда их частные хартии были аннулированы. Но здесь, когда *Магна Карта* была приведена в качестве аргумента, людям ответили, что они не должны ожидать, что *Магна Карта* будет следовать за ними до конца света: не только их имущество, но и их жизни

стали тем самым полностью незащищенными. А судья *Палмер* [150] изложил в печати, что король имеет право предоставить такую комиссию над этим народом.

Нетрудно представить, что при таком мандате народ подвергался угнетению не только в виде налогов, но и в виде конфискаций и изъятий земель, если только не покупались патенты по завышенным ценам, а также многим другим непомерным нововведениям.

Первым, кто принял эту комиссию, был мистер *Дадли*, джентльмен, родившийся в этой стране, который лишь подготовил почву для сэра *Эдмунда Андроса*. Во времена которого ситуация дошла до такой крайности не только здесь, но и в *Англии*, что последующая революция стала абсолютно необходимой; революция здесь была ничем иным, как действием в соответствии с прецедентом, созданным *Англией*.

Во время правления сэра *Эдмунда* () мистер *Инкрейс Мазер*, учитель Северной церкви в *Бостоне*, подвергся некоторым неприятностям из-за действий *Фобба* ([151]), возложенных на него, и т. д. (хотя и с некоторым трудом) ему удалось бежать и добраться до *Англии*, где ему помогли некоторые друзья; по прибытии он обратился к королю *Джеймсу* с просьбой исправить те беды, от которых страдала страна, и, встретив, казалось бы, радушный прием и получив некоторые обещания, он получил все, что можно было разумно ожидать в то время. [152]

[149] В день революции здесь, хотя большая часть народа была за восстановление старого правительства в соответствии с прокламацией Его Королевского Высочества, дела были настолько запутаны, что народ был разогнан без него, не подозревая ничуть, что те, кто был отстранен от власти г-ном *Дадли*, восстановятся: Мистер *Бродстрит*, который тогда был губернатором, по возвращении домой в тот вечер сказал, что если бы он не думал, что они вернутся, то не вышел бы из дома в тот день (). [153] Но после этого некоторые, преследующие другие цели, имели возможность с помощью угроз и других средств не только убедить этого доброго старого джентльмена, но и заставить остальных членов правительства полностью отказаться от своих полномочий; заметив это, несколько человек воспользовались случаем, чтобы провозгласить себя Комитетом безопасности и взять на себя управление теми, кто согласился бы подчиняться им. [154]

Давно замечено, что государственные дела редко процветают, когда ими управляет духовенство. Среди противников возобновления деятельности были такие же энергичные, как и некоторые министры, а среди министров никто не был более яростным, чем мистер *Коттон Мазер*, пастор Северной церкви в *Бостоне*, который обвинил их в том, что они будут отвечать за возобновление деятельности в другой день. Одним из его аргументов против этого было то, что это будет оскорблением для его отца, который, по его словам, находился в *Англии*, работая над полным восстановлением привилегий хартии, не сомневаясь, что они будут быстро получены. Любой человек, знакомый с *Новой Англией*, не может не понимать, что такие речи от таких людей всегда были очень распространены. И поэтому даже те, кто считал себя обиженным (), если они не были причислены к числу лучших друзей *Новой Англии* и ее хартии, не удосужились взяться за это дело, хотя на самом деле ничто не мешало им пользоваться этими привилегиями. [155]

После того как Комитет безопасности просуществовал около семи недель, или, вернее, после того как анархия так долго торжествовала, была созвана Ассамблея, которая пришла к следующему решению и представила его тем господам, которые входили в правительство: если они не будут действовать в соответствии с Уставом, то Ассамблея назначит других на эту должность. Ответ на это был, что они согласны и т. д. И когда была подготовлена декларация, означающая такое возобновление, с одобрения депутатов, для публикации,

некоторые из противников настолько напугали этих господ, что перед публикацией в него была внесена оговорка [чтобы не было понятно, что они восстановили управление на основе Хартии], к немалому удивлению народа и разочарованию депутатов, которые, если бы те не пообещали поступить таким образом, приняли бы другие меры и назначили бы тех, кто бы это сделал.[156]

[150] Следующим важным шагом было избрание двух членов, а именно одного из верхней палаты и другого из нижней, обоих известных своей честностью и способностью поехать в *Англию*, чтобы добиться их переселения;[157] и, поскольку г-н *И. Мэзер* уже был там, они присоединились к нему, а также к некоему джентльмену в *Лондоне*[158] с этими двумя другими: Прибыв изсюда в *Лондон*, все они объединились в интересах страны, хотя и без желаемого результата. Они сомневались, что лучше: приложить все усилия для отмены приговора в судебном порядке, добиться этого парламентским путем или обратиться к Его Величеству с просьбой о восстановлении прежних привилегий; и, учитывая, что два первых варианта могут оказаться затяжными и дорогостоящими, а также по другим причинам, они решили выбрать последний и обратились к Его Величеству с просьбой о переселении в страну с прежними привилегиями и любыми дополнительными привилегиями, которые Его Величество в своей княжеской мудрости сочтет целесообразными. Соответственно, Его Величество благоволил объявить в Совете свое решение, а именно: что *Новой Англии* должна быть предоставлена хартия. Но после ознакомления с протоколом и проектом *новой хартии* два посланника из Новой Англии () пришли к мнению, что лучше дожидаться возвращения Его Величества из *Фландрии* в надежде добиться смягчения тех положений, которые могли бы быть сочтены обременительными. И это было результатом совета тех, кто был наиболее компетентен его дать, с кем они могли встретиться, и, соответственно, они полностью отказались от его принятия.[159]

Но, как говорится, г-н *Мэзер* и тот другой джентльмен получили другой совет, которому они энергично последовали, и поскольку Его Величество, как утверждается в этой книге о жизни сэра *Уильяма*, стр. 57, оставил им право назначить губернатора, они остановили свой выбор на сэре *Уильяме Фипсе*, который в то время находился в *Англии*, [как наиболее вероятном и способном служить интересам короля среди местного населения; в связи с изменениями в некоторых вещах, которые теперь стали для них неприемлемыми, стр. 62], и не дожидаясь согласия других агентов, была выдана хартия и т. д.[160]

Но мистер *Мэзер*, возможно, опасаясь, что ему не будет выражена большая благодарность за то, что он в значительной степени способствовал нанесению им этих неприемлемых изменений, написал и распорядился напечатать отчет о своих переговорах, но, несомненно, из-за некоторой ошибки в концепции, он оказался лишь *зародышем* и был задушен сразу же после появления. Один из них, задуманный как бы в качестве *посмертного*, был оставлен г-ну *Бейли*, бывшему жителю *Бостона* и члену *Северной церкви*, с поручением не показывать его никому, пока он не уедет в *Новую Англию*; однако, похоже, кто-то другой увидел его, что и стало поводом для г-на *Мазера* отправить ему то угрожающее письмо, которое некоторые называют буллой. Но помимо этого, опасаясь худшего, мистер *Мэзер* попросил нескольких *неконформистских* священников дать ему рекомендательные письма за его большие заслуги в этом деле.[161]

[151] Тем временем мистер *Коттон Мэзер*, испытывая некоторые сомнения по поводу того же самого, передал Эндрю Уорту () документ с баснями, в котором его отец под именем *Меркурий (Mercurius)*, а он сам под именем *Орфей (Orpheus)* восхваляются, а великие деяния *Меркурия* превозносятся; возвеличивается нынешняя хартия, принижая прежнюю как очень несовершенную, а всех, кто не соглашался с новой, называются неразумными; И

действительно, вся страна сравнивается с животными, за исключением *Меркурия* и *Орфея*, сам губернатор не может избежать сравнения со слоном, хотя он был столь же хорош, сколь и велик, а подчиненные, по словам *Орфея*, должны были благодарить *Меркурия* за спокойное пользование своими землями и т. д. Хотя эта статья была признана неподходящей для печати, все же было сделано несколько копий, поскольку автор продемонстрировал в ней разнообразные языческие знания.[162]

Это, вкратце, та выдающаяся заслуга, за которую упомянутый г-н *И. М.* так высоко восхваляется в настоящей книге. Настолько много страниц, что повторить их означало бы переписать значительную часть упомянутой книги.

И, без сомнения, он заслуживает такой же благодарности, как и доктор *Шарп*[163], когда он был послан пресвитерией *Шотландии*, чтобы добиться урегулирования вопроса об их церкви королем *Карлом II* при его восстановлении на престоле.

Не то чтобы нынешняя хартия *Новой Англии* действительно была ценной, поскольку она содержит особые привилегии, которые в полной мере обязывают этот народ выразить благодарность его величеству[164] и всю должную покорность тому, кого он соизволит назначить нашим губернатором; и молиться, чтобы Царь царей излил на него свои богатейшие благословения, даровав ему долгое и процветающее правление над народами, под благотворным влиянием которого угнетение и тирания могут исчезнуть.

И если Его Величество установил для этого народа нынешнюю форму правления, чтобы он мог лучше защищаться в военное время, или чтобы он мог лучше понять привилегию выбора своего собственного губернатора, лишившись ее, и если бы он милостиво согласился (после окончания войны) восстановить для них, как это уже было предоставлено остальным подданным его величества, полное использование их древних привилегий, то это было бы для них такой обязанностью благодарности и долга, которую они никогда не смогли бы забыть и достаточно выразить, и которая скорее уменьшила бы, чем увеличила расходы короны.

Что касается предполагаемого колдовства в *Новой Англии*, то, поскольку об этом уже было сказано достаточно, добавить больше нечего.

Во времена сэра *Эда Андроса*, его правительства, *Гуди Гловер*, презираемая, сумасшедшая, плохо воспитанная старуха, *ирландская* католичка, была судима за причинение вреда детям *Гудвинов*; из стенографического отчета о судебном разбирательстве, составленного для присяжных, можно заключить, что в целом ее ответы были бессмысленными, а ее поведение напоминало поведение сумасшедшей. Однако доктора, обнаружив, что она была такой же, как и много лет назад, признали ее *вменяемой*; и, отбросив ее безумные ответы на некоторые каверзные вопросы, доказательства против нее оказались совершенно недостаточными: присяжные признали ее виновной.[165]

Г-н *Коттон Мазер* был самым активным и смелым из всех священников в стране в этих вопросах: он взял одного из детей к себе домой и устроил с ним интриги, а затем напечатал отчет обо всем этом в своей книге «*Memorable Providences*», что в значительной степени способствовало разжиганию тех пламен, которые во времена сэра *Уильяма* угрожали поглотить эту страну.[166]

Многие считают, что царь *Саул*, изгнав ведьм из *Израиля*, перешел все границы и в своем рвении несправедливо убил *гаваонитов*, руководствуясь этим представлением. Однако после этого он пошел к ведьме, чтобы узнать свою судьбу. За несправедливое уничтожение

гаваонитов (помимо Божьего суда над страной) его сыновья были повешены, а за то, что он пошел к ведьме, он сам был казнен. Наш сэр Уильям Фипс не поступил так, но, как видно из этой книги, сначала ему предсказали судьбу (такими людьми, которых автор не считает лучшими), и хотя он отложил это (своему пастору, которого он не одобрял), как будто это было принесено ему в письменном виде, без его просьбы, и т. д. Однако, дойдя до этого и сохранив ее в течение стольких лет, он, по-видимому, придал ей некоторое значение, за что он дал писателю, после того как тот нашел корабль, в качестве награды более двухсот фунтов. То, что он сказал своей жене (с. 6), что он будет командиром, будет иметь кирпичный дом в Гринлейне,^[167] и т. д., могло быть связано с уверенностью в каком-то подобном предсказании, и то, что он мог предсказать ему (с. 90), что он будет губернатором Новой Англии, вероятно, было таким предсказанием (поскольку Писание этого не раскрывало). Такие предсказания считались бы в Салеме убедительными доказательствами колдовства и гораздо более весомыми, чем те, которые были против нескольких человек, пострадавших там. Но сэр Уильям, когда колдовство в Салеме начало (по его мнению) выглядеть угрожающим, чтобы действовать в этом деле безопасно, обратился за советом к министрам в Бостоне и его окрестностях; весь их совет и ответ напечатаны в «Случаях совести», на последних страницах. Но чтобы мир не остался в неведении о том, кто составил этот совет, в книге «Жизнь сэра Уильяма Фипса» на стр. 77 приведены слова, которые священники обратились к его превосходительству и совету, составленные по их просьбе, г-ном Матером Младшим, как мне сообщили. Г-н К. М. намеревался обмануть мир и заставить его думать, что не он сам, а кто-то другой отметил его (предполагаемую) хорошую службу, которая в противном случае была бы приписана всем священникам в целом, хотя на самом деле данный совет больше похож на его собственное сочинение, поскольку он несет в себе как огонь ^[153], чтобы разжечь пожар, так и воду, чтобы потушить его.^[168] Особенно после того, как свидетельство дьявола, данное предполагаемыми страдальцами, оказалось настолько убедительным, что лишило жизни одного человека и свободы сотни, а вся страна погрузилась в ужасающее смятение, был дан этот совет, сопровождаемый благодарностью за то, что уже было сделано, и в заключение призывая правительство к быстрому и энергичному преследованию в соответствии с законами Бога и здоровыми статутами английской нации, тем самым добавляя масло, а не воду в огонь; ибо кто так мало знаком с порядками Англии, чтобы не знать, что они приняли некоторые методы, подобные тем, которые здесь используются для выявления ведьм. Остальная часть совета «», состоящая из предостережений и указаний, включена в эту часть жизни сэра Уильяма. Таким образом, если сэр Уильям, глядя на благодарность за прошлое и призыв продолжать, продолжил лишать жизни еще девятнадцать человек, это соответствует совету, который, как говорят, дали ему священники, и если после этих казней дьявол будет оскорблен, потому что не поверили его свидетельству и оправдали и помиловали всех остальных обвиняемых, то это также соответствует тому совету, но чтобы перевесить чашу весов; тот же, кто дал этот совет, говорит в «Чудесах невидимого мира, встреченных чарах»: [что участвовать в чем-либо, что может помешать или затруднить регулярное выявление этого колдовства, — это то, чего мы вполне можем с святым страхом избегать: верные подданные Их Величеств не должны каждый день быть разрываемыми на куски ужасным колдовством, а эти кровавые преступники — оставаться полностью безнаказанными; колдовство — это дело, которое не будет прикрываться].^[169] Пастор той церкви, членом которой был сэр Уильям, придерживался этого принципа и, после предыдущего совета, так и заявил об этом; неудивительно, что это склонило чашу весов в пользу этих предостережений. Удивительно скорее то, что не было пролито больше крови, ибо если бы совет его пасторов все же возобладал над губернатором, колдовство не было бы так легко отвергнуто, как это произошло. Однако теперь в этой книге о жизни сэра Уильяма помилование заключенных,

когда они были осуждены (), и освобождение тюрем называется (с. 82) победой над дьяволом, добавляя это завоевание к остальным благородным достижениям сэра *Уильяма*, хотя оно было совершено не только вопреки, но и прямо против совета его пасторов. Но это еще не все: хотя эта книга претендует на то, чтобы воздвигнуть памятник в честь сэра *Уильяма*, тем не менее, похоже, что честовать его было последней задачей автора, а скорее честовать себя самого и священников; что было так несправедливо по отношению к сэру *Уильяму*, что дать полный отчет о предостережениях, данных ему, но намеренно скрывая от читателя поощрения и увещевания продолжать, которые были представлены ему (под названием «советы священников»), фактически говоря миру, что эти казни в *Салеме* были без и против совета министров, выраженного в этих предостережениях, намеренно скрывая их благодарность за то, что уже было сделано, и призывы продолжать; тем самым делая сэра *Уильяма* настолько оптимистичным, что министры имели основания опасаться, что он продолжит трагедию, хотя и против их совета; поэтому они просили президента написать о своих *случаях совести и т. д.* Ссылка на дезинформацию здесь не спасет, как бы она ни казалась оправданием для других вещей, но является явной, преднамеренной пародией или искажением совета священников сэру *Уильяму*, сокрытием правды и обидой покойных, которых автор так сильно притворяется почитать; за что признание должно быть столь же всеобщим, как и правонарушение. Но хотя совет министров, или, вернее, совет г-на *К. Мазера*, был совершенно двусмысленным, давая столько же или даже больше поощрения для продолжения этих темных методов, чем предостережений против [154] них, тем не менее, поскольку были обвинены многие выдающиеся личности, было необходимо положить этому конец. Если верно то, что было сказано на совете в ответ на похвалу сэра *Уильяма* за то, что он остановил разбирательства по делу о колдовстве, а именно, что ему давно пора было это сделать, поскольку была обвинена его собственная жена, если это утверждение было правдой, то *Новая Англия*, по-видимому, должна быть более благодарна обвинителям за то, что они обвинили ее и тем самым вынудили положить этому конец, чем сэру *Уильяму* или совету, который дал ему его пастор. [170]

Г-н *К. М.*, который был очень активен в написании книг о колдовстве, не был столь активен в объяснении или защите доктринальной части этих книг, и он не осмелился высказать свои убеждения (на составление которых у него ушло целый год), чтобы их не скопировали. [171] Тем не менее, в этой части «*Жизни сэра Уильяма*» он достаточно ясно свидетельствует о том, что сохраняет эту неортодоксальную веру, пытаясь с помощью страшных рассказов о страданиях одних и обостренном зрении других *и т. д.* (с. 69) навязать миру и утвердить такую веру, которую до сих пор он не может или не хочет защищать, как будто пролитой уже крови было недостаточно. [172]

Г-н *И. Мэзер* в своей книге «*Случаи совести*» (стр. 25) рассказывает о заколдованном глазе и о том, что такой глаз может видеть больше, чем другие. Это были, безусловно, заколдованные глаза, которые могли видеть как закрытыми, так и открытыми, которые могли видеть то, чего никогда не было, которые могли видеть, как заключенные наносят вред страдающим, в то время как те, чьи глаза не были заколдованы, могли поклясться, что те не шевелились за решеткой. Говорят, что обвинители сильно страдали от укусов, стр. 73. И отпечатки именно таких зубов, как у тех, кого они обвиняли, но те, у кого не было таких заколдованных глаз, видели, как обвинители кусали самих себя, а потом жаловались на обвиняемых. Также было замечено, что когда у обвиняемого не было таких зубов, у него не было ни одного зуба в голове (). [173] Это были такие заколдованные глаза, которые могли видеть ядовитый порошок (принесенный призраками, стр. 70) и которые могли видеть в пепле отпечаток клейма, невидимо нагретого, чтобы мучить мнимых страдальцев, *и т. д.* [174]

Эти и другие подобные легенды имеют прямую тенденцию, *а именно*: рассказать миру, что дьявол более готов служить своим поклонникам, делая для них вещи, превышающие или противоречащие ходу природы, показывая себя им и заключая с ними явные договоры *и т. д.*, чем Божественное Существо своим верным слугам, и что, поскольку он желает, он также способен исполнить их желания.^[175] Считается, что эти люди обретают способность причинять вред своим соседям благодаря договору с дьяволом и что они имеют власть *поручать* ему совершать эти злодеяния, стр. 72. Как бы иррациональны и небиблейски ни были такие утверждения, они, тем не менее, кажутся необходимой частью *веры* тех, кто поддерживает веру в существование такого рода *ведьм*.

Поскольку в Писании ничего не говорится о заключении договора с ведьмой или поручении ей совершать зло, разум не может понять, как смертные могут своей злобой обрести способность поручать ангелам, падшим ангелам, причинять вред своим невинным соседям. Но Священное Писание полно примеров того, что Всемогущее Божественное Существо имеет эту прерогативу использовать любой инструмент, который ему угодно, для наказания кого-либо, и, следовательно, поручать задачи дьяволам. И хотя это слово «поручать» в предыдущих книгах автора можно было бы счесть небрежностью, но теперь, после того как он был предупрежден об этом, упорство в его использовании кажется весьма преступным. И поэтому во имя Бога я здесь обвиняю такое верование в святотатстве высшей степени, которое гораздо хуже кражи церковного серебра *и т. п.* Поскольку это более тяжкое преступление — украсть какие-либо из славных атрибутов Всемогущего, чтобы даровать их смертным, чем украсть предметы, предназначенные для Его служения. А является ли прямым богохульством приписывание такой власти назначать дьяволов худшим из людей, я оставляю решать другим, более способным к этому. Когда *фарисеи* были настолько злы, что приписывали *Вельзевулу* могущественные дела Христа (которыми Он явно проявил Свою силу и божественность), тогда наш Спаситель объявил грех против Святого Духа непростительным.

Когда праведный Бог борется с отступниками-грешниками за их отступничество от Него, наказывая их такими бедствиями, как язвы, землетрясения, бури и ураганы, болезни и недуги, войны, гибель скота *и т. д.* Тогда не только приписывать это дьяволу, но и обвинять друг друга в том, что мы посылаем или поручаем этим дьяволам совершать эти вещи, является настолько отвратительным и злым, что требует более мудрого суждения, чем мое, чтобы дать этому справедливое название.^[176]

Но то, что так называемые христиане не только обвиняют в этом своих братьев, но и прибегают к судебным разбирательствам и казням (), приписывая все добро врагу и обвинителю братьев, а не веря своим соседям, когда те защищаются, — это настолько дьявольское зло, что может исходить только из учения бесов; насколько оно проклято, пусть обсуждают другие. Хотя подобные вещи имели место в этой стране во времена сэра *Уильяма*, тем не менее, на стр. 65 есть рассуждение о ангеле-хранителе, который тогда наблюдал за этим, и каким бы ни было это представление, оно может соответствовать вере *этников* или фантазиям *Тритемия*, но несомненно, что Всеприсутствующее Существо, в отличие от земных правителей, не нуждается в управлении миром через заместников. И если сэр *Уильям* имел такой невидимый образец для подражания, то неудивительно, что некоторые из его действий были необъяснимы, особенно те, которые касались колдовства: ибо если в этих действиях был ангел-надзиратель, то нет оснований полагать, что это был *Гавриил* или дух *Меркурия*, или *Ханаэль*, ангел или дух *Венеры*, или *Самуил*, ангел или дух *Марса*; имена, выдуманные упомянутым *Тритемием* *и т. д.* Скорее можно подумать, что это был *Аполлион* или *Абаддон*.

Возражение. Но здесь можно сказать: разве ведьм не существует? Разве закон Божий не повелевает искоренять их? Разве это повеление тщетно и непонятно? *Ответ.* Любой, кто скажет, что ведьма — это та, кто заключает договор с дьяволами и поручает им выполнять свои задания *и т. д.*, на самом деле делает закон Божий тщетным и непонятным, как не предоставивший никакого способа, с помощью которого их можно было бы обнаружить и доказать, что они таковы; и как *евреи* преодолевали эту трудность на протяжении стольких веков без дополнений г-на *Перкинса* и *Бернарда* к этому, было бы очень загадочно. Но тому, кто может читать Писание без предубеждений, вызванных образованием *и т. д.*, будет очевидно, что Писание полно и понятно как в отношении преступления, так и в отношении средств выявления виновных. Тот, кто впредь увидит какого-либо человека, который, чтобы укрепить людей в ложном убеждении о силе ведьм и дьяволов, притворяется, что имеет знак, подтверждающий это, такой как сбивание невидимых цепей рукой, изгнание дьяволов щеткой, удары мечом или палкой, чтобы ранить человека на большом расстоянии, *и т. д.*, может (согласно мысли г-на *Голса*, процитированной г-ном *К. М.* и столь часто упоминаемой в данном документе, а также столь хорошо доказанной Священным Писанием) заключить, что он был *свидетелем колдовства*.

[156] Если *Валаам* стал колдуном, принося жертвы и молясь истинному Богу против своего видимого народа, то тот, кто будет молиться, чтобы страдающие (от их *призрачного* зрения) могли обвинить какое-либо другое лицо (чем подвергнуть опасности их репутацию и жизнь), такой справедливо заслужит имя *колдуна*. Если кто-либо притворяется, что знает больше, чем можно узнать человеческими средствами, и в то же время заявляет, что получил это знание от *черного человека, т. е. дьявола*, и на основании этого будет давать показания против жизни других людей (), то он явно является тем, кто имеет знакомого духа; и если кто-либо, зная, что он получил свою информацию от *черного человека*, будет расспрашивать его о его показаниях против других, то он имеет дело с тем, кто имеет *знакомого духа*.

И если эти люди будут притворяться, что *видят мертвых* своим *призрачным зрением*, а другие будут расспрашивать их и получать ответы о том, что *говорят мертвые* и кого они обвиняют, то и те, и другие по Писанию *виновны в некромантии*.

Все это преступления, которые так же легко доказать, как и любые другие, и доказать их можно с помощью таких доказательств, которые требует Закон Божий, так что это *не непонятный закон*.

Но если нечестие времени таково, что эти преступники не только уходят безнаказанными, но и поощряются в своем зле и используются для лишения жизни других, это хуже, чем сделать закон Божий *бессмысленным*, поскольку это делает его *опасным* для жизни невинных и лишает всякой надежды на улучшение, пока сохраняются эти кровавые принципы.

До тех пор, пока христиане считают *закон Божий несовершенным*, поскольку он не описывает преступление, которое требует наказания смертью.

До тех пор, пока люди позволяют отравлять свое образование и основываться на *ложных верованиях, изложенных в книгах язычников*.

До тех пор, пока будут верить, что *дьявол обладает естественной силой, позволяющей ему действовать выше и против естественного хода вещей*.

До тех пор, пока *ведьмы* будут считаться обладающими силой *назначать его*.

До тех пор, пока *показания дьявола*, данные якобы пострадавшими, будут считаться более *весомыми для вынесения обвинительного приговора*, чем их заявления о *невиновности* для вынесения оправдательного приговора.

До тех пор, пока *обвиняемым* будут подтверждены и возвращены их *жизнь и свобода* после признания себя виновными.

До тех пор, пока *обвиняемые* будут вынуждены *подвергаться тяготам и мучениям* за то, что они не признают себя виновными.

До тех пор, пока на телах обвиняемых будут искать *следы от укусов дьявола* как доказательство вины.

До тех пор, пока *молитва «Отче наш»* будет оскверняться, используя в качестве теста для определения виновных.

До тех пор, пока *колдовство, чародейство, знакомые духи и некромантия* будут использоваться для выявления *ведьм и т. д.*

До тех пор можно ожидать, что невинные будут страдать как ведьмы.

До тех пор Бог будет ежедневно поносим, и до тех пор следует ожидать, что Его суды будут продолжаться.^[177]

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

^[137] Это предположение вполне обосновано, как видно из выдержки из дневника г-на Мазера, напечатанной в *книге* Куинси «*Hist. N. S. i, 60*». Жизнь Фипса в основном включена в «*Magnalia*». В первоначальном издании она является значительной редкостью.

^[138] См. т. I, стр. 25-6.

^[139] Это суждение было поддержано потомками. Руки Фипса были связаны. Он не мог поступить иначе, даже если бы имел знания и склонность к этому, не оскорбив президента Мазера, который обеспечил его продвижение по службе.

^[140] На это довольно мягкое и безобидное замечание автора г-н Мэзер отвечает: «Последним проявлением его [Кэлефа] злобы является постскриптум против жизни сэра Уильяма Фипса, память о котором, почему же те, чьи *глотки являются открытыми гробницами*, должны быть настолько чудовищно завистливы, что, как шакалы, не могут дать ему покоя в его гробнице, добрые люди не могут представить себе никакой другой причины, кроме третьей главы Книги Бытия». — *Несколько замечаний*, &c. 47.

^[141] «Я перенес немало от некоторых людей за то, что написал «Жизнь сэра Уильяма Фипса» и хорошо отзывался о нем, не делая и не говоря ничего плохого ни о ком из добрых людей под всем небом, во всей своей сокровенности. Похоже, теперь я должен написать извинение за эту книгу, за которую у меня нет никаких оправданий, кроме того, *что я не хочу, чтобы в ней была не написана ни одна строка*». — Там же, 47-8.

^[142] Надо признать, что доктор был немного несчастлив в своем выборе героя, по которому он оценивал себя.

[143] «Тремя почтенными лицами» были «Нэт Мэзер, Джон Хоу и Мэтью Мид». Первый был дядей доктора Коттона Мэзера, тогдашнего священника в Дублине, где он умер через несколько месяцев. Хоу и Мид слишком хорошо известны, чтобы требовать упоминания здесь.

[144] На это доктор Мэзер отвечает: «Когда мои противники, с придуманной злобой, сделали все, что могли, они подумали, что, по крайней мере, нашли один отрывок, в котором они могли бы усомниться в моей правдивости. Я сказал, что перед Квебеком сэр Уильям находился *в пределах досягаемости вражеских пушек*, и что его корабль был пробит *в сотне мест*, и что он был пробит *двадцатичетырехфунтовыми пушками*. (Это грубая несправедливость со стороны кого-либо, кто интерпретирует мои слова так, как будто все выстрелы были такими). И теперь они прибегают к трагическим восклицаниям; они считают, что *24-фунтовые пушки* слишком малы для того, чтобы с их помощью засыпать меня криками... Я написал не более, чем те самые слова, которые нашел в журнале экспедиции в Квебек... Сам Калеф недавно признал, что он искренне верит, что я так и поступил». — *Несколько замечаний* и т. д. 51-2.

[145] После того, как доктор сказал, что его «избили криками», он торжествующе воскликнул: «Но подожди, Робин [христианское имя мистера Калефа — Роберт], я еще не так скоро сдамся, и статуя, как я тебе уже сказал, *выбила тебе мозги!*» — Там же, стр. 52. Он называет свою жизнь Фипса *статуйей*.

[146] Суровый и неуправляемый характер губернатора был широко известен в его время. См. «Жизнь Фипса» в «Магналии», кн. II, стр. 72 и далее.

[147] «Не стоит обращать внимание на все, что говорит этот *теленек*, ведь это часто бывает так неуместно; однако мы раскроем еще одну вещь. Он говорит, что мистер Мэзер добился для сэра Уильяма устав, чтобы тот стал губернатором, а *сам стал президентом колледжа*. Может ли быть большая чепуха, смешанная со злобой! Как это могло быть, если мистер Мэзер был президентом колледжа *за десять лет* до того, как сэр Уильям стал губернатором?» Это очень поверхностная попытка опровергнуть правдивость заявления мистера Калефа с помощью гиперкритицизма. Все знали, что доктор И. Мэзер был президентом колледжа. Смысл слов г-на Калефа достаточно ясен, а именно, что забота г-на Мэзера заключалась в том, *чтобы сохранить* свою должность президента.

[148] «Следует признать и сожалеть о том, что многие жители Новой Англии, особенно молодые люди, были увлечены мелкими *колдовствами*, в которых они *тайно совершали то, что было неправо перед Господом, их Богом*; они часто лечили раны *заклинаниями* и практиковали отвратительные заклинания с помощью *сит, ключей, гороха, гвоздей, подков* и других предметов, чтобы узнать то, к чему у них было запретное и нечестивое любопытство. В страну проникли злосчастные книги, в которых глупцам объяснялось, как стать способными предсказателями». — *Жизнь сэра У. Фипса*. См. *Magnalia*, B. ii, 60. Примерно двадцать лет спустя взгляды автора претерпели небольшие изменения. См. *Remarkables*, 161 и далее.

[149] Полный список всех свободных граждан Массачусетса и необходимых для этого квалификаций можно найти в *New Eng. Hist. and Gen. Register*, тома III, IV и VII.

[150] Книга Палмера озаглавлена так: «Беспристрастный отчет о состоянии Новой Англии: или оправдание покойного правительства. В ответ на декларацию, выдвинутую фракцией, когда она свергла это правительство. С описанием ужасного обращения, которому они подвергли губернатора, его совет и всех, кто имел полномочия от Его Величества. В письме к

духовенству этого штата. Джон Палмер. Лондон: Напечатано для Эдварда Пула, в магазине «Корабль» напротив Королевской биржи, в Корнхилле, 1690 г.». 4to, 40 страниц. Эта работа будет переиздана Обществом Принца.

[151] Иски, предъявленные без оснований.

[152] «Высшие джентльмены в угнетенной стране полагали, что хорошо подготовленный человек, отправляющийся с обращениями церквей к королю, мог бы с помощью таких протестантских диссидентов, к которым король начал относиться с уважением из политических соображений, добиться некоторого облегчения растущих бедствий страны; и мистер Мэзер был тем человеком, на которого пал выбор... К его удивлению, те, кто в другое время скорее бы расстались со своими глазами, чем с ним, теперь были готовы это сделать». — *Remarkables of Dr. I. Mather*, 103.

[153] Г-ну Брэдстриту тогда было около 86 лет. Довольно полный отчет о событиях этого периода можно прочитать в Hutchinson, *Hist. Mass.*, i, sub. An. 1689: «Представители 54 городов собрались в Бостоне 22 мая. Они вскоре обнаружили желание восстановить хартию. Большая часть совета была против этого». Там же, i, 386, первое издание.

[154] Я не нахожу упоминания об этом в «Нескольких замечаниях».

[155] См. «Историю Новой Англии» Нила, где можно найти полный текст «Декларации», в которой говорится: «Тщательно и всесторонне изучив мнения и указания нескольких городов, мы пришли к выводу, что все наши города единодушно согласны возобновить управление в соответствии с правами, закрепленными в хартии» и т. д. Том II, 55.

[156] *Нижеподписанное* отречение не относится к напечатанной Декларации. Нил говорит: «Несомненно, провинции Массачусетса понесли тяжелый удар, лишившись своей хартии, и еще более тяжелый, не получив ее обратно после революции» и т. д. Том II, 59.

[157] Элиша Кук и Томас Оукс, оба помощники. См. Хатчинсон, «История Массачусетса», i, 393.

[158] Сэр Генри Эшерст.

[159] Доктор И. Мэзер так описывает это дело: «Когда король благоволил отдать прямой приказ о выдаче хартии Новой Англии, агенты не имели права говорить: «Так не будет». Правда, что все агенты, увидев, какие положения будут включены в хартию, хотели отложить ее подписание до счастливого возвращения короля в Англию. И я могу без тщеславия сказать, что никто не старался об этом больше, чем я. Я просил архиепископа Тиллотсона заступиться за нас перед королевой, и он по моей просьбе так и поступил. Кроме того, я составил несколько доводов против того, что в протоколе новой хартии является для нас наиболее тягостным; они были переданы сэром Генри Ашерстом и мной генеральному прокурору Его Величества 24 июля 1691 года, и я также отправил их лорду Сиднею, одному из главных государственных секретарей Его Величества, который в то время находился с королем во Фландрии». — *Несколько замечаний*, 22-3. Лорд Генри Сидней впоследствии стал графом Ромни.

[160] Полагая, что до возвращения короля никаких дальнейших действий по поводу хартии не будет, г-н Мэзер говорит, что он уехал в деревню, чтобы поправить свое ухудшившееся здоровье, где, не пробыв и трех недель, он был удивлен тем, что его вызвали в Лондон «с информацией о том, что король выразил свое королевское желание графу Ноттингему, чтобы была проведена процедура с хартией для колонии Массачусетс в соответствии с

протоколом, который был согласован лордами Комитета по плантациям, несмотря на возражения агентов». — *Несколько замечаний*, 23.

[161] Этот документ напечатан в только что упомянутом труде, на страницах 14–18, а также сыном в его «*Замечаниях о своем отце*», на страницах 157–160. Опровержение «буллы» было отмечено на одной из предыдущих страниц.

[162] Редактор не может сказать, был ли когда-либо напечатан этот документ, содержащий *разнообразные языческие знания*.

[163] Защитники доктора Мазера говорят, что, судя по тому, что они слышали об истории доктора Шарпа, пытавшегося «стать епископом, он сделал все, что мог, чтобы подорвать пресвитерианское правительство», и продолжают: «Конечно, *сам* сатана не мог бы не покраснеть, сказав, что мистер Мазер когда-либо пытался разрушить правительство Новой Англии, будь то в отношении гражданской или церковной конституции». — *Несколько замечаний*, 29, 30. Мистер Калеф далек от того, чтобы выдвигать подобные обвинения. Некоторые более поздние авторы гораздо суровее к доктору Мазеру, чем он. См. Бейлис, *Н. Плимут*, iv, 134.

[164] После извлечения этого признания нашего автора его рецензенты говорят: «С каким же лицом он может намекать, что не следует благодарить тех, кто помог получить столь ценную хартию и столько особых привилегий? Наверняка он был не в себе, когда писал такие вещи». — *Там же*, стр. 30.

[165] Авторы «*Нескольких замечаний*» печатают письмо г-на Джона Гудвина как триумфальное оправдание того, что д-р Коттон Мазер опубликовал в отношении колдовства над детьми Гудвина. Письмо слишком длинное и неважное, чтобы занимать место здесь. Его можно прочитать на страницах 62 и 63 этой работы. Конечно, это попытка поддержать рассказ доктора Мазера, суть которого изложена в «*Магналии*». Затем они продолжают: «Теперь посмотрите, как активно и энергично действовал мистер Мазер, занимаясь делами, связанными с этой женщиной; и удивляйтесь, что *кто-то* вообще может намекать миру на вещи, которые, как известно большинству тех, кто слышал об этих страдающих детях, настолько далеки от *правды*, что вы делаете все, что в ваших силах, чтобы умалить уважение к этим слугам Христа (которых вы делаете своими главными *мишенями*) среди народа Господня... Мы молим Бога *простить* вам ваш грех и даровать вам благодать покаяния». — *Там же*, 65. См. также *Magnalia*, B. ii, 61, где говорится, что мистер Джозеф Дадли был главным судьей, когда бедная старая сумасшедшая женщина была судима и казнена.

[166] Доктор Мэзер отвечает: «После того, как в Салеме разразилась буря, я сам предложил предоставить еду, питье и жилье не менее чем *шестерым* из пострадавших, чтобы провести эксперимент и проверить, не положит ли конец возникшим бедам *молитва с постом*, если удалить этих несчастных друг от друга, не создавая гражданским властям хлопот с применением закона в этом случае. Вы спросите: как же тогда получилось, что многие люди составили обо мне другое мнение? По правде говоря, *это знает только сатана*. Возможно, это произошло потому, что я считал своим долгом всегда говорить о почтенных судьях с максимальным уважением (за что меня обычно осуждают и *за что я был щедро вознагражден!*). Это заставило людей, которые судят о вещах *на расстоянии*, вообразить, что я одобряю все, что было сделано». — *Там же*, 39-40. Конечно, если слова что-то значат, то

то, что он опубликовал, полностью оправдывает этот вывод, несмотря на его редкую *двуручность*. См. т. I, *Ubique loci*.

[167] В те времена улица Сейлем называлась *Грин-Лейн*; на углу этой улицы и Чартер-стрит фактически проживал губернатор. См. «История и древности разума», 816.

[168] Доктор Мэзер отвечает: «Более того, когда министры представили губернатору и совету свое мнение против проведения *спектаклей с призраками*, которые можно было бы расценивать как *предположение о колдовстве*, это была моя скромная рука, которая написала это мнение, и мое сердце всегда было в нем». — *Some Few Remarks*, 38-9. Но доктор не объясняет, как, говоря об этом *обращении* в «Жизни Фипса», он пришел к использованию этих слов — *как мне сообщили* — в то время как в «*Some Few Remarks*» он признает, что оно было составлено его *скромной рукой*. См. «Жизнь Фипса» в *Magnalia*, книга II, 63.

[169] См. том I, стр. 34.

[170] Доктор Дуглас идет дальше в этом вопросе. Он говорит, что «некоторые из признавшихся ведьм, переиграв свои роли в обвинении некоторых родственников губернатора Фипса и преподобного Мазера, а также некоторых обвиняемых добрых христиан и людей с хорошим состоянием, арестовали обвинителей за клевету; это положило конец обвинениям». — *Резюме*, i, 450.

[171] Ссылка на определенные письменные ответы, переданные г-ну Калефу с запретом на их печать. См. *выше*, т. II, стр. 86.

[172] Это утверждение полностью подтверждается, как можно увидеть, обратившись к «Жизни Фипса», как указано выше, или к тому же в «*Магналии*», B. ii, 60 и далее; здесь достаточно одного выдержки: «Но из всех *сверхъестественных* явлений, которые происходили с этими людьми, не было ничего более необъяснимого, чем те, в которых престижные *демоны* время от времени покрывали самые *материальные* вещи в мире *очаровательной* *пеленой* невидимости. Как и сейчас: одна женщина подверглась жестокому нападению *призрака*, который, по ее словам, бросился на нее с *веретеном*, хотя никто другой в комнате не мог видеть ни *призрака*, ни *веретена*: Наконец, в агонии, она схватила *призрак* и вырвала *веретено*; и как только оно оказалось в ее руке, другие присутствующие увидели, что это было действительно настоящее, настоящее железное *веретено*, которое, когда они заперли его в надежном месте, все же было унесено *демонами*, чтобы творить дальнейшее зло». В книге «*Чудеса невидимого мира*» (том I, 205) эта история о веретене представлена среди *курьезов* и, как автор сообщает читателю, приводится в качестве «кости для разгрызания» для *догматиков*. См. также Лоусон, 102.

[173] Очень интересно услышать рассказ доктора об этом: «Было также обнаружено, что тело страдающего часто было изрыто *укусами* настолько, что на нем оставались не только *отпечатки зубов*, но и *слюна*: так как на нем были видны именно *те зубы*, которые были у *обвиняемого*, даже такие, которые можно было ясно отличить от зубов других людей. И обычно *страдающие* переживали ужасные трудности от мучительных *призраков*, и их приходилось долго ждать, прежде чем они могли получить передышку от своих мучителей, чтобы дать свои показания». — *Жизнь Фипса*, в *Magnalia*, B. ii, 61-2.

[174] Доктор должен быть услышан еще раз, иначе читатель не сможет получить полного представления о том, что раскрывает наш автор: «Несчастные кричали от боли, когда их клеймили раскаленными *железами*, нагретыми в огне в камине; и хотя стоявшие рядом не могли видеть *железа*, они ясно видели отпечатки от него в пепле и *чувствовали* его запах,

когда *невидимые фурии* несли его к бедным существам, для которых оно было предназначено; и эти бедные существа были таким образом *заклеймены*, что будут носить эти метки до самой смерти. И это еще не *десятая часть чудес*, которые произошли среди жителей Новой Англии». — Там же, стр. 61. Если кто-нибудь, прочитав эти решительно выраженные мнения ученого доктора, будет сомневаться в его крайней легковёрности и вере в колдовство, то вряд ли в силах человека развеять эти сомнения.

[175] Крики «богохульник, саддукей, неверующий, лжец, клеветник» и т. д. не могли ни тогда, ни в любое другое время изменить факты, так правдиво и лаконично изложенные здесь. Против вышесказанного можно найти следующее: «Он намекает, что наши преподобные священники делают дьявола *независимым существом* и (как он говорит) *следовательно богом*. Отвратительное обвинение!» — *Несколько замечаний*, 8, 9. См. также т. I, стр. 72-3.

[176] И все же, несмотря на то, что эта абсурдная чепуха противоречит здравому смыслу, она была общепринятым убеждением и *защищается* в «*Нескольких замечаниях*», стр. 8: «Все священники в стране обвиняются в святотатстве высшей степени, если не в прямом богохульстве и дьявольском злодеянии». Сразу же становится ясно, что это обвинение столь же несправедливо, сколь и злонамеренно в своей слепоте. Хорошо написал наш квакерский поэт около 17 лет назад:

«Когда мысли человека свободны,
Ошибка боится даже самых легких ее звуков;
И священник воскликнул: «Саддукей!»
И народ поднял камни».

[177] Эти заметки можно уместно завершить еще одним отрывком из произведения нашего милого поэта-квакера, который, похоже, внимательно изучил характер как *чудес*, так и *еще больших чудес*:

«В торжественные дни древности
Двое мужчин встретились в Бостоне —
Один — откровенный и смелый купец,
Другой — известный проповедник.
Воскликнул последний горьким тоном:
«Пленник колодцев истины,
Наемник сатаны, ты посеял
Сердца молодежи его плевелами!»
Тогда честный купец сказал:
«Да будет Бог судьей между тобой и мной;
Все, что ты знаешь об Истине, было
Для таких, как ты, ложью».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

НОМЕР I.

Допрос Джайлса Кори.

Почему этот допрос не был приведен доктором Матером в его отчете о колдовстве, сказать точно нельзя; можно только предположить, что он был опущен по одной из двух следующих причин: 1) возможно, он был сочтен недостаточно обвинительным для обвиняемого; или 2) он был отвергнут, как и большая часть материалов дела, из-за нехватки места. Похоже, что сейчас его нет среди копий недавно сделанных протоколов, иначе мистер Вудворд не опустил бы его в своей работе. Он приводится здесь в том виде, в каком его переписал мистер Дэвид Пулсифер для издания «*More Wonders, &c.*», опубликованного в Салеме издательством Cushing & Appleton в 1823 году. Предыдущее издание, конечно, его не содержит.^[178]

Допрос Джайлса Кори в суде деревни Салем, проводившийся Джоном Хаторном и Джонатаном Кервином, эсквайрами, 19 апреля 1692 года.

Джайлс Кори, вы предстали перед властями по подозрению в различных актах колдовства. Теперь расскажите нам правду по этому делу.

Я надеюсь, что с Божьей помощью я это сделаю, потому что я никогда в жизни не имел к этому никакого отношения.

Кто из вас видел, как этот человек причинил вам вред?

Мэри Уолкотт, Мерси Льюис, Энн Путман-младшая и Эбигейл Уильямс подтвердили, что он причинил им вред.

Он причинил вред и вам? — обратился он к Элизабет Хаббард. Она собиралась ответить, но ее помешал приступ.

Бенджамин Голд, он причинил вам вред?

Я видел его несколько раз и после этого был обижен, но не могу утверждать, что это был он.

Он приносил эту книгу кому-нибудь из вас?

Мэри Уолкотт, Эбигейл Уильямс и другие подтвердили, что он приносил им книгу.

Джайлс Кори, они обвиняют вас или вашего помощника в том, что вы причинили им вред и принесли им книгу. Что вы скажете? Почему вы причинили им вред? Скажите нам правду.

Я никогда не причинял им вреда.

Они обвиняют вас в том, что ваш внешний вид причиняет им боль; скажите нам. Что вы сделали?

Я не сделал ничего, чтобы причинить им вред.

Вы никогда не заключали договора с дьяволом?

Никогда.

Какие искушения были у тебя?

Я никогда в жизни не испытывал искушений.

Что! Вы сделали это без искушений?

По какой причине (спросила добрая жена Биббер) вы испугались в коровнике? И тут вопрошающий внезапно был охвачен сильным приступом.

Сэмюэл Брейбрук, Гудман Биббер и его дочь свидетельствовали, что он рассказал им этим утром, что испугался в коровнике.

Кори это отрицал.

Дело было не в твоём внешнем виде, а в твоей личности, и ты сказал им об этом сегодня утром. Почему ты это отрицаешь?

Что вы видели меня в коровнике?

Я не видел ничего, кроме своего скота.

Несколько свидетелей подтвердили, что он сказал им, что испугался.

Что вы скажете этим свидетелям?

Что вас напугало?

Я не знаю, чтобы я когда-либо произносил это слово в своей жизни.

Скажите правду. Что вас напугало?

Я не знаю, что меня испугало.

Все страдающие были теперь охвачены приступами и мучились от укусов. Тогда суд приказал связать ему руки.

Что! Неужели тебе недостаточно заниматься колдовством в другое время, ты должен делать это сейчас, на глазах у властей?

Я бедное создание и не могу ничего с этим поделать.

По его просьбе им снова нанесли удары по голове и шее.

Почему вы рассказываете такие злобные ложь против свидетелей, которые слышали, как вы говорили таким образом, сегодня утром?

Я никогда не видел ничего, кроме черной свиньи.

Вы сказали, что однажды вас остановили во время молитвы; что вас остановило?

Я не могу сказать. Моя жена подошла ко мне и упрекнула меня за то, что я говорил «жить для Бога и умереть для греха».

Что вас напугало в сарае?

Я знаю, что меня там ничего не пугало.

Почему же три свидетеля слышали, как вы сегодня так говорили?

Я этого не помню.

Томас Голд свидетельствовал, что слышал, как он сказал, что знает достаточно против своей жены, чтобы решить ее проблему.

Что ты знал против своей жены?

Ну, то, что нужно жить для Бога и умереть для греха.

Маршал и дочь Биббера подтвердили то же самое: он сказал, что может сказать, что это решит дело его жены.

Я сказал все, что мог сказать по этому поводу.

А что было с твоим волом?

Я думал, что он был болен.

Какая мазь была у вашей жены, когда ее схватил приступ? Вы сказали, что это была мазь, которую она приготовила по указанию майора Гидни.

Он это отрицал и сказал, что она получила его от Гудди Биббер или по ее указанию.

Гудди Биббер сказала, что это не похоже на ту мазь.

Вы сказали, что знаете из собственного опыта, что она получила его от майора Гидни.

Он это отрицал.

Разве вы не сказали, когда ехали с женой на паром, что не поедете в Бостон сейчас, потому что должны приехать сами на следующей неделе?

Я не поехал, потому что у меня не было денег.

Маршал подтвердил, что он сказал то же, что и раньше.

Одна из его рук была отпущена, а несколько других были поражены. Он наклонил голову в одну сторону, а затем головы нескольких пораженных были наклонены в одну сторону. Он втянул щеки, и щеки некоторых из пораженных были втянуты.

Джон Биббер и его жена дали показания о некоторых искушениях, которые он испытывал, чтобы покончить с собой.

Как это согласуется с тем, что вы сказали, что у вас не было искушений?

Я имел в виду искушения к колдовству.

Если вы можете поддаться самоубийству, это приведет к искушению заняться колдовством.

Примечание. — Несколько свидетелей подтвердили, что он говорил, что покончит с собой и возложит вину за свою смерть на своего сына.

Гудди Биббер свидетельствовала, что упомянутый Кори назвал мужа Биббер проклятым дьявольским мошенником.

Другие гнусные выражения были подтверждены в открытом суде несколькими другими свидетелями.

Деревня Салем, 19 апреля 1692 года. Г-н Сэмюэл Пэрис, которому было поручено записать допрос Джайлса Кори, представил его; и, заслушав его и увидев то, что мы видели во время его допроса, а также обвинения пострадавших против него, мы поместили его в тюрьму их величеств.^[179]

Джон Хаторн.

НОМЕР II.

Следующая баллада в стиле «Чеви Чейз» была вырезана из газеты шестнадцать лет назад. Сегодня, вероятно, никому не нужно сообщать, кто был ее автором, так как, вероятно, только один человек мог ее написать. Я не просматривал стихи г-на Уиттиера, чтобы проверить, есть ли она там. Любой, кто имеет к этому склонность, может это сделать. Введение сопровождало ее при первом появлении:

Следующая баллада передана на хранение как иллюстрация того мрачного периода в нашей местной истории. Джайлс Кори и его жена жили в том месте, которое сейчас называется Данверс, и это место сейчас отмечено на территории поместья почтенного Дэниела П. Кинга, где раньше стоял их дом. Эти места быстро исчезают из памяти, и я осмелюсь предположить, что исторический отдел нашего Эссекского института мог бы отметить их каким-нибудь постоянным памятником. — *Salem Observer*.

ДЖАЙЛС КОРИ И ГУДВИФ КОРИ.

БАЛЛАДА 1692 ГОДА.

Соберитесь все жители Новой Англии

И послушайте меня,

И я расскажу вам, что случилось

На виселице.

В деревне Салем было место

Как я слышал, как они говорили,

И Гудвиф Кори было ее имя

В тот мучительный день:

Эта Гудвиф Кори была ведьмой

В это верили люди,

Мучала благочестивых

И приносила им горе.

Были две благочестивые матроны

И три добрые девушки,
Которые плакали над этой злобной ведьмой
Как вы скоро увидите.
Гудвеф Биббер, она была одной из них,
И Гудвеф Гудолл была второй,

Эти были те, кто сильно страдал
От припадков и уколов:
И эти три прекрасные дамы
Она их сильно беспокоила,
Как все могли видеть на их руках
Различные следы.

И когда перед судьями
Для суда она предстала,
Эта злая ведьма солгала им
Поднимая руку:
«Прошу вас, добрые господа
Выслушайте меня,
Я никогда не причиняла вреда этим двум добрым женщинам
И этим трем детям:

«Я призываю своего Спасителя, Господа»

(сказала она кощунственно)

«Как свидетеля моей невиновности

В этот час моей нужды».

Благочестивые священники были потрясены

Услышав эту молитву ведьмы,

И некоторые видели там Черного Человека [\[180\]](#)

Шепот в ее ухе.

Магистраты сказали ей

Ты, несомненно, лжешь,

Признайся здесь в своих адских деяниях

Или умрешь ужасной смертью.

Она разорвала свою одежду, вырвала волосы

И громко воскликнула:

«Да простит Христос моих врагов,

Когда я буду призвана умереть».

У этой доброй жены был и муж,

его звали Джайлс Кори,

В тюрьме Салема его заперли

Вместе с его богохульной дамой.

Джайлс Кори был сильным волшебником,

Упрямый негодяй он был,

И он был достоин того, чтобы висеть высоко

На акации:

И когда он предстал перед судьями

На суд он предстал,

Он не хотел давать правдивых показаний

А полностью молчал.

«Джайлс Кори», — сказали судьи

«Что ты можешь сказать в свою защиту

тем, кто теперь обвиняет твою душу

В преступлениях и ужасных деяниях?»

Джайлс Кори — он не сказал ни слова,

Ни одного слова не произнес:

«Джайлс Кори», — сказал магистрат,

«Мы выжмем это из тебя».

Они принесли *тяжелый брус*,

Положили его на его грудь,

Нагрузили его тяжелыми камнями

И сильно на него надавили.

«Больше веса», — сказал этот несчастный человек,

«Еще тяжелее», — снова закричал он,
И он не сделал исповеди
Но злобно умер.

Дама Кори прожила еще шесть дней,
Всего шесть дней прожила она,
Потому что ее повесили на Холме Виселицы
На акации.
Радуйтесь, все истинные жители Новой Англии,
Пусть благодать еще больше умножится,
Идите и ищите по всей земле
Пока все эти бесы не будут найдены:
И это будет славный день,
Прекрасное зрелище,
Когда вы повесите этих огненных чертей
На виселице.

НОМЕР III.

Показания Уильяма Била из Марблхеда против мистера Филипа Инглиша из Салема, данные 2 августа 1692 года. Взято из оригинала.

Поскольку Филипп Инглиш был человеком, обладавшим большим состоянием для тех времен, и вел обширный бизнес, может показаться странным, что мистер Калеф не упомянул его дело в своей работе. Возможно, у него не было достаточных данных для этой цели; или, что более вероятно, по определенным причинам он решил оставить это дело в руках двух священников Старого Юга, которые, или один из которых, не имели независимости, чтобы открыто работать с г-ном Калефом, но которые тайно приняли сторону обвиняемого и помогли ему сбежать. Как бы то ни было, что касается г-на Уилларда, в работе г-на Калефа было достаточно информации, чтобы вызвать ажиотаж вокруг этого вопроса. И все же из того, что будет сказано далее, следует, что г-н Муди (тогда работавший с г-ном Уиллардом в Old South) был главным инструментом в защите и окончательном побеге г-на Инглиша и его жены из лап «слепой жестокости».

Следующее свидетельство Уильяма Била, вероятно, было сфабриковано определенными лицами с целью возвращения имущества, принадлежащего или заявленного г-ном Инглишем. На момент ареста он владел кораблем водоизмещением 170 тонн под названием «Поркупин», которым командовал Роберт Бартель, чей сын, Уильям Бартель, в 1739 году был в возрасте 45 лет.

Говорят, что мистер Инглиш был епископальцем. Неясно, имели ли его убеждения какое-либо отношение к тому, что против него было возбуждено дело. Он заявил, что в результате

судебного преследования ему был нанесен ущерб в размере 1500 фунтов стерлингов. Его прошение в комитет, назначенный Генеральным судом для выплаты компенсации пострадавшим, можно найти в *сборнике* г-на Вудворда, ii, 233. Любопытно сейчас посмотреть на компенсации, выплаченные выжившим тем, чьи матери и отцы были убиты по решению суда! Кажется, что несколько фунтов стерлингов урегулировали этот вопрос.

То, что следует за показаниями Уильяма Била, хотя и было однажды напечатано, вероятно, будет совершенно новым для большинства читателей; и в память о преследуемой семье следует увековечить это в связи с злобной попыткой их уничтожить.

Примерно в 1810 году преподобный Тимоти Олден занимался подготовкой каталога книг для Массачусетского исторического общества. Во время этой работы он получил от преподобного Уильяма Бентли, доктора богословия из Салема, следующий отчет о Филиппе Инглише (). К этому привели попытки г-на Олдена получить информацию о джентльмене из Портсмута. В то время мистер Олден очень интересовался делами Портсмута. Доктор Бентли продолжает: «Во времена охоты на ведьм в деревне Салем никто из известных в коммерческом мире и обладающих значительным состоянием не был обвинен, кроме Филиппа Инглиша.[181] Он приехал в Америку в молодом возрасте с острова Джерси, жил в семье мистера Холлингворта, богатого жителя Салема, а затем женился на его единственной дочери и ребенке, Сюзанне. Его жена получила лучшее образование, чем было принято даже в те времена [1809 год], что, по моему мнению, достаточно очевидно.

Из-за некоторых предрассудков уже 21 апреля 1692 года она была обвинена в колдовстве, допрошена и заключена в тюрьму в Салеме. Ее стойкость запомнилась многим. Шесть недель она провела в заключении, но, когда ее навещал любящий муж, его тоже обвинили и заключили в ту же тюрьму. Благодаря заступничеству друзей и аргументу о переполненности тюрьмы, их перевели в тюрьму Арнольда в Бостоне до начала суда.

В Бостоне, после внесения залога, они получили свободу передвижения по городу, но должны были ночевать в тюрьме. По их прибытии их посетили господа Уиллард и Муди и проявили все возможное, чтобы утешить их в их беде. За день до их возвращения в Сейлем для суда господин Муди навещал их в тюрьме и пригласил на публичное богослужение. По этому случаю он выбрал в качестве текста: «Если вас преследуют в одном городе, бегите в другой» (). В своей речи он с мужественной свободой оправдал любую попытку избежать форм правосудия, когда правосудие было нарушено в них. После службы г-н Муди посетил заключенных в тюрьме и спросил г-на Инглиша, обратил ли он внимание на его речь. Мистер Инглиш ответил, что не знает, правильно ли он его понял, и хотел бы поговорить на эту тему. Мистер Муди тогда откровенно сказал ему, что его жизнь в опасности и он должен любой ценой организовать побег. Многие, сказал он, пострадали. Г-н Инглиш ответил, что Бог не позволит им причинить ему вред. На это г-жа Инглиш сказала мужу: «Не думаешь ли ты, что те, кто уже пострадал, невиновны?». Он ответил: «Да». Почему же тогда мы не можем пострадать? Прислушайся к совету мистера Муди. Мистер Муди сказал мистеру Инглишу, что, если он не увезет свою жену, то это сделает он. Затем он сообщил ему, что убедил нескольких уважаемых лиц в Бостоне организовать их вывоз из колонии и что с помощью губернатора, тюремщика и других лиц было организовано перевозное средство, которое прибудет в полночь, и что были получены надлежащие рекомендации губернатору Флетчеру из Нью-Йорка, так что он может не беспокоиться ни о каких обстоятельствах путешествия, поскольку все было тщательно подготовлено. Губернатор также передал письма губернатору Флетчеру, и в назначенное время мистер Инглиш, его жена и дочь были взяты и доставлены в Нью-Йорк. Он обнаружил, что до его прибытия мистер Муди отправил письма, и губернатор с многими частными лицами вышел ему навстречу; губернатор принимал его в своем доме и

оказывал ему всевозможное внимание, пока он оставался в городе. На следующий год он вернулся.^[182]

Во всем этом деле г-н Муди открыто оправдал г-на Инглиша и, вопреки всем преобладающим предрассудкам, выразил свое отвращение к мерам, которые вынудили полезного гражданина бежать от палачей. Мистер Муди был высоко оценен всеми проникательными людьми, но он почувствовал гневную обиду обманутой толпы своего времени, среди которой были и некоторые высокопоставленные лица. Вскоре после этого он покинул Бостон и вернулся в Портсмут.

Миссис Инглиш умерла в 1694 году в возрасте 42 лет в результате неблагодарного обращения, которому она подвергалась. Ее муж умер в 1734 году в возрасте 84 лет.

Это суть сообщений, которые я получил в разное время от мадам Сюзанны Хаторн, его правнучки, умершей в Салеме 28 августа 1802 года в возрасте 80 лет, которая получила эту информацию от потомков мистера Инглиша, который с большим удовольствием рассказывал о своих обязательствах перед мистером Муди.

Уильям Бил^[183] из Марбл-Хед, возраст более шестидесяти лет, свидетельствует и говорит, что в прошлом марте было двенадцать месяцев, ближе к концу месяца; тогда я находился в доме Джорджа Била Бонфилда из Марбл-Хед, куда я отправился, чтобы получить помощь в уходе за собой, поскольку мое тело охватила сильная и мучительная боль, а в моем доме в то время была эпидемия оспы, и мой сын Джеймис в то же время находился в моем доме, лежа больной; затем, ближе к концу того месяца, в том доме, когда я лежал в постели утром, сразу после того, как в комнате, где я лежал в постели, которая была низкой и стояла близко к камину, в северной части комнаты, стало светло; я проснулся и увидел на южной стороне камина темную тень, которая покрывала камин от нижнего этажа до верхнего, а также тьму, более густую, чем раньше, в южной части дома, а также посреди этой тьмы, в тени на южной стороне вышеупомянутой трубы, я увидел нечто, похожее на форму или очертания человека. Я обратил особое внимание на его ноги, потому что они были очень большими или огромными. Я удивился этому зрелищу и поэтому повернул голову, лежа в постели, и направил взгляд на южную сторону дома, чтобы посмотреть, не взошло ли солнце, или нет ли в доме кого-нибудь или чего-нибудь, что с помощью солнца могло бы создать такую тень или форму, но я не увидел никого и не увидел в той комнате света солнца. Затем я повернул голову на подушку, где она была раньше, и увидел в упомянутой темноте четкую фигуру или личность Филиппа Инглиша из Салема, который, по слухам, женился на Уильяме Холлингворте (^[184]), дочери Эдварда Холлингворта () из Салема. Согласно моему лучшему суждению, знание и понимание его, так как я ранее знал и был знаком с ним, мои предположения о нем и вышеупомянутых событиях были следующими: что этот человек здесь делает? Я не помню, чтобы я когда-либо покупал или продавал у него что-либо, в больших или малых количествах, или как он прибыл сюда так рано утром, по суше или по воде; или он был в Марбл-Хед всю ночь? И тогда, стараясь исправить свои [мысли], чтобы не думать, что он был колдуном, и взывая к нашему Всемогущему Иегове о его благословении и защите тайными молитвами, в тот же миг вышеупомянутая комната прояснилась, и фигура, тень или человек исчезли; и это было примерно в то время, когда утром мне принесли известие, что мой сын Джеймс, которого я оставил дома больным, скорее всего выздоровеет от оспы; и в тот же день, после полудня, пришло известие, что его внезапно поразила боль в боку и он не проживет и трех часов; и, по моему мнению, не прошло и трех часов, как пришла весть, что он скончался, о чем мне сообщили доктор Джексон, который был его врачом, и Уильям Даггет, который был его сиделкой, оба из Марбл-Хед, и сказали, что они удивлены и изумлены; и всего за несколько месяцев до этого мой сын Джордж Бил скончался в том же

доме, жалуясь на затруднение в горле после выздоровления от оспы. Он скончался 23 января, до смерти моего сына Имса, о которой говорилось выше.

Марбл Хед

Подтверждаю эту правду я, Уильям Бил.

2 августа 1692 года

Далее, данный свидетель подтверждает, что весной того года, перед тем как войска Новой Англии отправились в Канаду, вышеупомянутый Филипп Инглиш пришел в дом соседа, где в тот момент находился данный свидетель, и затем льстивым и умильным тоном сказал мне: «Вы тот, кто может дать мне хорошее свидетельство, показав мне границы моей земли». Этот свидетель ответил: «Я не знаю ни одной из ваших земель». Филипп Инглиш ответил: «Нет, вы знаете, и если вы согласитесь, я хорошо вам заплачу. У меня в кармане есть для вас восемь монет», и назвал участок земли, расположенный на определенном расстоянии от его дома, который, как он полагает, тогда и сейчас принадлежит мистеру Ричарду Риду ([185]) из Марбл-Хед. Этот свидетель ответил: «Не говори мне о твоей монете в восемь, потому что, если меня вызовут, я должен буду дать показания против тебя», и рассказал ему, что я должен сказать; на что он, казалось, был тронут и сказал мне, что я лгу, с дополнительными разговорами об этом, и тогда мы расстались. Затем, в следующем [феврале?], когда войска начали прибывать из Каннади, я услышал, что вышеупомянутый Филипп Инглиш арестовал вышеупомянутого мистера Рида в связи с вышеупомянутой землей, и тогда я, считая это своим долгом по совести, рассказал сыну мистера Рида все, что я мог сказать о праве собственности на вышеупомянутую землю, и при этом рассказал ему о свидетеле Томасе Фарраре-старшем (), а именно Томасе Фарраре-старшем (Thomas Farrar Senr), Фарраре-младшем ([186]) из Линна; затем, по их просьбе, я поехал в Линн и в Линн-Милл (Lin Mill) я нашел вышеупомянутого Томаса Фарраре, и когда мы ехали по Линн-Коммонс (Lin Commons) между домом преподобного мистера Шипарда (Mr. Sheapards House) и мистера Лейтона (Mr. Leytons), то, обсуждая право собственности на вышеупомянутую землю, из моего носа потекла кровь самым необычным образом; так что я испачкал кровью довольно большой платок, а также испачкал свою одежду и гриву лошади. Я слез с лошади, думая, что это могло быть вызвано ее рысью, но кровотечение продолжалось, хотя и не так сильно, пока я не добрался до дома мистера Рида в Марбл-Хед, и, насколько я помню, с тех пор, как я был мальчиком, у меня никогда не было такого кровотечения, за исключением того случая, и с тех пор, за исключением случаев, когда я случайно поранился.

Эти вещи, изложенные в конце, были до предыдущих свидетельств.

Уильям Бил

Признал вышеизложенное перед большим жюри под присягой, которую он дал в суде

Джен^{ри} 12го, 1692 года.

Роберт Пейн

Председатель.

НОМЕР IV.

После первого беглого ознакомления с допросом индейской женщины, принадлежащей семье мистера Пэрриса, было решено не печатать его, а только сослаться на него, то есть сослаться только на выдержку из него, содержащуюся в «Истории и древностях Бостона».

Но когда редакционная работа над этими томами была почти завершена, было проведено повторное ознакомление с этим допросом, и его результат побудил редактора включить его в это приложение. Его мнение о нем и о тех, кто добыл его у простой индианки, было выражено на предыдущей странице.

Допрос ценен по нескольким причинам, главная из которых — свет, который он проливает на начало заблуждения. Не похоже, что доктор Мэзер или мистер Калеф когда-либо видели его, иначе их рассказы о начале событий были бы изложены более подробно. Оригинал (впервые напечатанный в «[187]») попал в руки редактора около двадцати пяти лет назад. Он более обширен, чем любой из до сих пор опубликованных допросов. Это объясняется тем, что он был первым в той жестокой и бессмысленной серии незаконных разбирательств, которые привели к стольким мучениям, страданиям, несчастьям и кровопролитию.

Это допрос, пожалуй, больше, чем любой другой, демонстрирует жестокий метод, применяемый дознавателем, чтобы заставить бедных, невежественных обвиняемых признать и подтвердить то, что им подсказывали, с помощью метода допроса, столь же предвзятого, как и само лжесвидетельство, поскольку он неизбежно приводил к совершению этого преступления. В данном случае допрашиваемая была доставлена из тюрьмы и поставлена на трибуну, где вскоре она настолько растерялась, что едва могла сообразить, что сказать; при этом очевидно, что все ее ответы сначала были правдивыми, поскольку были прямыми, честными и разумными. Странность вопросов и настойчивость допрашивающих () не могли привести ни к чему другому, как к смущению того небольшого понимания, которым обвиняемая в лучшем случае обладала. Отсюда и эта представленная здесь запись бессвязного бреда; и почти все использованные доказательства были того же содержания, что и лишило жизни множество невинных людей.

Допрос проводился перед господами Хаторном и Корвином. Первый записал результат, который полностью отражен в его своеобразной рукописной записи. Первое разбирательство, напечатанное в сборнике г-на Вудворда, имеющее отношение к делу о колдовстве, является ордером на арест Сары Гуд и датировано 29 февраля 169½ года.[188] На следующий день, 1 марта, констебль Джордж Локер сообщил, что он привел упомянутую «Сару Гуд» и т. д. Неясно, присутствовала ли она на допросе Титубы, хотя документы показывают, что арест Сары Гуд и допрос Титубы произошли в один и тот же день.

Допрос индианки Титтубы, 1 марта 169½ года.

В. Почему ты причиняешь боль этим бедным детям? Что они тебе сделали? О. Они мне ничего не сделали. Я им не причиняю никакой боли. В. Почему ты это сделал? О. Я ничего не сделал. Я не могу сказать, когда действует дьявол. В. Что, дьявол говорит вам, что он причиняет им боль? О. Нет. Он мне ничего не говорит. В. Вы никогда не видели, чтобы что-то появлялось в какой-то форме? О. Нет, никогда ничего не видел. В. Какие отношения у вас с дьяволом, или с кем вы общаетесь ()? Скажите правду, кто причиняет им боль? О. Дьявол, насколько я знаю. В. Как он выглядит, или как он появляется, когда причиняет им боль, в каком виде, или на кого он похож, тот, кто причиняет им боль? О. На человека, я думаю. Вчера, когда я была в пристройке, я видела существо, похожее на человека, которое велело мне служить ему, а я ответила ему, что не буду делать такого. Она обвиняет Гуди Осборн и Сару Гуд в том, что они причиняют боль детям и хотели, чтобы она сделала то же самое. Она говорит, что видела четверых, двух из которых она не знала; она видела их прошлой ночью, когда убирала комнату. Они сказали мне причинять боль детям и хотели, чтобы я уехала в Бостон. Их было пятеро вместе с мужчиной. Они сказали мне, что если я не пойду и не причиню им вреда, то они сделают это со мной. Сначала я согласилась с ними, но потом

сказала, что больше не буду этого делать. В. Они хотели, чтобы вы причинили вред детям прошлой ночью? О. Да, но я пожалела и сказала, что больше не буду этого делать, но сказала, что буду бояться Бога. Вопрос: Но почему вы не сделали этого раньше? Ответ: Потому что они сказали мне, что я делал это раньше, и поэтому я должен продолжать. Это были четыре женщины и мужчина, но она знала только Осборна и Гуда, остальные были из Бостона. Вопрос: Когда вы впервые начали с ними, что вам показалось, что заставило вас это сделать? О. Один, похожий на мужчину, как раз когда я собиралась заснуть, пришел ко мне. Это было, когда дети впервые пострадали. Он сказал, что убьет детей, и она никогда не поправится; и он сказал, что если я не буду ему служить, он сделает то же самое со мной. В. Это тот же мужчина, который появлялся перед вами раньше? Который появился прошлой ночью и сказал вам это? А. Да. Q. Какие еще существа, кроме человека, появлялись перед вами? А. Иногда, похожие на свиней, иногда на больших черных собак, четыре раза. Q. Но что они вам говорили? А. Они говорили мне служить ему, и что это было хорошо; это была черная собака. Я сказал ему, что боюсь. Он сказал мне, что тогда будет со мной еще хуже. В. Что вы ему ответили после этого? О. Я ответил, что больше не буду ему служить. Он сказал мне, что тогда причинит мне вред. В. Каких еще существ вы видели? О. Птицу. В. Какую птицу? О. Маленькую желтую птицу. В. Где она живет? О. С человеком, у которого есть еще много других красивых вещей. В. Какие еще красивые вещи? О. Он мне их не показывал, но сказал, что покажет завтра, и сказал, что если я буду ему служить, то получу птицу. В. Каких еще существ ты видела? О. Я видела двух кошек, одну рыжую, другую черную, размером с маленькую собаку. В. Что делали эти кошки? О. Я не знаю. Я видела их два раза. В. Что они говорили? О. Они говорили: «Служи им». В. Когда вы их видели? О. Я видела их прошлой ночью. В. Они причиняли вам вред или угрожали вам? О. Они поцарапали меня. В. Когда? О. После молитвы; они поцарапали меня, потому что я не хотела служить им. И когда они ушли, я не могла видеть, но они стояли перед огнем. В. Какую услугу они ожидают от вас? О. Они говорят, чтобы я причинял больше вреда детям. В. Как вы их щипали, когда причиняли им боль? О. Другой тянет меня и заставляет щипать ребенка, и я очень сожалею об этом. В. Почему вы сжимали руку, когда вас обыскивали? Что у вас там было? О. У меня ничего не было. В. Эти кошки не сосут твою кровь? О. Нет, никогда. Я не позволяю им. Но они почти толкнули меня в огонь. В. Как ты причиняешь боль тем, кого щипаешь? Ты берешь кошек, или другие вещи, чтобы делать это за тебя? Расскажи нам, как это делается? О. Человек посылает кошек ко мне и велит мне щипать их; и я думаю, что однажды я пошла к мистеру Григгсу и щипала ее сегодня утром. Человек привел ко мне служанку мистера Григгса и заставил меня щипать ее. В. Вы когда-нибудь ходили с этими женщинами? О. Они очень сильные, они тянут меня и заставляют идти с ними. В. Куда вы ходили? О. К мистеру Путнэму, и заставили меня причинить вред ребенку. В. Кто заставил вас пойти? О. Мужчина, который очень сильный, и эти две женщины, Гуд и Осборн, но мне очень жаль. В. Как вы ходили? На чем вы ездили? О. Я ехала на палке или шесте, а Гуд и Осборн ехали за мной; мы ехали, держась друг за друга; не знаю, как мы ехали, потому что я не видела ни деревьев, ни тропы, но когда мы поднялись, то оказались там. В. Как давно вы начали щипать детей мистера Пэрриса? О. Сначала я их не щипала, но потом они заставили меня это делать. Вопрос: Вы видели, как Гуд и Осборн ездили на палке? Ответ: Да, и они крепко держались за меня. Я была у мистера Григгса только один раз, но, возможно, это было что-то похожее на меня; я бы и не пошла, но они сказали мне, что сделают мне больно. Пройдя ночью они сказали мне, что я должна убить кого-нибудь ножом. Вопрос: Кто вам это сказал? О. Сара Гуд и Осборн, и они хотели, чтобы я убила ребенка Томаса Путнэма прошлой ночью. Ребенок также подтвердил, что в то же время они хотели, чтобы она отрезала себе голову, потому что, если она не сделает этого, они сказали ей, что Титтуби отрежет ее, и тогда она жаловалась, что нож режет ее. Когда ее хозяин спросил ее об этом, она сказала, что они не позволяют ей

рассказывать, а если она расскажет, то отрежут ей голову. В. Кто тебе это сказал? О. Мужчина, Гуд и жена Осборна. Гуд пришла к ней прошлой ночью, когда ее хозяин молился, и не давала ей слышать, и она долго не могла слышать. Гуд имеет одну из тех птиц, желтую птицу, и хотела дать ее мне, но я не хотела ее брать; и во время молитвы она заткнула мне уши и не давала мне слышать. В. Что бы вы с ней сделали? О. Отдали бы детям, которые видели эту желтую птицу несколько раз. Я видела, как Сара Гуд держала ее на руке, когда пришла к ней, пока мистер Пэррис молился: я видела, как птица сосала Гуд между указательным и средним пальцами правой руки. В. Вы никогда не занимались колдовством в своей стране? О. Нет. Никогда до сих пор. В. Вы видели, как они это делали сейчас? О. Да. Сегодня, но это было утром. В. Но вы видели, как они это делали сейчас, пока вас допрашивали? О. Нет, я не видела, как они это делали, но я видела, как они причиняли вред в другие моменты. Я видела, как Гуд держала кошку рядом с желтой птицей, которая была с ней. В. Что у Осборна есть, чтобы идти с ней? О. Что-то, я не знаю, что это. Я не могу назвать это. Я не знаю, как это выглядит. У нее их два. Один из них имеет крылья, две ноги и голову, как у женщины. Дети видели то же самое вчера, которое потом превратилось в женщину. Вопрос: Что еще есть у Гуд Осборн? Ответ: Существо, покрытое волосами; все лицо волосатое, с длинным носом, и я не знаю, как описать, как выглядит лицо; с двумя ногами, оно ходит прямо, высотой около двух или трех футов, и ходит прямо, как человек; и прошлой ночью оно стояло перед камином в зале мистера Пэрриса. В. Кто появился перед Хаббардом в образе волка, когда она уходила от Проктура? О. Это была Сара Гуд, и я видела, как она послала волка к ней. В. В какой одежде вам явился этот человек? О. Иногда в черной одежде, иногда в пальто другого цвета; высокий человек с белыми волосами, я думаю. В. Какую одежду носила женщина? О. Я не знаю, какого цвета. В. Какую одежду она носила? О. Черный шелковый капюшон, под которым был белый шелковый капюшон, с бантиками. Я не знаю, кто эта женщина, но я видела ее в Бостоне, когда жила там. В. Какую одежду носит маленькая женщина? О. Шерстяной плащ с белой шапкой, как мне кажется. Дети в этот момент испытывали приступы, и ее спросили, кто их ранил? Она ответила: «Гудди Гуд», и дети подтвердили это; но Хаббард испытала сильный приступ, и после этого ее спросили, кто ее ранил? Она ответила, что не может сказать, но сказала, что они ослепили ее и не дают ей видеть, и после этого она сама один или два раза потеряла дар речи.

Второй допрос. 2 марта 169½.

В. Какой договор вы заключили с тем человеком, который пришел к вам? Что он вам сказал? О. Он сказал мне, что он Бог, и я должен верить ему и служить ему шесть лет, и он даст мне много хороших вещей. В. Как долго это длилось? О. Около шести недель и немного больше; в пятницу вечером, перед тем как Абигейл заболела. В. Что он сказал, что вы должны делать еще? Он сказал, что вы должны что-то написать? Он дал вам бумагу? О. Да, когда он пришел ко мне в следующий раз, он показал мне несколько прекрасных вещей; что-то похожее на существ; маленькую птичку, что-то зеленое и белое. В. Вы обещали ему это, когда он говорил с вами? Тогда что вы ему ответили? О. Я тогда сказал ему, что не могу ему поверить, Боже; я сказал ему, что спрошу своего хозяина, и хотел был уйти, но он меня остановил и не пустил (). В. Что вы ему пообещали? О. В первый раз я ему поверил, Боже, и тогда он был рад. В. Что он вам тогда сказал? Что он сказал, что вы должны сделать? О. Тогда он сказал мне, что они должны встретиться. В. Когда он сказал, что вы должны встретиться? О. Он сказал мне, что в следующую среду, в доме моего хозяина, и тогда они все встретятся, и в ту ночь я видел, как они все стояли в углу, все четверо, а тот человек стоял позади меня и держал меня, чтобы я стоял на месте в холле. В. Где тогда был ваш хозяин? О. В другой комнате. В. Во сколько часов ночи? О. Немного перед молитвой. В. Что этот мужчина сказал вам, когда схватил вас? О. Он сказал: «Иди в другую комнату, посмотри на детей, причинь им боль, ущипни их». Тогда я

вошла, но долго не могла причинить им боль. Я не хотела причинять боль Бетти, я любила Бетти, но они кричали и заставляли меня ущипнуть Бетти, а потом Абигалл, и быстро ушли, когда я их ущипнула. В. Ты пошла в эту комнату сама, а все остальные? О. Да, и мой хозяин нас не видел, потому что они не дали ему нас увидеть. В. Ты пошла с остальными? О. Нет, я осталась, и тот человек остался со мной. В. Что он тогда сделал с тобой? О. Он сказал мне, что мой хозяин пошел на молитву, и он читал в книге, и он спросил меня, что я помню, но разве вы ничего не помните? В. Он не просил вас больше, чем в первый раз, чтобы вы ему служили, или во второй раз? О. Да, он снова попросил меня, и если я буду служить ему шесть лет, то он придет в следующий раз и покажет мне книгу. В. И когда он тогда придет? О. В следующую пятницу, и он показал мне книгу днем, рано утром. В. И какую книгу он принес, большую или маленькую? О. Он не показал ее мне и не хотел показывать, но держал ее в кармане. В. Он не заставил вас написать свое имя? О. Нет, пока нет, потому что моя хозяйка позвала меня в другую комнату. Вопрос: Что он сказал, что вы должны сделать в этой книге? Ответ: Он сказал: «Напиши и поставь свою подпись». Вопрос: Вы написали? Ответ: Да, я сделал отметку в книге, и сделал ее красным, как кровь. Вопрос: Он вынул ее из вашего тела? Ответ: Он сказал, что должен вынуть ее. В следующий раз, когда он пришел, он дал мне булавку, привязанную к палке, чтобы я сделал это, но он не дал мне крови, а намеревался сделать это в другой раз, когда он придет снова. В. Вы видели другие знаки в его книге? О. Да, очень много, некоторые знаки красные, некоторые желтые, он открыл свою книгу, и в ней было очень много знаков. В. Он назвал вам их имена? О. Да, двух, не больше: Гуд и Осборн, и он сказал, что они ставят эти отметки в этой книге, и показал их мне. В. Сколько, по-вашему, было отметок? О. Девять. В. Они писали свои имена? О. Они ставили отметки, Гуд Гуд сказала, что она поставила свою отметку, но Гуд Осборн не сказала; она была сердита на меня. В. Когда Гуд сказала вам, что она поставила свою подпись в книге? В тот же день, когда я прибыла сюда, в тюрьму? В. Вы видели этого мужчину тем утром? О. Да, немного утром, и он сказал мне, что магистраты приедут, чтобы допросить меня. В. Что он сказал, что вы должны сказать? О. Он сказал мне, чтобы я ничего не говорила, иначе он отрежет мне голову. В. Скажите нам правду, сколько женщин обычно приходило, когда вы ездили за границу? О. Четыре из них, эти две, Осборн и Гуд, и две незнакомки. В. Вы сказали, что их было девять. Он сказал вам, кто они? О. Нет, он не показал мне, но сказал, что я увижу их в следующий раз. Вопрос: Что вы видели? Ответ: Я видел человека, собаку, свинью и двух кошек, черную и рыжую; и странное чудовище, которое я упомянул ранее, принадлежало Осбурну; это был волосатый бесенок: человек хотел отдать его мне, но я не взял его. Вопрос: Он показал вам в книге, какой знак принадлежал Осбурну, а какой Гуду? А. Да, я вижу там знаки. Q. Но он назвал имена других? А. Нет, сэр. Q. И что он сказал вам, когда вы поставили свой знак? А. Он сказал: «Служи мне и всегда служи мне». Человек с двумя женщинами приехал из Бостона. Q. Сколько раз вы ездили в Бостон? А. Я ездил и потом вернулся обратно. Я никогда не был в Бостоне. В. Кто вернулся с вами? О. Мужчина вернулся со мной, а женщины уехали; я не хотел уезжать. В. Как далеко вы уехали, в какой город? О. Я никогда не был ни в каком городе. Я не вижу ни деревьев, ни города. В. Он сказал вам, где живут девять человек? О. Да, некоторые в Бостоне, а некоторые здесь, в этом городе, но он не сказал мне, кто они.

НОМЕР V.

Допрос Мэри Кларк ([189]) из Хаверхилла. Проведен перед Дж. Хоторном, эсквайром, и другими мировыми судьями Их Величеств, 4 августа 1692 года.

Обвиняемая Мэри Кларк была вызвана, и Мэри Уолкот спросили, причиняла ли ей Кларк когда-нибудь страдания. Она ответила «да», что это именно та самая женщина из . И когда Мэри Кларк посмотрела на Уолкот и других пострадавших, они впали в истерику.

Судьи, используя различные аргументы (для блага ее души), пытались заставить ее признаться, если она знает, что виновна. Она категорически отрицала. Затем был вызван констебль[190] из Хаверхилла; его спросили, какая слава и репутация у Мэри Кларк. Он ответил, что слышал, что она виновна или была виновна в таких вещах, но ничего конкретного он сказать не мог. [191]Судьи спросили Мэри Уолкот, не ошиблась ли она в этой женщине? Уолкот ответила: «Это та самая женщина, которую я видела, когда она мучила Тимоти Свона, Уолкотта, и она мучила меня несколько раз». И после приступа, который у нее сразу же начался, она сказала, что видела, как вышеупомянутая Мэри Кларк мучила Бетти Хаббард и Энн Путнам.

Упомянутая Мэри Кларк, глядя на Уолкотт, Хаббард, Путнам, Уоррин, они были в припадке.

Мэри Уолкотт, у которой в руку внезапно вонзилась булавка, сказала, что это сделала Мэри Кларк.

В то же время Мэри Уоррин в горло, под подбородком, вонзилась булавка, которую вынул мистер Нойс.

Сюзанна Шелдон, после упомянутого допроса, извлекла четыре булавки из своей руки, сказав, что упомянутая Кларк вставила две из них, а мистер Ашер[192] — две другие.

Мэри Пост[193] сказала, что видела, как Кларк нанесла удар Тимоти Суану.

Ричард Кэрриер, бывший исповедник, сказал, что, по его мнению, он видел, как упомянутая Мэри Кларк с некоторыми другими людьми и он сам крестились в Ньюбери-Фоллс.

Бетти Хаббард[194] была сбита с ног, когда она посмотрела на нее.

Ее спросили, может ли она правильно произнести молитву «Отче наш».

Она допустила много ошибок.

Энн Путнэм сказала, что упомянутая Кларк причинила ей боль, ущипнув, задушив и ударив по лицу, и сказала ей, что ее зовут миссис Мэри Кларк, но что люди обычно называют ее Гуди Кларк.

Энн Путнэм сказала также, что она видела, как Кларк ударила Тимоти Свона квадратным зазубренным копьем, длиной с ее руку. И когда ее спросили, почему она назвала его зазубренным копьем, она ответила, что оно было зазубрено, как напильник.

Мэри Пост сказала, что видела дух этой Мэри Кларк на сборе ведьм в деревне и что она ела и пила там, как и все остальные. Кроме того, она видела, как упомянутая Мэри Кларк причиняла боль Тимоти Суану.

Я, нижеподписавшийся, уполномоченный властями провести данное расследование в письменной форме, под присягой в суде свидетельствую, что это является подлинной копией его содержания, насколько мне известно.

[Все вышеуказанное находится в руках Эдварда Роусона. Подписи нет.]

НОМЕР VI.

Рассказ о жизни и характере преподобного Сэмюэля Пэрриса из деревни Салем и его связи с массовым помешательством на ведьмах в 1692 году.

САМУЭЛЬ П. ФАУЛЕР, ЭСКВАЙР.[195]

Г-н Пэррис, чья история так тесно связана с сале́мским манией охоты на ведьм 1692 года, был сыном Томаса Пэрриса из Лондона и родился в 1653 году. Он был членом Гарвардского колледжа, но не закончил это учебное заведение. Сначала он был купцом в Бостоне, но, не добившись успеха в бизнесе, оставил его и предложил себя в качестве кандидата на должность священника.

Жители деревни Салем, не имея пастора, 15 ноября 1688 года направили комитет из трех человек, а именно: капитана Джона Путнэма, мистера Джошуа Ри, старшего, и Фрэнсиса Нерса, «чтобы договориться с мистером Пэррисом о принятии им должности священника». Однако на этой встрече ничего не было сделано для достижения соглашения, и 25 ноября, после вечерней службы, собрание было приостановлено, и общим голосованием г-ну Пэррису было предложено принять эту должность. 10 декабря 1688 года братья церкви отправили лейтенанта Натаниэля Путнэма, сержанта Фуллера, г-на Джошуа Риа-старшего и сержанта Ингерсолла, которые, по их словам, прибыли «как посланники к г-ну Пэррису, чтобы узнать, примет ли он должность». Он ответил: «Работа тяжелая, вы узнаете в свое время». После этого несколько человек приходили с подобными поручениями, но пока никаких предложений о содержании не поступало.

29 апреля 1689 года диаконы Натхэл Ингерсолл и Эдвард Путнэм, Дэниел Риа, Томас Фуллер-младший и Джон Тарбелл пришли к мистеру Пэррису из дома собраний, где состоялось общее собрание жителей, и сказали, «поскольку пожилые люди так долго занимались вопросом о поселении мистера Пэрриса и ничего не добились, они хотели бы попробовать, что могут сделать молодые». Когда мистер Пэррис спросил их, какова их воля, они ответили, что «они были посланы людьми, чтобы попросить его занять должность, и решили предложить ему шестьдесят фунтов в качестве зарплаты». Двадцать фунтов из этой суммы должны были быть выплачены деньгами, а остальная часть — следующим образом: пшеница по 4 шиллинга за бушель, кукуруза по 2 шиллинга за бушель, ячмень, рожь и солод по 3 шиллинга за бушель, свинина по 2 пенса за фунт, говядина по 1½ пенса за фунт.

Комитет желал получить быстрый ответ, и г-н Пэррис сообщил им, что он примет их предложение при условии, что они согласятся с следующими положениями относительно его содержания: 1) «Когда денег станет больше, сумма, выплачиваемая мне наличными, будет соответственно увеличена. 2. Хотя цена на зерно и подобные продукты может подняться выше установленной вами, для нужд моей семьи я буду получать все необходимое по нынешней цене, а также в случае ее снижения. 3. Все шестьдесят фунтов должны быть собраны только с наших жителей, проживающих в пределах наших границ, или пропорционально тому, какими землями они владеют в пределах этих границ. 4. Никакие продукты не должны приноситься без предварительного вопроса о том, нужны ли они, и я сам должен выбирать, что именно, за исключением случаев, когда человек не может заплатить ничем, кроме одной вещи. 5. Дрова должны предоставляться ежегодно бесплатно. 6. Ежегодно должны выбираться два человека, которые будут следить за своевременностью платежей. 7. Взносы, вносимые каждую субботу в газетах, и только те, которые находятся в газетах и проживают в пределах наших границ, должны учитываться как часть шестидесяти фунтов. 8. Если Бог благословит ^{это} место, так что оно сможет подняться выше указанных шестидесяти фунтов, то тогда будет произведено пропорциональное увеличение. Если Бог из-за наших грехов уменьшит доходы этого места, я постараюсь соответствующим образом покрыть такие убытки, пропорционально уменьшив доходы тех, кто обоснованно этого пожелает».

Эти предложения г-на Пэрриса были зачитаны комитету и приняты, и они выразили уверенность, что жители одобряют их. Но, по-видимому, на собрании жителей деревни 17 мая

1689 года г-н Пэррис был вызван, когда были высказаны возражения против 5-го и 7-го положений его соглашения. «В отношении 5-го положения было возражено, что у них нет общинных земель, и поэтому они не могут удобно предоставлять дрова, потому что некоторые должны приносить по полкорда, другие больше, другие меньше и т. д. Поэтому они согласились бы выделять шесть фунтов в год, одну треть денег, на которые можно было бы купить 30 кордов, как они поступали с предыдущими священниками». Пэррис ответил, что он готов облегчить их положение, но тогда он хотел бы, чтобы один из них брал шесть фунтов в год и поставлял ему 30 кордов дров, но ни один из них не согласился на это предложение. Тогда он сказал им, что если он примет шесть фунтов, со временем их может оказаться недостаточно для покупки 30 кордов дров. В ответ на опасения Пэрриса относительно роста цен на дрова он говорит, что получил общий ответ от многих, что по цене четыре шиллинга за корд он будет обеспечен дровами на всю жизнь, пока будет жить среди них. Он продолжает, что после долгих уговоров он ответил, что попробует их в течение одного года. Мистер Пэррис говорит: «Что касается его 7-го положения, то в то время ничего не было сказано и не было возражений против взносов в виде бумаг, поскольку это было их прежней обычной практикой, но только против тех, кто жил в пределах их границ, они настаивали, что некоторые не жили в пределах их границ, но были постоянными слушателями, и поэтому было справедливо получать их помощь».

«В конце концов, после долгих споров здесь, мы с ними согласились, что такие люди имеют право поступать по своему усмотрению, платя священнику или собранию. Итак, я покинул их, полностью согласившись с моими вышеупомянутыми условиями, не сомневаясь, что они действительно внесли их в протоколы, как я считал само собой разумеющимся, и не слыша ничего другого, пока через некоторое время после моего рукоположения на другом публичном собрании деревни не было зачитано другое голосование, значительно отличающееся от вышеупомянутого соглашения, которое я тогда открыто опроверг и до сих пор должен опровергать как любой договор с моей стороны».

Мы представили отчет г-на Пэрриса о сделках между ним и жителями деревни Салем в отношении его поселения. Он был составлен им самим и использован на его суде в суде общей юрисдикции в Ипсвиче в 1696-7 годах. Мы так подробно остановились на поселении г-на Пэрриса в деревне Сейлем, поскольку оно было одной из причин, приведших к самой ожесточенной междоусобной ссоре, которая когда-либо имела место в Новой Англии, и, по мнению некоторых людей, было главной или основной причиной того всемирно известного заблуждения, которое называется «сейлемское колдовство».

Деревня Салем, впоследствии вошедшая в приход преподобного доктора Милтона П. Брэмана в Данверсе, штат Массачусетс, 19 ноября 1689 года (когда преподобный Сэмюэл Пэррис приступил к своим обязанностям в качестве пастора и учителя) небольшой деревушкой или селом, населенным в основном фермерами, но включавшим в свои пределы значительную прилегающую территорию, простирающуюся до Уиллс-Хилл, ныне Миддлтон, где проживало много семей, посещавших богослужения в Сейлем-Виллидж. Число налогоплательщиков в приходе составляло 100 человек. Из записей следует, что г-н Пэррис представил своей церкви после своего переезда новый договор и форму приема в члены церкви, а также вопрос о том, кто является подходящими кандидатами для крещения. Это вызвало некоторые споры в церкви, но никто не выступил против окончательного решения по этому вопросу. Перед ними были представлены некоторые необычные и необычные случаи дисциплинарных мер, но, по-видимому, они были разрешены мирным путем. Только 8 октября 1691 года мы обнаруживаем наличие недружеских чувств между г-ном Пэррисом и его прихожанами. В тот день, как он пишет в своих церковных записях, «после окончания

публичного богослужения, в день моей проповеди, у меня так закончились дрова, что я был вынужден публично попросить жителей позаботиться о том, чтобы мне их предоставили, сказав им, что если бы не мистер Корвин (который принес дрова, находясь здесь, в моем доме), у меня едва ли было бы что сжечь». После того как пастор сообщил церкви о своей нехватке дров, братья создали комитет, которому было поручено обратиться к городскому комитету с просьбой установить ставку для священника. Комитет по ставкам собрался 10 ноября 1691 года и сообщил, что не видит веских причин обращать внимание на комитет церкви, если у них нет письма, подписанного церковью и пастором. После этого мистер Пэррис пожаловался на отношение комитета к нему, но особенно к церкви, которая, по его словам, проявила безразличие к этому делу. Комитет, в задачи которого входило взимание налога для закупки дров для пастора, по-прежнему отказывался это делать, и 27 декабря 1691 года в квартальный суд была направлена петиция, в которой петиционеры жаловались, что «ремонт деревенского молельного дома долгое время не проводился, в результате чего некоторые окна были забиты досками или другим образом, а другие оставались широко открытыми, и иногда в помещении было так темно, что оно было практически *непригодно для использования*». Суд, рассмотрев эту петицию, назначил собрание жителей деревни для избрания нового комитета, которое должно было состояться 25 января 1692 года с целью определения размера сборов для ремонта молельни и закупки дров для пастора. Жители деревни собрались в этот день и избрали Джозефа Поупа, Джозефа Холтена-младшего, Джона Тарбелла, Томаса Престона и Джеймса Смита в качестве членов комитета.

Это последнее, что мы слышим об этом деле о закупке древесины и т. д. Вероятно, все дальнейшие рассуждения по этому поводу были поглощены великим манией колдовства, которая теперь была близка и вот-вот должна была разразиться.

Теперь мы подошли к периоду начала салемского колдовства, которое впервые проявилось в семье Сэмюэля Пэрриса, священника в деревне Салем в 1692 году.

В то время семья мистера Пэрриса состояла из него самого и его жены, ему было 39 лет, его жене — 44 года, дочери Элизабет, девяти лет, племянницы одиннадцати лет по имени Эбигейл Уильямс и двух слуг по имени Джон Индиан и его жена Титуба, оба уроженцы Южной Америки, которая тогда называлась Новой Испанией. Они были рабами, и, вероятно, Пэррис приобрел их в ходе своих коммерческих сделок. Некоторые люди полагали, что эти индейцы принадлежали к коренному населению нашей страны и получили свои знания о колдовстве от индейских шаманов, но, по-видимому, это было ошибочным предположением.

Ближайшими соседями мистера Пэрриса были капитан Джона Уолкэт, у которого была дочь по имени Мэри, 17 лет, и его приходской клерк. Томас Путнэм, у которого была дочь по имени Энн, 12 лет, и служанка, жившая с ним, по имени Мерси Льюис, 17 лет, Мэри Уоррен, 20 лет, жила с Джоном Проктором, Элизабет Бут, 18 лет, жила по соседству с Джоном Проктором, Сара Черчилль, 20 лет, жила в семье Джорджа Джейкобса-старшего, Сюзанна Шелдон, 18 лет, жила в деревне. Эти девушки вместе с Абигайл Уильямс, племянницей мистера Пэрриса, 11 лет, имели привычку собираться в круг в деревне, чтобы заниматься хиромантией, гаданием и т. д. Из показаний, данных в суде, следует, что некоторые из их родителей и опекунов не одобряли эти встречи. Мэри Уоррен, одна из самых яростных обвиняющих девушек, жила, как мы уже говорили, с Джоном Проктором и в конце концов стала его главным обвинителем на его допросе по делу о колдовстве. Проктор, потеряв терпение из-за собраний девочек, составлявших этот кружок, однажды сказал, что «пойдет в деревню, чтобы привести Мэри Уоррен, эту шлюху, домой; потому что, если их оставить в покое, эти девочки *быстро* сделают нас всех *дьяволами и ведьмами*. Их следует скорее отправить на бичевание, но он, , приведет свою шлюху домой и выбьет из нее дьявола». Проктор сказал,

что когда Мэри Уоррен впервые попала в приступ, он держал ее рядом с колесом и угрожал избить, после чего у нее больше не было приступов; но на следующий день, когда он ушел из дома, у нее снова начались приступы. Если бы с обвиняемыми девушками поступили так, как хотел Джон Проктор, у нас, вероятно, была бы короткая история о салемском колдовстве. Именно на собрании этого кружка из восьми девушек, целью которого было занятие хиромантией и гаданием, мы обнаруживаем зародыш или первоначальное происхождение заблуждения. Мы постарались проследить за ними после того, как волнение улеглось, с целью установить их характер в последующей жизни. Только одна из этого кружка, Энн Путнэм, признала свою глупость и просила прощения. Некоторые из них выросли распутными, а все, похоже, стремились к безвестности. Их поведение, как видно из их показаний, свидетельствует о большой злобности, а их невежество было настолько велико, что из восьми обвиняющих девушек шесть подписались крестиком.

В конце февраля 1692 года дочь мистера Пэрриса по имени Элизабет, 9 лет, вместе с его племянницей Абигайл Уильямс, 12 лет, заболели и получили от миссис Пэррис такое внимание, какое, по-видимому, требовалось в их случае. Но их состояние ухудшалось под ее лечением, и, не имея возможности установить, что это за болезнь, обратились к семейному врачу, доктору Греггу, жившим в деревне. Он посетил их и заметил, что они страдают от печальной болезни, название которой он не мог назвать. Были вызваны другие врачи для консультации, и один из них высказал мнение, что дети находятся под злым влиянием (). Вероятно, именно доктор Грегг предположил, что девочки были заколдованы, поскольку он много раз высказывал такое же мнение о многих своих пациентах, когда не мог понять их болезнь. Весьма вероятно, что мнение этих врачей в значительной степени повлияло на формирование убеждения не только Пэрриса, но и его друзей-священников в существовании колдовства в деревне. Мистер Пэррис, по-видимому, был очень удивлен, когда врачи сообщили ему, что его дочь и племянница, без сомнения, находятся под влиянием злого духа. Есть свидетельства того, что мистер Пэррис пытался сохранить мнение врачей в секрете, по крайней мере до тех пор, пока не решит, как поступить. В это время Мэри Сибли, член его церкви, дала указания Джону Индиану, как выяснить, кто заколдовал Бетси Пэррис и Набби Уильямс. Это было сделано без ведома Пэрриса. Для этого было испечено пирожное из ржаной муки с добавлением мочи детей, которое запекли в пепле и дали съесть собаке. Похоже, что подобные отвратительные методы использовались для выявления и убийства ведьм на протяжении всего периода массового помешательства.

27 марта 1692 года мистер Пэррис созвал свою церковь, где он выступил с показаниями против ошибки сестры Мэри Сибли, которая дала Джону Индиану необоснованные указания по поиску ведьм. После того как Мэри Сибли проявила сожаление и скорбь по поводу своего поведения, братья церкви остались довольны. Из-за дьявольских средств, использованных Мэри Сибли, мистер Пэррис предположил, что дьявол был пробужден, и, видя явное бедственное положение своей семьи и не зная, как поступить, попросил нескольких достойных джентльменов из Сейлема () и нескольких соседних священников собраться в его доме для консультации; которые, придя и тщательно расспросив о страданиях пострадавших, пришли к выводу, что они были сверхъестественными, и опасались, что в них была рука сатаны. Совет, данный ими Пэррису, заключался в том, что он должен сидеть смиренно и ждать провидения Божьего, чтобы увидеть, что покажет время, и много молиться о раскрытии того, что еще было тайной. Они также допросили Титубу, которая призналась в изготовлении пирога и сказала, что ее хозяйка в ее родной стране была ведьмой и научила ее некоторым способам, которые можно использовать для обнаружения ведьм и предотвращения колдовства и т. д. Но она сама сказала, что не является ведьмой. Вскоре после этого в доме Пэрриса было проведено два или три частных поста, один из которых был

соблюден соседними священниками, а другой — публично в деревне. И один общий пост, по приказу Генерального суда, соблюдался во всей колонии, чтобы просить Господа, чтобы Он упрекнул сатану и был светом для своего народа в этот день тьмы.

Из рассказа преподобного Джона Хейла, который был очевидцем многих событий в деревне Салем и одним из священников, приглашенных для консультации, ясно, что мистер Пэррис в начале беспорядков действовал с осторожностью и стремился искать совета и рекомендации. Он также хотел получить информацию о колдовстве и для этой цели взял в долг у Дия. Роберта Сандерсона из Бостона копию трудов Перкинса, посвященных этой теме.

Мы относимся к числу тех, кто верит, что мистер Пэррис искренне верил в колдовство и что в этом деле он не руководствовался личной злобой или желанием продвигать дело религии в своем приходе, как предполагает автор «Истории Данверса» (). Мы пока не нашли ни малейших доказательств того, что он питал злобу к тем, кто был обвинен и казнен.

Мистер Пэррис, как и его собратья по служению, по-видимому, после признания Титубы пришел к полному выводу, что в его приходе разразилось колдовство и что дьявол начал свою деятельность в его собственной семье; и как верный пастор, он не должен был ни на мгновение колебаться, чтобы сразиться с врагом.

Именно с этой точки зрения мы обнаруживаем мужество жителей деревни Салем, которые противостояли тому, что они считали кознями дьявола, полагая, что он был причиной всех мучений и страданий, которые они видели, действуя через ведьм, и что, противостоя ему, они также подвергались риску пострадать от его злобы. Они также верили, что дьявол собирался создать свое агентство или королевство в Новой Англии и фактически уже начал свою деятельность в деревне Сейлем. Коттон Мазер, Пэррис и другие были полны решимости не допустить этого, по крайней мере, если они могли этому помешать. В суде были представлены некоторые весьма необычные свидетельства по этому вопросу. Энн Фостер из Андовера, признавшаяся в колдовстве, показала на допросе 21 июля 1692 года, «что она была на собрании ведьм в деревне, где присутствовало большое количество ведьм, и что главной темой этого собрания было создание царства дьявола в деревне и превращение ее в место их встреч!» А другая признавшаяся ведьма свидетельствовала на последующем собрании, что они единогласным голосованием решили основать царство дьявола в деревне Салем, поскольку, учитывая все обстоятельства, это место было сочтено наиболее подходящим для начала предприятия (), и, поступая таким образом, они надеялись, что оно распространится по всей Новой Англии. Многие искренне и религиозно верили в это, и требовалось мужество и смелость, чтобы противостоять замыслам могущественного, злобного существа, способного, как они полагали, мучить их различными способами, уничтожать их скот и т. д.

Похоже, что Пэррис очень хотел помешать своей дочери Элизабет участвовать в волнениях в деревне. В начале массового помешательства отец отправил ее жить в Сейлем к капитану Стивену Сьюоллу. Там капитан и его жена были очень разочарованы, так как ей по-прежнему были приступы боли. Элизабет сказала, что к ней пришел большой *черный человек* и сказал, что, если она будет подчиняться ему, то получит все, что пожелает, и пойдет в *Золотой город*. Она рассказала об этом миссис Сьюолл, которая сразу же сказала ребенку, что это был дьявол, что он лжец, и велела ей сказать ему об этом, если он снова к ней придет, что она и сделала, когда черный человек пришел к ней в следующий раз. Дьявол, по-видимому, не привыкший в те времена к такому сопротивлению и совершенно потрясенный хладнокровной дерзостью Бетси Пэррис, больше не беспокоил ее, и, хотя эта девочка была

одной из первых инициаторов мании колдовства вместе со своей кузиной Абигайл Уильямс, впоследствии она, по-видимому, имела мало отношения к колдовству. Это произошло в результате того, что она последовала мудрому совету миссис Сьюолл избавиться от дьявола; или, что более вероятно, в результате того, что ее отец забрал ее из еженедельного круга обвиняющих в колдовстве и очаровывающих девушек () и поместил ее в очень уважаемую семью в Салеме.

Говорили, что у Пэрриса был соперник в лице преподобного Джорджа Берроуза, у которого были друзья в деревне Салем, желавшие его поселения, и что это было достаточной причиной для Пэрриса, чтобы выступить против него в суде. Мы никогда не видели никаких доказательств этого соперничества между этими священниками. Сейчас трудно установить причину ареста Берроуза, который в то время проповедовал в Уэллсе со своей кафедры. Девушка, обвинившая его в колдовстве, была Мерси Льюис, которая тогда жила с Томасом Путнэмом. Раньше она жила с Берроузом, когда он проповедовал в деревне, и он один или несколько раз жестоко ее избивал. Мы подозреваем, что это и было истинной причиной ее обвинений против него.

Говорили, что Ребекка Нерс была объектом особой ненависти Пэрриса, но нам это не удалось обнаружить. Мы не можем представить себе причину предполагаемой жалобы на Ребекку Нерс о колдовстве. Она, по-видимому, была любезной и образцовой женщиной, хорошо образованной для того времени, в котором жила. Исследовав обвинения, выдвинутые против нее в суде, мы подозреваем, что она несколько раз строго упрекала обвиняющих ее девушек за их глупость и злобу, когда встречалась с ними в их кругах. Таким образом, она, вероятно, навлекла на себя недовольство Энн Путнэм и ее матери — своих главных обвинителей. Мистера Пэрриса часто обвиняли в чрезмерной услужливости и в том, что он был быстрым свидетелем против обвиняемых в суде. Нельзя сказать, что Пэррис был главным свидетелем в судебных преследованиях, хотя можно сказать, что он часто выступал в качестве подтверждающего свидетеля вместе со своими соседями. Главными свидетелями были девушки-обвинители, как их называли. На предварительных допросах в суде присяжных () перед магистратами Пэррис и другие должны были присутствовать при даче показаний, которые записывались по словам девушек, а затем использовались на судебных процессах.

Поскольку эти показания давались детьми и молодыми людьми, суд требовал подтверждения от некоторых пожилых людей, которые были свидетелями их предполагаемых страданий и могли подтвердить их показания. Именно таким образом имя мистера Пэрриса, а также его соседей, часто появляется в судебных документах. Паррис, по-видимому, часто присутствовал на допросах обвиняемых в колдовстве и задавал вопросы подсудимым. Он также чаще других выступал в качестве секретаря магистратов. Причина, по которой его часто нанимали суды, заключалась просто в том, что его просили об этом и обнаружили, что он хорошо подходит для этой цели. Мы видели записи нескольких лиц, нанятых для этой работы, и должны сказать, что записи Пэрриса были лучшими. Он имел обыкновение записывать допросы стенографически, поскольку был хорошим стенографистом, а затем переписывал их полностью, четким и разборчивым почерком.

Нам не удалось обнаружить причину предполагаемой жалобы на колдовство против этих трех замечательных женщин, а именно: Ребекки Нерс, Мэри Исти и Сары Клойс. Они были

сестрами, имели хорошее образование и хорошую репутацию. Нельзя отрицать, что роль, которую Пэррис сыграл в судебных процессах над этими женщинами, была главной причиной противостояния ему и в конце концов привела к его изгнанию из деревни. Его главными противниками были родственники этих трех несчастных сестер. Сэмюэл Нерс, сын Ребекки Нерс, Джон Тарбелл, который женился на ее дочери, и Питер Клойс, который женился на Саре Клойс (). Эти три человека, вместе с неким Томасом Уильямсом, после казни Ребекки Нерс и Мэри Исти и заключения в тюрьму Сары Клойс, стали очень недовольны Пэррисом и обратились за советом к старейшинам некоторых соседних церквей о том, как лучше всего привлечь его к ответственности перед советом за его поведение в деле о колдовстве. Они были членами деревенской церкви и в течение некоторого времени пренебрегали публичным богослужением в субботу и не посещали причастие. В то время как эти недовольные братья обдумывали, какие меры принять против своего пастора, Пэррис, либо для того, чтобы отвлечь внимание от себя, либо для того, чтобы применить дисциплинарные меры, 14 августа 1692 года приостановил работу церкви и подал жалобу на Сэмюэля Нерса и его жену, Джона Тарбелла и его жену, а также Питера Клойса за то, что они не посещали причастие. Эта жалоба была подана церковью, и брат Натаниэль Путнэм и два дьякона были выбраны, чтобы вместе с пастором поговорить с отсутствующими. Этот комитет потратил много времени, пытаясь добиться удовлетворения от провинившихся братьев, в то время как те, с другой стороны, всеми силами стремились привлечь Пэрриса к суду. Наконец, 16 февраля 1693 года, на собрании комитета церкви, несогласные братья изложили свои причины для отказа от причастия.

«В то время как мы, Томас Уильямс, Джон Тарбелл и Сэмюэл Нерс, долгое время несли бремя больших обид из-за некоторых, по нашему мнению, неоправданных действий г-на Пэрриса, и действовали в соответствии с порядком, чтобы получить от него удовлетворение, и предприняли некоторые меры () для этого, следуя совету некоторых соседних старейшин. Однако, препятствуя нашим действиям, мистер Пэррис и некоторые братья из церкви были назначены церковью, чтобы потребовать от нас объяснений по поводу нашего ухода из общины. Мы не понимаем законность такого поступка, поскольку в данном случае мы считаем себя истцами и пострадавшими сторонами и упорядоченным образом добиваемся удовлетворения, хотя до сих пор нам в этом отказывали. Наш ответ церкви заключается в том, что мы считаем, что нам препятствуют в исполнении нашего долга (), что мы считаем обидой, поскольку мы были первыми в следовании правилу нашего Господа Иисуса Христа, изложенному в Евангелии от Матфея 18: 15, 16. Поэтому, если церковь даст нам свободу и возможность выполнять наш долг в соответствии с установленными правилами, возможно, тогда дальнейшие проблемы могут быть предотвращены, или же дело будет обязательно и в установленном порядке передано на их рассмотрение. Но если они откажут нам в просьбе, мы, как и положено по долгу, изложим причины наших действий церкви или любым другим лицам, когда это будет требоваться в установленном порядке».

Пэррис говорит в записях Церкви, «что этим недовольным братьям в ответ на их обращение было сказано, что они поступили неправильно, критикуя Церковь, которая, как и пастор, не знала об их методах, и что они должны были поговорить с самим пастором, прежде чем обращаться за советом к соседним старейшинам. Но на это последнее они сослались на незнание. Поэтому мы уступили их просьбе действовать в соответствии с порядком».

27 марта 1693 года несогласные братья вручили пастору следующий документ:

«Нашему пастору и священнику, г-ну Сэмюэлю Пэррису из деревни Салем, а также некоторым другим жителям плантации. Мы, чьи имена указаны ниже, глубоко осознаем, что те неприятные разногласия, которые существуют между нами, очень бесчестны перед

Богом, являются позором для религии, очень неприятны для нас самих и плохим примером для тех, кто может прийти после нас. И, поддерживая и удерживая разногласия, которые существуют между нами, мы лишь ублажаем дьявола, великого врага наших душ. Для устранения этого мы сочли целесообразным представить наши нынешние мысли на ваше серьезное рассмотрение, надеясь, что могут быть предложены такие методы, которые могут укрепить и утвердить мир и единство между нами, как в настоящее время, так и в будущем. И мы желаем, чтобы был заложен такой фундамент для мира и истины, чтобы врата ада не одолели его. И для этого Соломон советует обратиться к Совету; и мы желаем, чтобы был избран Совет старейшин, который выслушал бы все наши жалобы на мистера Пэрриса и определил, в чем заключается вина. И мы надеемся, что их мудрость и благоразумие направят нас к такому методу, который принесет нам утешение как в настоящее время, так и в будущем».

Комитет церкви потратил много времени, пытаясь добиться удовлетворения от несогласных братьев, в то время как последние всеми силами стремились привлечь Пэрриса к ответственности перед советом. Наконец, 16 февраля 1693 года на заседании комитета несогласные братья изложили свои причины для ухода из служения в деревне. Они следующие.[196]

После того как пастор зачитал обвинения против него, он представил свои «Размышления о мире». Этот документ, который в то время считался признанием его ошибок в заблуждении о колдовстве (), мы приводим полностью. Он выглядит следующим образом.[197]

Несмотря на это, недовольные братья продолжали настаивать на принятии их прошения о созыве совместного совета. Пэррис отказался обращать на это внимание и сказал: «Я положил его в карман и сказал им, что подумаю над этим». Судя по записям, признание г-на Пэрриса было впервые зачитано перед церковью 18 ноября 1694 года в присутствии несогласных братьев, когда Тарбелл заметил, что если бы пастор ранее сделал хотя бы *половину того признания, которое он сделал сейчас*, то дело никогда бы не дошло до этого. Похоже, что признание пастора не удовлетворило братьев, и они продолжали настаивать на созыве совета (). Тем временем Пэррис выдвинул различные возражения, как он их называл, против Тарбелла и его друзей, которые были зачитаны перед церковью 13 ноября. Эти возражения были следующими: «Их поспешный, раскольнический и полный уход из церкви; представление пастору клеветнического доноса, состоящего из клеветы или высказываний в адрес упомянутого священника и других членов общины; их яростное преследование священника в его доме с требованием ответа на упомянутый донос, что вызвало у него сильное беспокойство; их неустанное преследование священника 14 апреля 1693 года с требованием ответа на упомянутый донос; их настойчивое требование, чтобы их обвинение было зачитано, да еще громко и яростно, перед всем братством, их крики против церкви и публикация под своей рукой в разных местах страны различных клеветнических высказываний против церкви; их склонение нескольких человек присоединиться к ним в петиции к Его Превосходительству () и Генеральному суду, скандализируя церковь и священника как немирнолюбивых по отношению к своим соседям; их отказ от финансовой поддержки и личного участия в поддержании Господнего стола и служения; их грубую ошибку в письме к церкви в Мальдене, в котором они выражают столь большое недовольство доктриной, практикой и управлением своего пастора в течение более года до даты упомянутого письма, что они были вынуждены отказаться от всех публичных богослужений; тогда как всем известно, что они не испытывали недостатка в проявлении большого уважения к своему пастору, как до, так и в течение значительного времени после разразившегося недавно ужасного колдовства». Это некоторые из обвинений, выдвинутых

против трех братьев Пэррисом, и он сообщает нам, что «как только публичное чтение этих статей закончилось, брат Томас Уилкинс в насмешливой и презрительной манере открыто сказал: «Это большое послание»». Судя по записям, братья-диссиденты продолжали прилагать энергичные усилия, чтобы привлечь Пэрриса к суду, что в конце концов было рекомендовано пасторами соседних церквей, когда Пэррис в своей последней попытке уклониться от этого предложил недовольным братьям перейти в какую-нибудь другую ортодоксальную церковь, на что Тарбелл ответил: «Да, если бы мы могли найти способ избавиться и от нашего пропитания». После более чем двухлетней задержки церковь согласилась созвать совет, который собрался в деревне 3 апреля 1695 года. Доктор Инкрейс Мэзер был избран председателем и представил следующий отчет, который был принят Советом и представлен церкви: 1) Они единодушно заявили, что «мы считаем, что, хотя в позднее и мрачное время смуты, когда сатана получил более чем обычную свободу, чтобы посеять эту плантацию, были предприняты различные неоправданные и неудобные шаги со стороны г-на Сэмюэля Пэрриса, пастора церкви в деревне Салем, которая тогда находилась в состоянии суматохи и потрясений от удивительных бедствий; однако упомянутый г-н Пэррис, благодаря благой руке Божьей, пришел к более правильному пониманию вещей и так полно выразил его, что христианская любовь может и должна принять это удовлетворением. 2. Они посоветовали несогласным братьям принять удовлетворение, которое он предложил в своем христианском признании ошибок, совершенных в этом деле, и в случае, если мистер Пэррис в конце концов сочтет, что он не может с каким-либо комфортом и пользой продолжать занимать свою нынешнюю должность, его уход оттуда не подвергнет его никакому суровому осуждению с нашей стороны. Заметив, что в деревне Салем царит дух споров и вражды, что, к сожалению, подтверждает порочность, которая до сих пор лежала на них; и что некоторые жалобы на г-на Пэрриса были либо беспричинными, либо необоснованными, либо чрезмерно усугубленными, мы, во имя и в страхе Господнем, торжественно предупреждаем их, чтобы они подумали, не приведет ли их дальнейшее пожирание друг друга к горечи в конце концов».

Рекомендация Совета, по-видимому, удовлетворила друзей мистера Пэрриса, и пастор решил продолжить свое служение. В то же время отчет Совета не удовлетворил тех, кто выступал против мистера Пэрриса, поскольку в нем не рекомендовалось его увольнение; соответственно, 3 мая 1695 года документ, подписанный 16 молодыми людьми, 52 домовладельцами и 18 членами церкви, был передан старейшинам, составлявшим покойный совет в деревне, с просьбой повторно рассмотреть дело Пэрриса и более четко посоветовать пастору прекратить свою деятельность и искать, чтобы устроиться в другом месте, и т. д. 6 мая 1695 года в ответ на возражения противников г-на Пэрриса совет направил пастору письмо, в котором сообщил ему о масштабах противодействия его служению и посоветовал ему покинуть свою нынешнюю должность, объединиться в призыве к назначению другого священника, простить и забыть все прежние обиды.

Г-н Пэррис, по-видимому, был раздражен последней рекомендацией Совета покинуть свой приход и в церковных записях собственноручно отметил, что документ (в ответ на документ и классическое письмо из Кембриджа) был доставлен диаконом Путнэмом старейшинам, собравшимся в Бостоне у г-на Уилларда 29 мая 1695 года, в день выборов после обеда, когда собрались старейшины, принадлежащие к этой провинции. Это письмо было адресовано преподобному г-ну Инкрейсу Мазеру и другим преподобным старейшинам, которые недавно собрались в Кембридже, датировано 20 мая 1695 года и подписано 53 домовладельцами и 52 членами церкви, все из которых принадлежат к деревне Салем. В этом письме они говорят, что отстранение г-на Пэрриса от его нынешней должности не объединит нас в призыве к другому священнику. Они справедливо опасаются, что в случае его отстранения они

останутся, как овцы без пастыря. Поэтому они желают, чтобы г-н Пэррис остался на своей нынешней должности.

Совет, по-видимому, в конце концов полностью удовлетворился тем, что мистер Пэррис должен покинуть деревню Салем, и поэтому они нашли для него приход в Саффилде и послали двух посланников из этой церкви, чтобы убедить церковь в деревне Салем уволить своего пастора. Пэррис сообщает нам в своих церковных записях, что на собрании церкви, состоявшемся в его доме 3 июня 1695 года он сообщил братьям, что здесь находятся два посланника из Саффилда, которые ищут священника, и по просьбе некоторых старейшин из Бостона обратились к нему с просьбой, и он готов пойти с ними, если братья согласны, и в его отсутствие в течение нескольких месяцев они могут попробовать (вместе с другими, кто сейчас не согласен) объединиться с другим священником. Но после нескольких часов обсуждения как с братьями, так и с некоторыми другими христианскими соседями, все они заявили о своем несогласии с его предложением. После этого, поблагодарив их за их заявленную любовь к нему, он сказал им, что не может уехать без их согласия, и, видя, что они не позволяют ему уехать, он помолился за них, *чтобы они сохранили его и ценили его*. В тот же день, 3 июня 1695 года, церковь направила следующее решительное письмо преподобному Инкрейсу и Коттону Мазеру, в котором говорилось: «Мы не можем упрекнуть вас в намерениях наших братьев сержанта Дэвида Уинчелла и капрала Виктори Сикса, посланцев из Саффилда, которых вы сами направили, чтобы получить служение нашего пастора, если бы мы были настроены расстаться с ним. Но после совместного обсуждения этого вопроса сегодня как церковью, так и другими лицами, мы настоящим заявляем по просьбе вышеупомянутых посланников из Саффилда, при единодушном согласии, без единого исключения (за исключением четырех известных несогласных), что мы решили — с *Божьей помощью — противостоять такому разделению, пока мы в силах это предотвратить*. И наш пастор, хотя и склонен к иному, все же не желает покидать столь многих из своей паствы, которые проявляют к нему столь сильную привязанность. Искренне прося о постоянной помощи ваших молитв и о любой другой помощи, которую вы можете оказать, мы остаемся, достойные и уважаемые господа, вашими нуждающимися братьями.

Сэмюэл Пэррис, пастор,

от имени церкви и других христианских соседей.

- Преподобному г-ну Инкрейсу Мазеру и
- господину Коттону Мазеру-младшему, Бостон».

Не похоже, что бостонские старейшины предпринимали какие-либо дальнейшие попытки примирения; и, судя по всему, большинство прихожан всегда поддерживало г-на Пэрриса, оставаясь с ним; и, по-видимому, многие авторы допустили очень распространенную ошибку в отношении его ухода от своего народа, полагая, что он был поспешно изгнан из деревни. На самом деле он продолжал и поддерживал себя в течение пяти лет служебной ссоры, пока не счел целесообразным прекратить ее, после чего он сообщил своей церкви о своих намерениях.

Между Пэррисом и его прихожанами в деревне Салем было три различных предмета спора. Первый возник до начала мании охоты на ведьм в результате невыполнения его приходом обязательства поставлять ему 30 кордов дров в год. Второй спор с четырьмя несогласными братьями церкви возник в результате курса, проводимого Пэррисом в отношении колдовства. Третий спор возник в результате его претензий на приход и земли по решению жителей деревни и их отказа выплатить ему задолженность по старым спискам ставок. Эти

три спора вызвали долгую и непрекращающуюся ссору, которая в конце концов привлекла внимание людей из ближних и дальних мест, стала серьезным вопросом для ученых советов, была передана в окружные суды и стала предметом петиции в Великом и Общем суде в Бостоне. После того как стало известно, что Пэррис должен покинуть жителей деревни и что он претендует на приход, между ним и жителями разгорелся ожесточенный спор, который был передан в суд в Ипсвиче.

Этот вопрос, не будучи решенным, был снят с рассмотрения в судах () и передан Уэйту Уинтропу, Элише Куку и Сэмюэлю Сьюоллу, которые постановили, что «мистеру Пэррису должны быть выплачены некоторые из его задолженностей, а также сумма денег за ремонт дома священника, и он должен быть уволен из деревни Салем».

Именно в период наибольших трудностей в отношениях со своими прихожанами он потерял свою жену, которая скончалась 14 июля 1696 года. Она была похоронена на кладбище Уодсворт в Данверсе, где можно увидеть серый сланец — прекрасный образец каменного искусства — с линиями, такими же четкими, как в день, когда они были впервые вырезаны, установленный над ее могилой, на котором находится следующая надпись с инициалами Сэмюэля Пэрриса внизу:

«Спи, драгоценная прах, теперь уже не чуждая покою,

Ты исполнила свое заветное желание, в лоне Авраама —

Прощай, лучшая жена, избранная мать, соседка, подруга,

Мы будем скорбеть меньше, надеясь на конец».

С. П.

После увольнения из деревни Салем он переехал в Конкорд, штат Массачусетс, где жил в 1705 году; в 1711 году он проповедовал шесть месяцев в Данстебле. Он умер в Садбери 27 февраля 1720 года; его вторая жена, миссис Дороти Пэррис, умерла там 6 сентября 1719 года. Ниже перечислены дети г-на Пэрриса: Элизабет, которая вышла замуж за Бенджамина Барнса в Конкорде 13 января 1710 года; Дороти, вышедшая замуж за Хоупстилла Брауна из Садбери в 1718 году и умершая 4 марта 1725 года; Сэмюэл, который был дьяконом церкви в Садбери, умер 22 ноября 1792 года в возрасте 91 года; Нойес, окончивший Гарвардский колледж в 1721 году, был невменяем и содержался за счет города; Мэри, вышедшая замуж за Питера Бента из Садбери 18 апреля 1727 года.

[Через одиннадцать лет после смерти г-на Пэрриса появилось следующее объявление. Редактор не располагает информацией о том, последовали ли его потомки содержащемуся в нем предложению.

«Любое лицо, которое знало г-на Сэмюэля Пэрриса, ранее проживавшего в Барбадосе, а затем в Бостоне, в Новой Англии, купца, а после этого священника в деревне Салем и т. д., умершего, сына Томаса Пэрриса из вышеупомянутого острова, эсквайра, умершего в 1673 году, или единственного наследника по завещанию его имущества на указанном острове, просьба сообщить об этом или направить уведомление об этом типографу этой газеты; это будет в их интересах».

[*Boston News-Letter*, № 1433, 15 июля 1731 г.

СНОСКИ:

[178] Как видно, г-н Пулсифер модернизировал орфографию, а мы исправили пунктуацию в нескольких случаях и использовали заглавные буквы в соответствии с нашим прежним единообразным старым стилем.

[179] Не похоже, что эти протоколы допроса были зачитаны обвиняемому или что ему была предоставлена возможность исправить любые неверные утверждения, которые предвзятый писец мог сделать по неосторожности или умышленно; в то же время, рассматривая дело в его нынешнем виде, кажется невероятным, что обвиняемый мог быть признан заслуживающим даже мягкого выговора. Слишком унижительно, чтобы об этом думать!

[180] Сатана.

[181] Это мнение доктора можно подвергнуть сомнению, поскольку мы не знаем, по каким критериям он оценивал богатство в то время.

[182] Мистер Инглиш был арестован заместителем шерифа Джейкобом Мэннингом 31 мая 1692 года. Миссис Инглиш была арестована 22 апреля того же года. Я не нашел информации о времени их перевода в Бостон, но мистер Инглиш пробыл в тюрьме около девяти недель. Отсюда можно сделать вывод, что их побег произошел примерно в начале августа того же года. См. Фелт, «Летопись Салема», ii, 479.

[183] Об этом человеке я не пытался добавить ничего к тому, что содержится в словаре Льюиса Линна и Сэвиджа. Возможно, он был достаточно мудр, чтобы держаться подальше от Филипа Инглиша после его возвращения.

[184] Мистер Сэвидж говорит, что имя мистера Холлингворта было *Ричард*. Бил, хотя, по-видимому, и был не вполне в здравом уме, возможно, знал имя такого выдающегося человека, как Холлингворт, с которым он, вероятно, был хорошо знаком. Однако, похоже, что Бил перепутал имя сына с именем отца. Семья Холлингвортов прибыла в Сейлем в 1635 году. С тех пор это имя часто пишется как *Холлингсворт*. См. «Основатели Новой Англии», стр. 40.

[185] Некоторые сведения о нем можно найти в книге «История семьи Рид» (*History of the Reed Family*) Дж. В. Рида, изданной в 1861 году, стр. 42.

[186] В «Истории и родословной Новой Англии», том VI, стр. 316, можно найти некоторые сведения об этом человеке.

[187] Краткий и искаженный отрывок находится среди записей, не датированных, но помещенных после «29 марта 169½»!

[188] Документы, вставленные в записи до этого, конечно же, находятся не на своем месте, так как они датированы более поздним временем. В какой-то момент необходимо будет провести перегруппировку или перекомпиляцию документов о колдовстве.

[189] В Хэверхилле рано появилась большая семья *Кларков*. К какой семье принадлежала эта пострадавшая женщина, мои материалы не раскрывают.

[190] В 1687 году Джозеф Писли был избран констеблем, но нет уверенности, что он исполнял эту должность в 1692 году. Джон Эйер-младший разделял с ним обязанности. См. Чейз, «История Хэверхилла», 145.

[191] Как и семья Кларков, семья *Свонов* была многочисленной в Хэверхилле, но мистер Чейз не нашел Тимоти.

[192] Возможно, это был мистер Хезекия из Бостона. Возможно, именно его имеет в виду мистер Калеф в своем *послесловии*. См. страницу 154 *оригинального издания*.

[193] Я не нахожу имени Пост в книге г-на Чейза о *Хэверхилле*. В Уборне была семья, и, по словам г-на Сэвиджа, у Джона Поста из этого города и его жены Мэри Тайлер была дочь Мэри, родившаяся в 1664 году, которая, возможно, и была этой свидетельницей.

[194] Та же самая, которая так часто упоминалась как Элизабет Хаббард. В следующей статье этого приложения ей уделяется особое внимание.

[195] Г-н Фаулер любезно предоставил эту чрезвычайно ценную статью в распоряжение редактора. Первоначально она была зачитана в *Эссекском институте*.

[196] Будучи той же, что и в третьей части г-на Калефа, здесь опущена. См. т. II, стр. 140-3; или стр. 55-7, оригинальное издание.

[197] См. том II, стр. 143-8, где приводится полный текст этой статьи.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА.

Когда это издание «*More Wonders*» прошло через печать, издатель принес следующие исправления, которые, по-видимому, были вставлены в некоторые экземпляры оригинального издания; и хотя некоторые из ошибок являются совершенно несущественными, а другие были исправлены в процессе ревизии, тем не менее было решено вставлять их здесь полностью.

Г-н Вудворд сообщил редактору, что он скопировал их из экземпляра работы г-на Калефа, хранящегося в библиотеке Массачусетского исторического общества, который когда-то принадлежал доктору Коттону Мазеру, а затем доктору Джереми Белкнапу. Следовательно, весьма вероятно, что этот экземпляр был подарен доктору Мазеру автором. Как бы то ни было, следующий отрывок, написанный рукой самого доктора Мазера в том же томе, действительно кажется странным:

«Иов, xxxi, 35, 36. Я желаю, *чтобы* мой противник написал книгу. Я бы с радостью взял ее на свои плечи и привязал к голове как корону».

«Ко. Мазер».

ИСПРАВЛЕНИЯ.

[Ссылка относится к страницам оригинального издания; это страницы внутреннего поля этого издания].

Страницы с 48 по 57 можно исправить пером, как и в предисловии, 7 строк от конца, вместо «use» читать «me». Стр. 3. Ст. 17. f. яростно г. серьезно Стр. 13. Ст. 2. f. плодотворный г. верный. Стр. 16 Ст. 3 снизу f. меня г. г-н Стр. 18. Ст. 6. f. рисуя г. связывая. Стр. 28. Ст. 13. Слово «More» следует опустить. Стр. 49. Ст. 12. г. древние поклонялись. Стр. 52. Ст. 9. г. тем ближе. Стр. 55. Ст. 14. f. необъяснимо г. неудобно. Стр. 61. Ст. 26. после слова «propose» г.

I. Что если вы сами пожелаете с терпением еще раз выслушать дело и предоставить полную свободу для доказывания и т. д. Слово «Место».

Стр. 63. Ст. 3. f. доказано г. получено Стр. 65. Ст. 25. f. дорогой. г. ясный.

Стр. 85. Ст. 20. г. лучше всего учиться. Стр. 93. Ст. 12. f. сосать г. кормить грудью.

Стр. 94. Ст. 22. г. Мерси Льюис. Стр. 98. Ст. 16. Натаниэль Кэри.

Стр. 106. Ст. 31. г. в гору. Стр. 143. Ст. 8. f. улетел г. сбежал.

Стр. 152 Ст. 26. f. что он г. он, который.

Исправления в настоящем издании. — Том I, стр. 102, примечание 114, f. credulous, r. incredulous. Стр. 110, строка 11, for on r. out. Стр. 189, примечание 174, r. Dr. Felt. Том III, стр. 184, строка 1, r. James.

КОНЕЦ.

Примечание переписчика.

Изменчивое написание и деление слов на слоги были сохранены. Незначительные несоответствия в пунктуации были исправлены без указания. Сноски были перенумерованы и помещены в конце каждого раздела. Записи *Kembell* и *Tockinosh, John, ii, 23.* в указателе не соответствуют тексту.

Исправления.

Первая строка указывает на оригинал, вторая — на исправление.

Сноска 18:

- Замечания о скандальной книге
- Замечания о скандальной книге

Сноска 19:

- Квинси слишком
- Квинси слишком

Сноска [37](#):

- полностью приводится в томе I, 152-63
- полностью приводится в томе I, 152-63

Сноска [90](#):

- Ньюбери в Эмсбери, купив участок
- Ньюбери в Эмсбери, купив кусок

Сноска [96](#):

- не фигурирует в записях
- не фигурирует в записях

Сноска [167](#):

- и Чартер-стрит,
- и Чартер-стрит,

с. [138](#):

- Достижения, поскольку ни одно из них никогда не было осуществлено
- Достижения, которые никогда не были достигнуты

стр. [226](#):

- Бакстер, Ричард, I, xx
- Бакстер, Ричард, I, xxx

Стр. [236](#):

- его собственная оценка своих трудов
- его собственная оценка своих трудов

Стр. [240](#):

- Роджерс, Джон, Свидетели против Марты Кэрриер, 197; из Биллерики, iil, 118;
- Роджерс, Джон, Свидетели против Марты Кэрриер, 197; из Биллерики, iii, 118;

Стр. [241](#):

- Стейси, Уильям, 172, iii, 86-7, 76, 86-7.
- Стейси, Уильям, 172, iii, 86-7, 76.

Исправления.

Первая строка указывает на оригинал, вторая — на то, как должно читаться.

Стр. [42](#):

- вы бы стремились иметь

- вы бы стремились иметь

Сноска [144](#):

- И теперь они впадают в трагические восклицания;
- И теперь они впадают в трагические восклицания;